

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

Абдурахманова-Павлова Дарья Владимировна

«ДНЕВНИК» (1774) ДЖОНА ВУЛМЕНА И ЕГО РЕЦЕПЦИЯ

Научная специальность 5.9.2. Литературы народов мира

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук
Алташина Вероника Дмитриевна

Санкт-Петербург
2023

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ДЖОН ВУЛМЕН И ЕГО «ДНЕВНИК»	16
1.1. Вехи жизни и творчества Джона Вулмена.....	16
1.2. Этическая и социальная проблематика «Дневника».....	23
1.3. Поэтика «Дневника».....	40
1.3.1. Жанровая принадлежность и композиция.....	40
1.3.2. Риторические и стилистические особенности.....	49
1.3.3. Метафора путешествия.....	58
Выводы по Главе 1.....	64
ГЛАВА 2. РЕЦЕПЦИЯ «ДНЕВНИКА» В XVIII – XXI ВВ.	65
2.1. «Вулменоведение»: горизонты академического изучения творчества Джона Вулмена.....	65
2.2. Рецепция «Дневника»: основные этапы и направления	70
2.3. Формирование агиографизированного образа Джона Вулмена в публицистике.....	73
2.4. Осмысление «Дневника» в литературе «домашнего аболиционизма»: «Истории сестры Руфи, рассказанные ею детям, или Вечера с Джоном Вулменом» (1865 г.).....	91
2.5. Рассказ Чака Фэйгера «Джон Вулмен и девочка-рабыня» (1977 г.).....	105
2.6. Джон Вулмен – герой романизированной биографии и биографического романа.....	113
2.7. Мотивы «Дневника» в романе Теодора Драйзера «Оплот» (1946 г.).....	142
2.8. Поэтическая рецепция образа Джона Вулмена.....	161
2.9. Читательские отзывы о «Дневнике» (2000-е–2020-е гг.).....	169
2.10. Тенденции в рецепции творчества Джона Вулмена: междисциплинарные аспекты.....	182

Выводы по Главе 2.....	192
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	194
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	198
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Хронология литературного творчества Джона Вулмена..	222
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Стихотворения, посвящённые Джону Вулмену.....	223
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Иллюстрации.....	233

ВВЕДЕНИЕ

Проповедник из Нью-Джерси Джон Вулмен (1720–1772) – одна из самых ярких личностей в истории квакерской религии, а также признанный классик американской исповедальной прозы. Его наиболее известное произведение – это «Дневник жизни, евангельских трудов и христианского опыта верного слуги Иисуса Христа, Джона Вулмена»¹ (*A Journal of the Life, Gospel Labors and Christian Experiences, of that Faithful Minister of Jesus Christ, John Woolman*, – сокращённо *The Journal*, «Дневник», 1774 г.), который автор начал вести в 35 лет и продолжал до последних дней своей жизни. Перу Вулмена принадлежит также ряд эссе, посвящённых размышлениям на социальные и религиозные темы. Однако именно «Дневник» остаётся самым читаемым и переиздаваемым текстом Вулмена.

Благодаря «Дневнику» за Вулменом закрепилась репутация американского «неканонизированного святого»²: величайшего представителя своей конфессии и одного из первых борцов с рабовладельческой системой. Сюжет «Дневника» и представленный в нём автобиографический образ уже более двух столетий привлекают интерес критиков и читателей внутри и вне квакерского сообщества, а также являются источником творческого вдохновения для литераторов. Неслучайно один из ведущих современных специалистов по биографии и творчеству Вулмена, историк Джеффри Плэнк, отмечает, что «самопрезентация Вулмена, реакции современников на него, коммеморация истории квакерского проповедника – всё это вместе указывает на мощную роль,

---

¹ Перевод полного названия выполнен автором настоящей работы. Следует отметить, что в литературе на русском языке приняты также варианты транслитерации фамилии Woolman: Вулман, Вулмэн; в данной работе, однако, используется форма Вулмен, как наиболее близкая к оригинальной транскрипции.

² Eliot, Ch. W. Introductory note // *The Autobiography of Benjamin Franklin; The Journal of John Woolman; Fruits of Solitude by William Penn* / Ed. by Ch. W. Eliot. – N.Y.: P.F. Collier and Son, 1909. P. 176.

которую играет личный нарратив в рамках не только квакерства, но и всего антирабовладельческого движения Британии и Америки»³. Именно стремлением изучить особенности самопрезентации Вулмена, а также проследить основные этапы литературной рецепции его творчества, и обусловлен выбор темы настоящего исследования.

Актуальность темы связана с рядом положений. 1) Автобиографическая литература на сегодняшний день привлекает всё более пристальное внимание филологов, историков и представителей других наук, о чём свидетельствуют регулярное проведение в различных странах соответствующих конференций, публикации академических исследований⁴. 2) «Дневник» Джона Вулмена уже несколько десятилетий плодотворно осмысливается учёными соотечественниками автора, однако в других странах, в том числе в России, его творчество пока остаётся малоизвестным. 3) Рецептивный аспект исследования предполагает анализ различных прочтений классического произведения, а также воздействия документальной литературы на литературу художественную, что отвечает тенденциям развития современного литературоведения. 4) Кроме того, следует отметить, что в силу конфессиональной принадлежности Вулмена и ряда других рассматриваемых

³ Plank, G. The First Person in Antislavery Literature: John Woolman, his Clothes and his Journal // *Slavery and Abolition*, Vol. 30, No. 1, 2009. P. 67.

⁴ Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском пространстве: Люди, тексты, практики: Коллективная монография // Под ред. Ю.П. Зарецкого, Е.К. Карпенко, З.В. Шушпановой. – М.: Biblio-Глобус, 2017. 560 с.; Алташина В.Д. Поэзия и правда мемуаров (Франция, XVII–XVIII вв.): Монография. – СПб.: Издательство РГПУ им. Герцена, 2005. 176 с.; Есенина Е.А. Автобиографическая проза А.И. Цветаевой: проблема жанра. – М., 2021. 224 с.; Зарецкий Ю.П. Автобиографические «я» от Августина до Аввакума (Очерки истории самосознания европейского индивида). – М.: РАН, 2002. 324 с.; Караева Л.Б. Английская литературная автобиография: трансформация жанра в XX веке. Дисс. ... доктора филол. наук. – М., 2010. 329 с.; Кудряшова А.А. Теоретические основы жанра в русской автобиографической прозе. Дисс. ... доктора филол. наук. – М., 2013. 405 с.; Новикова С.Ю. Автобиографическая проза Томаса Бернхарда: проблематика и поэтика. – СПб., 2018. 211 с.; Щедрина И.О. Самосознание и автобиографический нарратив: эпистемологический анализ. Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2018. 133 с. Ежегодная конференция «Автобиографический миф в литературе и искусстве», ИМЛИ; Конференция «Синтез документального и художественного», Казанский Федеральный Университет; International Conference on Biography and Autobiography (Эл. ресурс: <https://waset.org/biography-and-autobiography-conference>; дата обращения 14.03.2023 г.).

нами авторов, в круг исследования попадает один из т.н. «периферийных» пластов американской литературы, – а именно, квакерская литература. Изучение квакерской литературы актуально в свете интенсивно разрабатываемой с 1990-х гг. теории многообразия, полагающей «разнородность и многослойность расовых, этнических, даже классовых начал не только исходным моментом формирования национального сознания и национальных традиций, но и сущностным признаком собственно нации»⁵. При этом, важно подчеркнуть, что за счёт охвата широкого корпуса текстов в исследовании обнаруживаются связи между «периферийной» литературой конфессионального сообщества квакеров и литературой «мейнстрима» (т.е. «культурного ядра, центра»⁶) общенациональной традиции.

Целью работы является, главным образом, выявление специфики рецепции «Дневника» в текстах различных жанров. Достижению поставленной цели служит разделение работы на две главы. В Первой главе предлагается целостная развёрнутая характеристика истории жизни Джона Вулмена и особенностей его «Дневника», сопряжённая с обзором академических интерпретаций этого текста – материал, рассмотрение которого необходимо в силу малой изученности «Дневника» за пределами англоязычного литературоведения. Вторая глава целиком посвящена основной цели работы: исследованию различных проявлений рецепции «Дневника», её периодизации и жанрового многообразия. Соответственно, в работе необходимо решить следующие **задачи**:

- рассмотреть историю жизни и творчества Джона Вулмена;
- систематизировать особенности поэтики и проблематики «Дневника»;
- выявить и классифицировать тексты-реципиенты «Дневника»;
- проанализировать его рецепцию в каждом из текстов-реципиентов;
- выявить общие закономерности и тенденции в рецепции «Дневника».

⁵ Апенко Е.М. Американские квакеры и литература // Вестник Удмуртского университета. 1994. № 4. С. 18.

⁶ Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. С. 4.

Основными объектами исследования являются «Дневник» Джона Вулмена, а также посвящённые Вулмену или написанные под влиянием «Дневника» 1) *публицистические очерки* (среди которых очерки Г. К. Робинсона, Дж. Г. Уитгъера, Дж. М. Тревельяна и ряда других авторов), 2) *поэтические произведения* (Э. М. Чендлер, Дж. Г. Уитгъер, Б. Дж. Эверитт и др.) и 3) *художественная проза* (Т. Драйзер, Ч. Фэйгер), и, кроме того, 4) *читательские отзывы* о «Дневнике». В рамках обозначения путей дальнейших исследований, в работе затрагиваются также вопрос о переводах «Дневника» и некоторые междисциплинарные аспекты рецепции Вулмена.

Предмет исследования – это поэтика и проблематика «Дневника» Джона Вулмена, рецепция «Дневника» в различных художественных и нехудожественных текстах, и, соответственно, литературный и культурный портрет Джона Вулмена, сложившийся на основе его дневникового автопортрета.

Разработанность темы исследования. «Дневник» привлекает внимание критиков и публицистов уже со времени своего первого издания, однако строго научное исследование жизни и творчества Вулмена начинается только в XX веке. Неоценимую роль здесь сыграло академическое издание «Дневника», предпринятое в 1922 г. специалистом по квакерской истории А. М. Гуммер, и написанный ею 150-страничный биографический очерк о Вулмене⁷. Вскоре творчество Вулмена стало темой университетских работ: уже в 1929 г. выпускница Университета Южной Калифорнии Э. Браун защитила магистерскую диссертацию, посвящённую социальной философии Вулмена⁸. Выдающимся знатоком биографии Вулмена была писательница Джэнет Уитни, посвятившая ему книгу «Джон Вулмен, американский квакер» (*John Woolman: American Quaker*, 1942)⁹. В 1957 г. У. Олтмен защитил докторскую

⁷ Gummere, A.M. The Journal of John Woolman: Biographical Sketch // The Journal of John Woolman. – N.Y.: The Macmillan Company, 1922. P. 1-150.

⁸ Brown, E.M. The Writings of John Woolman: With Especial Emphasis on Their Social Philosophy. – A thesis subm. to the University of Southern California, 1929. 92 p.

⁹ Whitney, J. John Woolman: American Quaker. – L.: George G. Harrap & Co. Ltd., 1942. 432 p.

диссертацию, посвящённую кругу чтения Вулмена¹⁰. Имя Вулмена становилось всё более популярным в американистике, и в одном лишь 1968 г. анализ его творчества явился неотъемлемой частью сразу двух крупных исследований жанра духовной автобиографии в ранней американской литературе¹¹.

Знаменательной вехой стал 1971 год, когда свет увидело наиболее выверенное текстологически издание «Дневника», осуществлённое усилиями профессора Ф. Моултона, и остающееся самым авторитетным по сей день; на его восьмое переиздание¹² мы опирались в данной работе. Уникальный вклад в изучение наследия Вулмена внесли такие учёные, как, например, П. Роузенблатт, С. Олмстед, М.Хеллер, Э. Хиггинс, М. Стюарт, Дж. Плэнк, Т. Слотер, Дж. Прауд, М. Биркель, Дж. Кершнер. Этот список, безусловно, далеко не исчерпывает всего богатства научной литературы о Вулмене, к обзору которой мы вновь обратимся в п. 2.1. Здесь же следует отметить, что характерной чертой «вулменоведения» является его междисциплинарность: наследие проповедника рассматривается с точек зрения истории, филологии, религиоведения, психологии. Яркое тому подтверждение – посвящённый Вулмену сборник 2003 г. «Умягчающее присутствие»¹³, в который вошли двадцать обстоятельных статей, соединяющих в себе разные подходы.

В отечественной науке первые исследования творчества Вулмена появились в 1990-е гг. В 1994 г. вышла статья Е. М. Апенко «Американские квакеры и литература»¹⁴, помещающая творчество Вулмена в широкий контекст развития квакерской прозы. В 1995 г. был опубликован перевод «Дневника» на русский язык, выполненный специалистом по британской

¹⁰ Altman, W.F. John Woolman's Reading. – A diss. subm. to Florida State University, 1957. 293 p.

¹¹ Shea, D. Spiritual Autobiography in Early America. – Princeton: Princeton University Press, 1968. 280 p.; Millar, A.E., Jr. Spiritual Autobiography in Selected Writings of Sewall, Edwards, Byrd, Woolman, and Franklin: A Comparison of Technique and Content. – A diss. subm. to the University of Delaware, 1968. 357 p.

¹² Woolman, J. The Journal and Major Essays / Ed. by Ph. P. Moulton. – Richmond: Friends United Press, 2007. 336 p.

¹³ The Tendering Presence: Essays on John Woolman / Ed. by M. Heller. – Philadelphia: Pendle Hill Publications, 2003. 340 p.

¹⁴ Апенко Е.М. Американские квакеры и литература...

истории Т. А. Павловой, с её предисловием и примечаниями¹⁵. Своеобразие «Дневника» как текста о путешествиях отчасти затрагивается в монографии Е. А. Стеценко (1999 г.)¹⁶, а также в недавно защищённой диссертации Д. Д. Кузиной¹⁷. Однако более подробные исследования на русском языке пока не публиковались.

Если сосредоточить внимание на рецепции «Дневника», можно заметить, что эта проблематика почти не разработана ни в российском, ни в международном литературоведении. Целенаправленное её изучение пока представлено лишь единичными примерами. Перечислим известные нам публикации, сосредоточенные на том или ином аспекте рецепции «Дневника».

1) Список поэтических посвящений Вулмену в издании «Дневника» под редакцией А. М. Гуммер¹⁸.

2) Статья Г. Фридриха о влиянии Вулмена на Драйзера¹⁹.

3) Статья Ф. Моултона «Воздействие текстов Вулмена»²⁰, посвящённая идейному влиянию Вулмена на мыслителей и общественных деятелей XIX–XX вв.

4) Статья Дж. Перкинс «Европейская рецепция “Дневника” Джона Вулмена»²¹, затрагивающая проблему восприятия «Дневника» европейскими литераторами XVIII – первой трети XIX вв. в общем контексте восприятия ими американского квакерства и антирабовладельческого движения.

---

¹⁵ Вулман Дж. Дневник. Ходатайство о бедных / Пер. с англ. Т.А. Павловой. – М.: Астрей, 1995. 336 с.

¹⁶ Стеценко Е.А. История, написанная в пути... (Записки и книги путешествий в американской литературе XVII–XIX вв.) – М.: ИМЛИ РАН, 1999. 312 с.

¹⁷ Кузина Д.Д. Трансформация жанрового канона путешествия в американской литературе первой трети XX века. – Дисс. ... кандидата филологических наук. – М., 2022. С. 41.

¹⁸ Gummere, A.M. The Journal of John Woolman: Biographical Sketch...

¹⁹ Friedrich G. Theodore Dreiser's Debt to Woolman's Journal // American Quarterly. 1955, 7 (4). P. 385-392.

²⁰ Moulton, Ph. P. The Influence of the Writings of John Woolman // Quaker History. Vol. 60, No. 1, 1971. P. 3-13.

²¹ Perkins, J. The European Reception of John Woolman's Journal // Quaker History, Vol. 69, No. 2, 1980. P. 91-101.

Отдельно следует упомянуть три исследования, авторы которых, хотя и не сосредоточиваются на рецепции «Дневника» как главной теме, высказывают на этот счёт глубокие наблюдения, сыгравшие неоценимую роль в проведении данной работы. Первое из них – это монография литературоведа-американиста Э. Кейди «Джон Вулмен: мировидение святого квакера»²² (1966 г.). Вторая работа принадлежит коллеге Кейди, Э. Ливсэй: в 1976 г. она защитила диссертацию, не потерявшую, на наш взгляд, актуальности по сей день. В исследовании, название которого можно перевести как «Джон Вулмен: персонаж и человек»²³, Ливсэй проводит кропотливый анализ соответствия дневникового автопортрета реальному лицу. Третье исследование принадлежит уже процитированному нами ранее историку Дж. Плэнку: это его статья 2009 г. «Первое лицо антирабовладельческой литературы: Джон Вулмен, его одежда и его “Дневник”».

Проблема рецепции, а также восприятия образов знаменитых писателей, безусловно, отнюдь не нова. В качестве примеров можно привести современные работы А. А. Златопольской и М. В. Загидуллиной, посвящённые, соответственно, эволюции образов Руссо и Пушкина в России²⁴. Нетрудно заметить, что речь в данных случаях идёт о разных видах рецепции: инокультурной и философско-антропологической – в случае Руссо; внутрикультурной и читательской – в случае Пушкина. Здесь мы подходим к необходимости классификации базовых понятий, затрагиваемых в данной работе.

Как известно, у термина «рецепция» в науке о литературе есть несколько значений. Об этом пишет, в частности, А. Компаньон, указывая на 1) рецепцию

²² Cady, E.H. John Woolman: The Mind of the Quaker Saint. – N.Y.: Washington Square Press, 1966. 182 p.

²³ Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person. – A diss. subm. to the Univ. of Delaware, 1976. 315 p.

²⁴ Златопольская А.А. “Intus et in cute”. Восприятие образа и автобиографии Жан-Жака Руссо в русской философско-антропологической мысли XVIII–XIX вв. // Философский век: альманах. Вып. 22. Под ред. М.И. Микешина, Т.В. Артемьевой. – СПб.: СПб. Центр истории идей, 2002. С. 20-32; Загидулина М.В. Пушкинский миф в конце XX века. – Челябинск, 2001. 245 с.

как *чтение*²⁵, 2) рецепцию как (а) *влияние* писателя на творчество других писателей и (б) литературную *судьбу* произведения²⁶.

Систематизируя данную проблематику, исследователи предлагают и другие схемы; воспользуемся схемой, приведённой М. В. Цветковой в её статье, посвящённой рецептивному подходу к компаративистским исследованиям, в которой указывается на два основных вида рецепции:

1) *Репродуктивная рецепция* охватывает аспекты, связанные с вхождением произведения в воспринимающую среду. Она включает разные виды трансформации текста (переводы, адаптации, редакторские правки), издания и переиздания, предисловия, комментарии, критические работы, литературоведческие труды, литературные биографии, читательская реакция.

2) *Продуктивная рецепция* проявляется в том, что воспринимаемое произведение входит в творчество других авторов. Здесь внимание исследователя должны привлечь эпитафии, цитаты, аллюзии, реминисценции, вариации тем, сюжетных ходов, заимствование, стилизованное подражание, пародирование, литературная полемика; травестирование, пастиш, коллажи и т.п.²⁷

В данном исследовании мы, в той или иной степени, обращаемся ко всем вышеперечисленным видам рецепции «Дневника» Джона Вулмена, рассматривая вдохновлённые им художественные и нехудожественные тексты, а также уделяя внимание читательским отзывам о «Дневнике» и практике его переизданий. При этом, однако, мы остаётся в рамках, преимущественно, внутрикультурной (англоязычной) рецепции.

Теоретико-методологической основой исследования являются историко-культурный метод, историко-функциональный метод, метод

²⁵ Немецкая рецептивная эстетика Х.-Р. Яусса и В.Изера; американская школа читательского отзыва.

²⁶ Компаньон А. Демон теории: литература и здравый смысл / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001. С. 172.

²⁷ Цветкова М.В. Возможности рецептивного подхода в рамках компаративистского исследования // Вестник Вятского государственного университета. 2010, № 3-2. С. 11-12.

классификации, положения рецептивной критики, а также элементы мифокритического подхода. Синтез этих методов даёт возможность разностороннего анализа избранной темы.

Научная новизна исследования состоит в попытке отчасти восполнить имеющиеся в академической литературе лакуны. Изучение «Дневника» далеко не исчерпало себя в англоязычном литературоведении, а за его пределами до сих пор остаётся на периферии внимания учёных. Между тем, многие из рассматриваемых в Главе II текстов ранее вовсе не становились объектом внимания в мировой науке. Также пока не предпринималось комплексное исследование рецепции «Дневника». Кроме того, следует отметить, что в рамках исследования была проведена обширная библиографическая работа, позволившая создать относительно репрезентативный обзор панорамы «вулменоведения» – академической литературы о Вулмене, с одной стороны, и корпуса посвящённых Вулмену публицистических и художественных текстов, с другой стороны. Анализ собранных сведений позволяет наметить и ряд перспектив дальнейших исследований.

Практическая значимость работы состоит в том, что материалы и результаты проведённого исследования могут быть применены в преподавании таких дисциплин, как «История мировой литературы», «История литературы США», «История автобиографической прозы», «Религиоведение» и др.

Теоретическая значимость работы заключается в осмыслении феномена продолжающейся уже более двух веков рецепции автобиографического текста, рассматриваемой на материале объёмного корпуса разножанровых художественных и нехудожественных текстов-реципиентов.

На защиту выносятся следующие положения:

- «Дневник» Джона Вулмена адресован, прежде всего, единоверцам автора, и по своему построению неразрывно связан с традиционными для квакерской прозы литературными канонами. Играющая важную роль в поэтике «Дневника» метафора путешествия многократно воспроизводится и на уровне сюжета, и на лексическом уровне. Анализ «путевой» лексики «Дневника»

выявляет тесную связь её семантики с семантикой «труда», «работы», а также «ведения дневника».

- Литературную рецепцию «Дневника» в хронологическом отношении можно разделить на три основных периода: 1) предыстория активной рецепции: 1774 г. – середина XIX в.; 2) агиографический период: середина XIX в. – 1950-е гг.; 3) период усиления научного интереса к Вулмену и переосмысления сложившегося агиографического канона: 1950-е гг. – наши дни. В жанровом отношении литературная рецепция «Дневника» отличается значительным разнообразием. «Дневником» вдохновлены многочисленные публицистические очерки, поэтические тексты, детское произведение т.н. «домашнего аболиционизма», романизованная биография, биографический роман, биографический рассказ, а также сугубо фикциональный роман.

- Процесс агиографизации фигуры Вулмена, происходивший в XIX–XX вв., проявился через использование ряда типично «житийных» мотивов в посвящённой ему публицистике, а также в поэтических текстах, произведениях документальной и художественной прозы. Вместе с тем, отчётливой тенденцией с середины XX в. является стремление авторов текстореципиентов преодолеть суженность агиографического канона в воссоздании образа проповедника.

- Запечатлённый Вулменом автобиографический образ и сюжет «Дневника» стали основой для ряда документально-художественных и художественных текстов. При этом, если в написанной Дж. Уитни романизованной биографии «Джон Вулмен, квакер» читателю предлагается детальная, приближенная к историческим данным версия жизни самого проповедника как исторической личности, то в романе Т. Драйзера «Оплот» элементы сюжета «Дневника» полностью фикционализируются – действие переносится в XX век, а Вулмен фигурирует как прототип главного героя. Другие произведения, вдохновлённые текстом Вулмена (анонимные «Истории сестры Руфи, рассказанные ею детям, или Вечера с Джоном Вулменом», «Джон Вулмен: дитя света» К. Пир, «Джон Вулмен и маленькая рабыня» Ч. Фэйгера),

представляют собой различные промежуточные градации между преимущественно документальным и преимущественно фикциональным воссозданием образа Вулмена.

- Современные читательские отклики на «Дневник», практика регулярных переизданий текста Вулмена, а также разнообразные формы коммеморации наследия проповедника указывают на то, что «Дневник» и по сей день сохраняет свой статус классического произведения американской исповедальной прозы, вызывая неизменный интерес как в квакерском сообществе, так и за его пределами.

В рамках **апробации исследования** автор принял участие в восьми конференциях (Международная конференция «Ломоносов» (2021), Международная конференция «Лояльность, подданство, гражданство: между империей и нацией» (2021), Международная конференция «Синтез документального и художественного в литературе и искусстве» (2021), Всероссийская конференция «Педагогический дискурс в литературе» (2021), Международные конференции «XVIII век: интимное и публичное в литературе и культуре эпохи» (2021), и «XVIII век: античные мифы и просветительские утопии» (2023), Международная филологическая конференция СПбГУ (2022, 2023)). Диссертация также обсуждалась на аспирантском семинаре, проводимом Кафедрой истории зарубежных литератур СПбГУ. Автором опубликовано шесть статей по теме работы; две из них – в рецензируемых журналах из перечня ВАК²⁸, две – в журналах из перечня Scopus²⁹.

²⁸ Абдурахманова-Павлова Д.В. «Документальное» и «художественное» в «Дневнике» Джона Вулмена // Филология и культура. 2021. № 3 (65). С. 46-55; Абдурахманова-Павлова Д.В. Образ Джона Вулмена в англоязычной публицистике 1850–1940-х гг.: агиографические мотивы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 177-185.

²⁹ Абдурахманова-Павлова Д.В. Рецепция «Дневника» Джона Вулмена в романе Теодора Драйзера «Оплот» // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 5-13; Абдурахманова-Павлова Д.В. «Истории сестры Руфи, рассказанные ею детям, или Вечера с Джоном Вулменом»: к вопросу о детской литературе «домашнего аболиционизма» // Литература двух Америк. 2022. № 13. С. 367-382.

Структура работы: Введение, две главы, Заключение, Список литературы, приложения. Первая глава состоит из шести параграфов и посвящена жизни Вулмена, а также обзору академических интерпретаций «Дневника». Вторая глава включает в себя десять параграфов, в которых рассматриваются направления «вулменоведения», а также последовательно анализируются различные аспекты литературной рецепции «Дневника» в XVIII–XXI вв. Список литературы насчитывает 293 источника на русском и английском языках.

ГЛАВА 1. ДЖОН ВУЛМЕН И ЕГО «ДНЕВНИК»

1.1. Вехи жизни и творчества Джона Вулмена

Джон Вулмен родился 19 октября 1720 г. в Норхэмптоне (провинция Нью-Джерси) и стал четвёртым ребёнком в семье фермеров Сэмюэля и Элизабет Вулмен. Его дедушка, Джон Вулмен-старший, переехал в Америку из английского графства Глостершир в 1677 г.³⁰; соответственно, родители Вулмена принадлежали уже ко второму поколению британских поселенцев. Сэмюэль и Элизабет Вулмен были Друзьями, т.е. квакерами³¹, и на вероучении

---

³⁰ Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 10.

³¹ Квакерство, или Религиозное общество Друзей (*The Religious Society of Friends, or, Quakers*) – протестантское течение, зародившееся в Британии в революционную эпоху XVII в. Среди нескольких основателей «Общества Друзей» наиболее известен Джордж Фокс (*George Fox, 1624–1691*), происходивший из пуританской семьи кожевника и пастуха. Как рассказывает сам Фокс в своём «Дневнике», в возрасте 19 лет он пережил мистическое «второе рождение», благодаря которому решил стать проповедником. Учение Фокса, корни которого исследователи обнаруживают в наследии мистических исканий Реформации, базируется на понятии божественного присутствия в душе каждого человека («Внутреннего», или же, если переводить слово *inward* точнее, «Направленного внутрь Света»; «Внутреннего Христа») и постулирует ряд т.н. «Свидетельств» (*Testimonies*): прежде всего, это Свидетельства о Равенстве, о Мире, о Правде, о Простоте. Молитвенные собрания (*Meetings*) квакеров отличаются тем, что происходят в полной тишине; задача каждого верующего на таком собрании – прислушиваться к воздействию «Внутреннего света»; почувствовав даруемое им озарение, квакер может выступить перед единоверцами с речью.

За квакерами закрепилась репутация «странного» (*peculiar*) сообщества: Друзья носили специфические «простые» (*plain*) костюмы, использовали местоимение *thou* вместо *you* независимо от титула собеседника, и т.п. В Британии община квакеров в первые десятилетия своего существования считалась опасной и подвергалась жестоким гонениям; это привело многих Друзей в Америку, где в 1681 г. Уильямом Пенном была основана квакерская колония Пенсильвания со столицей в «городе братской любви» – Филадельфии, с самого начала отличавшейся духом веротерпимости. Годы жизни Вулмена пришлись уже на более спокойную эпоху в истории квакерства, т.н. период квиетизма (*Quietism*), время «культурного созидания и мистического самоуглубления» (Brinton, H.H. *Friends for 350 years: The history and beliefs of the Society of Friends since George Fox started the Quaker Movement.* – Wallingford: Pendle Hill Publications, 2002. P. 181-187).

Квакеры приняли деятельное участие в движении за отмену рабства в США. Уже более трёх веков они участвуют во множестве пацифистских и филантропических проектов в разных странах. В 1947 г. «Обществу Друзей» была присуждена Нобелевская премия мира. Современному квакерству присущ универсализм, открытость по отношению к иным

«Общества Друзей» основывалась вся жизнь их религиозной общины. Вместе со своими братьями, сёстрами и соседями Джон Вулмен ходил в квакерскую школу; вместе с родителями дети регулярно посещали квакерские молитвенные собрания, а по воскресеньям читали Священное Писание. Уже в самом раннем детстве Вулмен, по его собственному признанию, испытывал глубокий интерес к религии, часто самостоятельно читал Библию, переживал мистический опыт³².

Родители Вулмена придавали большое значение как обучению, так и трудовому воспитанию своих детей, а потому юный Вулмен много работал на ферме, и именно сельская жизнь на долгие годы осталась для него прообразом идеального, гармоничного миропорядка. И тем не менее, хотя Вулмен был старшим из сыновей и должен был продолжить дело родителей, в возрасте двадцати лет он решил, с согласия отца и матери, избрать иное занятие: он оставил ферму и начал работать в близлежащем городке Маунт-Холли. Юноша устроился помощником к владельцу одного из местных магазинов и стал учиться у него торговому делу. Поскольку хозяин был также портным, Вулмен решил освоить и портняжное ремесло.

Через несколько лет Вулмен открыл собственный хозяйственно-гастрономический магазин, параллельно выполняя и заказы на пошив одежды. Портняжное ремесло нравилось ему тем, что позволяло обрести материальную независимость, и при этом легче, чем предпринимательское дело, совмещалось

духовным традициям; вместе с тем «Общество Друзей» сохраняет свои краеугольные положения: веру во Внутренний свет и следование «Свидетельствам».

Англоязычная литература о квакерах необычайно обширна и затрагивает исторический, религиоведческий, культурологический и другие аспекты изучения Общества Друзей. Исследования на русском языке касаются, в первую очередь, истории квакерства, а также масштабной гуманитарной миссии Друзей в Советском Союзе: см. работы Т.А. Павловой (Павлова Т.А. Джордж Фокс, ранние квакеры и проблемы пацифизма // Пацифизм в истории. Идеи и движения мира. – М., 1998. С. 28-48; Павлова Т.А. Дух Просвещения и ранние квакеры // Человек XVII столетия. Ч. 1. – М.: ИВИ РАН, 2005. С. 149-159), С.А. Никитина (Никитин С.А. Как квакеры спасали Россию. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. 408 с.) и др.

³² Woolman, J. The Journal and Major Essays... P. 23.

с религиозным служением. Примечательно, что эту же профессию выбрала и сестра Вулмена, Элизабет Вулмен, с которой они были очень дружны³³.

Однако в 1746 г. в жизни Вулмена произошло печальное событие – в возрасте тридцати одного года Элизабет умерла от оспы. Вспышки эпидемии оспы происходили в ту эпоху часто, но именно после безвременной кончины Элизабет страх перед этой болезнью стал преследовать Вулмена. Хотя в американских колониях тогда уже практиковалась инокуляция (искусственное заражение), процедура эта была рискованной, и сделать её Вулмен не решился.

В тот же 1746 год Вулмен совершил 3-месячное путешествие в южные провинции – Виргинию, Северную Каролину и Мэриленд, в которых было наиболее распространено рабовладение. Эта поездка произвела на Вулмена глубочайшее впечатление и положила начало его регулярным поездкам в различные регионы Америки.

В 1749 г. Джон Вулмен женился на девушке, с которой был знаком с детства – Саре Эллис (1721–1787), племяннице жены его дяди Джозефа Бёрра. У них родились двое детей: дочь Мэри (1750–1798) и сын Уильям (1754; умер в младенчестве). Происходившая из той же квакерской общины, супруга всегда поддерживала Вулмена в его религиозной деятельности.

В 1750-е гг. Вулмен начал приобретать всё большую известность в квакерской среде как проповедник (*minister*³⁴). В 1754 г. было издано первое эссе Вулмена, которое он опубликовал по благословению умершего отца: «Некоторые соображения по поводу содержания негров» (*Considerations on the Keeping of Negroes*)³⁵. За ним последовали и другие эссе, в частности,

³³ Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 88.

³⁴ Следует отметить, что слово «проповедник» является одним из возможных эквивалентов принятого у квакеров понятия “*minister*”, однако оно не совсем точно отражает нюансы его смысла. В силу присущей квакерству убеждённости в равенстве людей, проповедническую миссию среди квакеров мог в те или иные моменты выполнять любой «Друг», чувствующий вдохновение, даруемое ему или ей Внутренним Светом. Термином “(*recorded*) *minister*”, однако, выделялись Друзья, в которых признавался особый дар к таким выступлениям. Статус этот был почётен, однако какой-либо платы за свои выступления проповедники не получали, т.к. в квакерстве не принято оплачиваемое религиозное служение.

³⁵ На русском языке пока нет официально изданного перевода этого и других эссе, однако заголовки этого и некоторых других эссе в настоящей работе приводятся по переводам,

«Ходатайство о бедных» (*A Plea for the Poor*, 1763-64 гг., опубли. в 1793 г.), «Серьёзные размышления о торговле» (*Serious Considerations on Trade*, 1768), «Соображения об истинной гармонии человечества и о том, как её следует поддерживать» (*Considerations on the True Harmony of Mankind & How it is to be maintained*, 1770), «О любви к ближним как к самим себе» (*On Loving our Neighbors as Ourselves*, 1772)³⁶.

В 1755 г. Вулмен начал вести «Дневник». Последние шестнадцать лет жизни Вулмена – время ведения «Дневника» – были и годами его активных поездок и пеших путешествий по американским колониям. Вулмен неоднократно бывал и в южных провинциях, и в Новой Англии, а также посетил индейское поселение Виалусинг. Каждая такая поездка была сопряжена с неисчислимыми опасностями, и через их описания в «Дневнике» красной нитью проходит постоянное беспокойство Вулмена за оставшихся далеко родных. Между тем, в 1771 г., произошло радостное событие: любимая дочь Джона и Сары Вулмен, Мэри, создала собственную семью. Вскоре после этого, доверив роль главы семьи зятю Джону Камфорту, Вулмен решился на давно задуманное им путешествие за океан – на родину своих предков и историческую родину квакерства, в Англию.

Вернуться в Америку ему было не суждено: после трёх месяцев пешего путешествия по Англии Вулмен заразился оспой. В октябре 1772 г. проповедник умер в Йорке, в окружении своих британских друзей, завещав единоверцам рукопись «Дневника».

Таковы событийные контуры биографии Джона Вулмена, бóльшая часть которых отражена в самом «Дневнике». Однако, безусловно, многое осталось за пределами текста. Вулмен почти не рассказывает о своих друзьях и семье

предложенным Т.А. Павловой в справочном аппарате к русскому изданию «Дневника». Что касается использования слова «негр» при переводе понятия *Negro*, важно подчеркнуть, что в данном случае оно используется в нейтральном, неидеологизированном смысле, о котором пишет О.Ю. Панова в своём исследовании американской негритянской литературы (Панова О.Ю. Негритянская литература США 18 – начала 20 века: проблемы истории и интерпретации. – Дисс. ... доктора филол. наук. – М., 2014. С. 24).

³⁶ Более полный список произведений Вулмена приведён в Приложении 1.

(между тем, одних лишь родных братьев и сестёр у него было двенадцать); лишь фрагментарно описывает увиденное в многочисленных поездках. То же самое касается и профессиональной жизни автобиографа³⁷. Подобно своему современнику и соотечественнику, автору самой знаменитой американской автобиографии Бенджамину Франклину, Джон Вулмен в течение жизни освоил не одну и не две, а целый ряд профессий. Он был не только портным и предпринимателем, но работал также нотариусом, землемером, выращивал на продажу фрукты; некоторое время руководил начальной школой, для которой сам написал букварь; всерьёз интересовался правоведением и навигацией³⁸. В «Дневнике» же все эти занятия, если и упоминаются, то мимоходом. Главным своим призванием Вулмен считал религиозное служение: участие в квакерских собраниях, выступление с проповедями, беседы с единоверцами, поддержание связи между разными собраниями³⁹.

Частью служения было для него и литературное творчество. Говоря строго, применительно к Вулмену здесь уместно не слово «творчество», а слово «работа», поскольку квакерство той эпохи практически отрицало какие бы то ни было художественные искусства. В этом отношении квакерское вероучение – во многих других вопросах отличающееся от пуританства большей терпимостью – на раннем этапе развития своей строгостью превзошло даже пуританское. Неслучайно применительно к Друзьям ходячей стала фраза-каламбур: решительно отвергая искусства, квакеры «перепуританили пуритан»⁴⁰. Всякий текст, согласно раннему квакерству, должен был нести

³⁷ Называя Вулмена автобиографом, следует помнить о сложной жанровой природе его текста. В данной работе термин «автобиограф» используется с долей условности – возможно, оправданы были бы также термины «дневниковед» или «диарист»; предпочтение первому термину отдаётся в силу того, что он представляется более однозначным и устоявшимся.

³⁸ Altman, W.F. John Woolman's Reading. – A diss. subm. to Florida State University, 1957. P. 52.

³⁹ Собрания (*Meetings*) – организационные единицы Общества Друзей (наиболее крупное и объединяющее всех американских квакеров – т.н. Годовое Собрание, *Yearly Meeting*, в Пенсильвании).

⁴⁰ Tolles, F.B. "Of the Best Sort but Plain": The Quaker Esthetic // *American Quarterly*, Vol. 11, No. 4. 1959. P. 485; "Were Quakers Puritans?" [Эл. ресурс: <https://quakerspeak.com/video/were-quakers-puritans/> (Дата обращения: 14.02.2023)].

ценность духовного наставления или же научного познания⁴¹; эстетическая же и развлекательная составляющие воспринимались как избыточные, отвлекающие внимание читателя от духовного развития. Несколько позднее (в параграфе 1.3.3) будет показано, каким образом в «Дневнике» сказался мотив *писательства-работы*.

Рассматривая эссе Вулмена, в их содержании и стиле исследователи находят явные отзвуки идей Просвещения⁴². В то же время, «Дневник» по своей стилистике настолько религиозен и, на первый взгляд, далёк от какой бы то ни было литературной «обработанности», что некоторые из ранних критиков всерьёз считали его автора самородком, едва знакомым с грамотой.

В основе «Дневника» лежит мистический образ «Внутреннего Света» – образ, фундаментальный для квакерского вероучения. Внутренний Свет может пониматься двояко: это, с одной стороны, «частица Бога в каждом человеке» (“*That of God in everyone*”); с другой стороны – некое внешнее воздействие, позволяющее человеку познать свою природу⁴³. Вопреки распространённому смешению понятий, Внутренний Свет в квакерстве не тождественен совести: совесть – лишь одно из проявлений Внутреннего Света⁴⁴. Автобиографический герой Вулмена живет, постоянно «вслушиваясь» в даруемое Внутренним Светом божественное откровение, и стараясь согласовывать с ним свои поступки.

Каждый эпизод жизни, описываемый Вулменом, рассматривается и оценивается им через призму мистического опыта и «небесной мудрости»⁴⁵ (*heavenly wisdom*⁴⁶). Рассказ о своей жизни для Вулмена не цель, а средство,

⁴¹ Характерно, что из среды квакеров вышло множество естествоиспытателей (Brinton, H. *Friends for 350 Years...* P. 140).

⁴² Frost, J.W. *John Woolman and the Enlightenment // The Tendering Presence: Essays on John Woolman / Ed. by M. A. Heller.* – Philadelphia: Pendle Hill Publications, 2003. P. 167-179.

⁴³ Эмблер Р. Свет, которым жить. Исследование в рамках квакерской духовности. URL: <http://quakers.ru/свет-которым-жить-рекс-эмблер/> [Дата обращения: 14.02.2023].

⁴⁴ Livesay, E.K. *John Woolman: Persona and Person...* P. 55.

⁴⁵ Вулман Дж. Дневник... С. 85. Здесь и далее цитаты из «Дневника» Джона Вулмена даются в переводе Т.А. Павловой.

⁴⁶ Woolman, J. *The Journal...* P. 64.

материал для духовного размышления. Как и многие квакерские автобиографы, Вулмен стремится на собственном примере показать преобразующую силу Внутреннего Света. Уже в самом начале «Дневника» Вулмен формулирует свою автобиографическую интенцию: «Я часто чувствовал, что любовь побуждает меня оставить на бумаге какие-то следы испытанной мною благодати Божией, и сейчас, на тридцать шестом году жизни, я начинаю этот труд»⁴⁷.

«Дневник» – произведение глубоко интроспективное. Внешние события описываются в нем лишь в той мере, которая необходима для понимания внутренней духовной жизни автобиографа – жизни, прожитой в неустанном стремлении следовать за голосом «Истинного Пастыря»⁴⁸, действовать в согласии с велениями Внутреннего Света. Вулмен верит, что главным ориентиром для человечества должно быть Мирное Царство (*The Peaceable Kingdom*), и достичь его возможно, в том числе, благодаря общественным реформам. Как справедливо отмечает А.О. Дайсон, социальный анализ и самоанализ у Вулмена неразделимы⁴⁹. Соответственно, ключевой проблематикой «Дневника», при всей его интроспективности, становится проблематика социальная: это прежде всего *рабовладение*, но также и отношения *колонистов с индейскими народами*, вопросы *пацифизма, экономической этики*⁵⁰. Весь этот круг проблем рассматривается Вулменом как неразрывно взаимосвязанный, и в осмыслении его, по меткому выражению американского историка У. Хеджеса, Вулмен является одновременно «величайшим пессимистом и величайшим оптимистом своей эпохи»⁵¹. Более

⁴⁷ Вулман Дж. Дневник... С. 29.

⁴⁸ Там же. С. 76.

⁴⁹ Dyson, A.O. *The Ethics of Social Protest: John Woolman*... P. 129.

⁵⁰ Неслучайно современные исследователи считают Вулмена не только «прото-аболиционистом», но также и предтечей анти-консьюмеризма: см., например, книгу: Holcomb, J. *Moral Commerce: Quakers and the Transatlantic Boycott of the Slave Labor Economy*. – Ithaca and London: Cornell University Press, 2020. P. 27-35.

⁵¹ Hedges, W.L. *John Woolman and the Quaker Utopian Vision // Utopias: The American Experience* / Ed. by G.B. Moment and O.F. Kraushaar. – Meruchen, N.J. & L.: The Scarecrow Press, 1980. P. 100.

подробному рассмотрению проблематики «Дневника» будет посвящён следующий параграф.

1.2. Этическая и социальная проблематика «Дневника»

Если Уильям Хеджес, анализируя взгляды Вулмена на проблему осуществимости Утопии, называет Вулмена «величайшим пессимистом и величайшим оптимистом» эпохи, то авторитетный знаток «Дневника» Филлипс Моултон характеризует его как, прежде всего, неизменно трезвого в своих оценках реалиста⁵². Все три определения по-своему оправданны. Пессимизм Вулмена сказывается в присущем ему довольно мрачном восприятии перспектив развития наблюдаемой им социальной действительности, будь то действительность Нового или Старого Света; оптимизм же его подпитывается глубокой верой в возможность обретения человечеством утраченной гармонии. Размышляя о путях восстановления этой гармонии, Вулмен принимает в расчёт настоящее время, реальные возможности и ограничения текущего момента.

Исследователи, анализирующие мировоззрение Вулмена, соглашаются в том, что в основе его **этической системы** лежат идеи *гармонии, баланса, равновесия*⁵³. Неслучайно, как замечает Э. Ливсэй, созданной в «Дневнике» картине мира присуща некоторая «математичность»⁵⁴. В свою очередь, С. Кейгл и Дж. Плэнк трактуют её – каждый по-своему – в музыкальных терминах (Кейгл сравнивает темы «Дневника» и их взаимодействие с «темами» в музыкальном произведении, а Плэнк пишет о присущей Вулмену жажде вернуть мир в состояние *гармонии*, так, чтобы каждый человек играл положенную ему *партию* в общемировой *симфонии*, руководствуясь «*нотными знаками*» – т.е.

⁵² Moulton, Ph. P. Introduction / Woolman, J. The Journal... P. 11.

⁵³ Livesay, E. John Woolman: Persona and Person... P. 34, 142, 255; Heller, M. Soft Persuasion... P. 45; Boroughs, Ph. L. S. J. John Woolman's Spirituality // The Tendering Presence... P. 7.

⁵⁴ Livesay, E. John Woolman: Persona and Person... P. 157.

даруемым свыше откровением⁵⁵). Такие явления, как рабство, бедность, конфликт поселенцев с коренными жителями континента, по Вулмену, негативны, в первую очередь, именно как нарушающие установленные Создателем гармонию, баланс в жизни общества. При этом Вулмен обращает внимание на то, что жертвой дисбаланса является не только угнетённая сторона – рабы, вытесняемые колонистами индейские народы, но, во многом, и противоположная сторона – сами рабовладельцы, колонисты. Нарушение гармонии, равноправности человеческих отношений, по убеждению Вулмена, пагубно сказывается и на индивидуальном духовном благополучии каждого человека, и на духовном климате общества в целом. Красной нитью через «Дневник» проходит мысль о необходимости баланса и о неразрывной, неотменяемой взаимосвязанности: людей друг с другом, людей с природой.

Убеждение в наличии всеобщей незримой взаимосвязанности для героя «Дневника» – плод не только религиозной веры и интеллектуальных рассуждений, но и сугубо эмоционального опыта. Как-то раз в детстве Вулмен, играя на дороге, увидел кружащую над гнездом птицу-малиновку. Забавы ради, он стал бросать в неё камни, и один из камней убил птицу. Ретроспективно анализируя свои чувства в тот момент, Вулмен отмечает, что сначала он обрадовался собственной меткости; однако довольно быстро на смену радости пришёл ужас. Мальчик осознал, что не только погубил саму птицу, но и обрёл на голодную гибель её выводок; тогда он понял, что, уже из жалости, вынужден умертвить осиротевших птенцов. Этот печальный эпизод (который иногда называют своего рода притчей⁵⁶) из детства Вулмена – один из первых в «Дневнике», и во многом именно он задаёт этический вектор всех последующих размышлений автобиографа. «Он представлял себя победителем в игре “мальчишки против птиц”», – рассуждает М. Стюарт, – «но неожиданно увидел,

⁵⁵ Kagle, S.E. *American Diary Literature: 1620–1799*. – Boston: Twayne Publishers, 1979. P. 48; Plank, G. *John Woolman's Path to the Peaceable Kingdom: A Quaker in the British Empire*. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012. P. 95.

⁵⁶ Baner, R. A. *The Exemplary Self: Autobiography in Eighteenth-Century America* // University of Hawai'i Press: *Biography*, Vol. 5, No. 3, 1982. P. 231.

что играет совсем другую роль: роль злодея в невыдуманной драме, в такой драме, которая высветила взаимосвязь, а не соревнование живых существ. Погубив птицу, он навредил самому себе; этика воплотилась в осязаемую реальность»⁵⁷.

Понимание всеобщей взаимосвязанности для Вулмена неотделимо от размышления над собственным местом в мире. Как уже отмечалось в предыдущем параграфе, родители Вулмена принадлежали ко второму поколению британских поселенцев; их семья была сравнительно обеспеченной. Среди близких предков и соседей Вулмена были рабовладельцы⁵⁸. «Общество Друзей», к которому принадлежал проповедник, в XVIII веке становилось всё более процветающим в экономическом отношении, и этот факт входил в неизбежное противоречие с квакерским идеалом «простой жизни». Между тем, отношения жителей Пенсильвании и Нью-Джерси с индейскими соседями, первоначально, в эпоху Уильяма Пенна⁵⁹, отличавшиеся миролюбием, в годы жизни Вулмена становились, на фоне усложняющейся политической обстановки, крайне напряжёнными. Все эти процессы не могли не волновать искренних приверженцев квакерского вероучения, с его акцентом на равенстве всех людей, пацифизме, простоте. Характеризуя данный период в истории квакерского сообщества, Э. Ливсэй отмечает: «Как это происходит во всех религиях, красота концепции зачастую входит в противоречие с реальностью человеческих неудач и ограничений. Джон Вулмен всю жизнь стремился разрешить в себе это противоречие... и убедить других сделать то же самое»⁶⁰.

И действительно, как справедливо отмечает Э. Хиггинс, «Дневник» Джона Вулмена представляет собой в определённом смысле «исследование», задача

⁵⁷ Stewart, M.E. *Thinking about Death: The Companionship of John Woolman's Journal // The Tendering Presence...* P. 109.

⁵⁸ Whitney, J. *John Woolman: American Quaker...* P. 83, 331.

⁵⁹ Уильям Пенн (1644–1718) – одна из важнейших фигур в истории квакерства; основатель Пенсильвании (1681 г.); автор множества религиозных памфлетов (наиболее известны: «Без креста, без короны» (*No Cross, No Crown*, 1669), «Плоды уединения» (*Fruits of Solitude*, 1692)).

⁶⁰ Livesay, E.K. *John Woolman: Persona and Person...* P. 8.

которого – на примере истории автобиографического героя показать, насколько возможна в действительности жизнь по заветам религии, в соответствии с культивируемой Друзьями этикой: квакерскими «свидетельствами»⁶¹. Вулмен уделяет много внимания событиям общественной значимости, побуждавшим его переосмыслить с религиозной точки зрения своё поведение, поступки и решения, принятые в той или иной ситуации.

Безусловно, одна из ключевых для «Дневника» тем – это тема **аболиционизма**. Рабство для Вулмена – *«мрачная тень [висящая] над этой землёю»*⁶². Уже в первой главе Вулмен вспоминает о произошедшем с ним в юности событии, которое, как и случай с птицей, во многом определило эволюцию его мировосприятия. Как-то раз хозяин магазина, где Вулмен в юности служил помощником, поручил ему выписать купчую на продажу невольницы. *«Дело было неожиданным, и, хотя мне трудно было подумать о выписке документа, являвшегося орудием рабства для одной из моих сестёр по творению, всё же я вспомнил, что меня наняли на год, что тот, кто велел мне сделать это, – мой хозяин, что тот, кто купил её, – пожилой человек, член нашего Общества; так что по слабости я сдался и выписал бумагу, но, когда я писал её, я сказал моему хозяину и этому Другу [«Другу» с заглавной буквы – значит единоверцу-квакеру. – Д.А.]: я думаю, что рабовладение – дело, несовместимое с христианской религией»*⁶³. В следующий раз, когда уже другой человек попросил об аналогичной услуге, Вулмен отказался, предпочтя не быть «добросовестным работником», но зато остаться «добросовестным христианином». Остаться же «христианином», с точки зрения Вулмена, значило выражать своими действиями не столько личный, сколько «Божий протест» против всякой несправедливости⁶⁴.

⁶¹ Higgins E. John Woolman's Journal: Narrative as Quaker Values Transmission // Quaker Religious Thought. 1993. Vol. 81. P. 25.

⁶² Вулман Дж. Дневник... С. 50.

⁶³ Там же. С. 43.

⁶⁴ Dyson A.O., the Rev. The Ethics of Social Protest: John Woolman... P. 133.

К вопросу о рабстве Вулмен возвращается на протяжении всего «Дневника», упоминая случаи, подобные эпизоду продажи рабыни, пересказывая свои диалоги со сторонниками рабовладения, описывая свои путешествия в южные колонии и сделанные там наблюдения. Как подмечает У.Хеджес, утверждение, что «свобода является естественным правом равно для всех людей»⁶⁵, прозвучало задолго до подписания Декларации Независимости, и при этом Вулмен действительно подразумевал всех людей, без каких-либо оговорок⁶⁶. Между тем, его оппоненты защищали обоснованность системы рабовладения ссылками на Библию (утверждая, что чёрная раса является потомством Каина), идеей спасения чернокожих от межплеменных столкновений в Африке, а также аргументом, что квакеры – гуманные хозяева⁶⁷. Отмена рабства представлялась нереалистичной: по формулировке М. Хеллера, «говорить о необходимости положить конец рабству в середине XVIII века было так же трудно, как в конце века XX представить себе полное ядерное разоружение»⁶⁸.

Тем не менее, Вулмен, как и ряд его единомышленников, с годами лишь укреплялся в убеждении, что отмена рабства необходима. Размышляя над экономическим устройством современной ему Британской империи, Вулмен приходил к выводу, что системе рабовладения в той или иной степени подчинено огромное большинство американского и британского общества – не только сами рабы и рабовладельцы, но и, например, рядовые покупатели товаров, произведённых с помощью невольничьего труда. Это вновь демонстрировало всеобщую взаимосвязанность людей – уже не в духовном, а в материальном смысле. И острее всего для Вулмена звучал вопрос о его личной роли в поддержании системы рабовладения и движении к отмене рабства.

⁶⁵ Woolman, J. The Journal... P. 61. Вулман Дж. Дневник... С. 80.

⁶⁶ Hedges, W.L. John Woolman and the Quaker Utopian Vision... P. 90.

⁶⁷ В диссертации О.Ю. Пановой приводится наглядная схема, классифицирующая перечисленные здесь, а также целый ряд других аргументов противников и апологетов рабства по принципу бинарной оппозиции (Панова О.Ю. Негритянская литература США... С. 60-64).

⁶⁸ Heller, M. Soft Persuasion... P. 4.

Другой важнейший аспект социальной проблематики «Дневника» затрагивает уже не межклассовые отношения, а **отношения между народами и тему пацифизма**. На годы жизни Вулмена пришлась Семилетняя война, колониальный фронт которой – франко-индейская война – открылся в 1754 г. и поставил Друзей перед необходимостью уплаты военного налога. Описанию связанных с этой войной событий Вулмен посвятил пятую главу «Дневника».

Здесь важно сделать небольшое отступление и отметить, что к середине XVIII в. на первое место среди столпов квакерского вероучения вышло именно «Свидетельство о мире». При этом идеи пацифизма не сразу заняли в вероучении Друзей столь важное место (на это указывает, в частности, Дж. Роудс в работе, посвящённой лексикологическому анализу квакерской прозы XVII века⁶⁹). Первоначально, в период английской революции, квакеры верили в скорый приход царства справедливости и согласия, и потому не видели нужды в формулировании мирной доктрины. Начало же эпохи Реставрации для них значило, что утопические надежды не сбылись, и тогда Друзья занялись уже конкретной работой по оформлению своего «Общества».

Принципиальное значение обрело для них публичное заверение в миролюбивых намерениях, поскольку квакеров, наряду с другими сектантами, королевские власти постоянно подозревали в «замышлении мятежей и беспорядков»⁷⁰. Принятая Друзьями в 1661 г. «Декларация безобидных и безвинных людей Божиих, именуемых квакерами, против всех заговорщиков и бойцов в мире» зафиксировала их позицию: неучастие в войнах, мятежах и вооружённой борьбе, неприменение оружия и какого бы то ни было насилия вне зависимости от цели и обстоятельств⁷¹. Безоговорочный пацифизм и

---

⁶⁹ Roads J. The Distinctiveness of Quaker Prose, 1650-1699: A Corpus-Based Enquiry. – A diss. subm. to the University of Birmingham, 2015. P. 252.

⁷⁰ Павлова Т.А. Принцип ненасилия в учении ранних квакеров: документальное оформление доктрины // Ненасилие как мировоззрение и образ жизни (исторический ракурс). – М.: ИВИ РАН, 2000. С. 64.

⁷¹ Там же. С. 65.

поныне остаётся важнейшей частью квакерской идентичности⁷², выделяющей их на фоне родственных религиозных течений. При этом из-за своей позиции по данному вопросу, отмечает А.А. Гусейнов, квакеры, наряду с меннонитами и другими пацифистскими движениями, на протяжении всей своей истории ведут во многом «маргинальное существование»⁷³.

Вместе с тем, именно пацифизм квакеров, их законопослушность и лояльность властям, обеспечили стабильность последующего развития религиозной общины и её благоприятную репутацию как в метрополии, так и в колониях. Однако в случае с уплатой военных налогов многие американские Друзья столкнулись с дилеммой: собирать деньги для ведения «внешних» сражений (т.е. сражений материальных, в противовес «внутренним», духовным) значило для них поступиться не только мирным свидетельством, но также и свободой совести, во имя «*радостного пользования*» которой их предки «*оставили свою родную страну и поселились здесь, в этой (тогда) дикой местности...*»⁷⁴.

Серьёзно обдумав создавшееся положение, Вулмен и ряд его единомышленников в декабре 1755 г. подписали послание ко всем Друзьям, призывавшее их к нейтралитету и отказу от внесения налога. Таким образом, как отмечает ряд авторов, Вулмен явился предтечей знаменитого Генри Дэвида Торо и его позиции в отношении американо-мексиканской войны⁷⁵. Сам же Вулмен считал примерами для подражания Яна Гуса, «*скромно отстаивавшего дело, которое полагал правым*», и Фому Кемпийского – человека, который «*не споря с положениями, общепринятыми в то время, трудился [...] дабы*

⁷² McKeogh, C. Quaker Peace Testimony and Pacifism // Presented at the 67th Political Studies Association Annual Conference, 10-12 April 2017, Glasgow, United Kingdom. P. 5.

⁷³ Гусейнов А.А. Вместо заключения. Этика ненасилия // История этических учений: Учебник для вузов / Под ред. А.А. Гусейнова. – М.: Академический проект; Трикста, 2015. С. 868.

⁷⁴ Вулман Дж. Дневник...С. 108.

⁷⁵ Thoreau, H.D. On the Duty of Civil Disobedience / Thoreau, H.D. Walden & Civil Disobedience. – L.: Collins Classics, 2018. P. 313-341.

благочестивым примером [...] содействовать добродетели и внутренней духовной религии»⁷⁶.

Анализируя дилемму, вставшую перед автобиографическим героем Вулмена в «налоговом» эпизоде, можно заключить, что это дилемма между двумя равно важными аспектами квакерского «Свидетельства о мире». Для интерпретации этого «Свидетельства» необходимо иметь в виду уже упомянутые исторические обстоятельства, при которых оно было принято: заявляя о миролюбивых намерениях своей секты, основатели квакерства подразумевали не только отказ от участия в войнах, но и лояльность по отношению к властям. В ситуации же, когда власти потребовали уплатить военный налог, квакеры оказались перед выбором: не желая быть «заговорщиками», они в то же время осознавали, что, подчиняясь данному требованию, рискуют своей идентичностью, целостностью своего сообщества как сообщества пацифистского. Автобиографический герой Вулмена в итоге находит приемлемый для себя, компромиссный путь разрешения дилеммы, что, однако, не снимает драматизма отобразённого в тексте конфликта между «совестью» и «законом».

Один из самых ярких эпизодов «Дневника» – это рассказ Вулмена о **поездке в индейский городок Виалусинг**, расположенный в двухстах милях от Филадельфии. Подобная экспедиция представляла немалую опасность в любое время, поскольку путь в Виалусинг пролегал через труднопроходимую местность, но в июне 1763 г. поездка была вдвойне рискованной, так как пришлось на момент крайнего обострения конфликта британских поселенцев с индейцами. Накануне отъезда Вулмен узнал о жестоких нападениях, которым подверглись несколько англичан. Тем не менее, проповедник решил не отменять поездку.

Своё желание отправиться Вулмен объяснял уже много лет чувствуемой им в душе *«любовью к коренным жителям этой страны»*, стремлением

---

⁷⁶ Вулман Дж. Дневник... С. 100-101.

«провести какое-то время с индейцами, чтобы [...] почувствовать и понять их жизнь и дух, в котором они живут»⁷⁷. Это давнее побуждение было усилено произошедшим в 1761 г. знакомством Вулмена с Папунехэнгом – яркой личностью, вождём местной общины индейцев-делаваров, который приехал в Филадельфию, чтобы передать англичанам трёх пленников, отпущенных другими племенами.

Как известно, проповедники многих христианских деноминаций проводили в среде индейцев активную миссионерскую работу; характерно, что во время поездки Вулмен встретил Дэвида Зайсбергера – представителя общины Моравских братьев, уже не в первый раз направлявшегося в Виалусинг в качестве миссионера⁷⁸. В то же время, известно, что квакерство издавна отличается слабым прозелитизмом⁷⁹, и, соответственно, Вулмен в своей поездке не ставил целью приобщение индейцев к христианству; в общении с коренными народами американского континента квакеры XVIII века в принципе не преследовали миссионерские цели, стремясь лишь к поддержанию добрососедства⁸⁰. Вулмен был далеко не единственным квакером, стремившимся укрепить контакты «Общества Друзей» с индейцами. Следует учесть, что среди мотивов, побуждавших Вулмена и его единоверцев отправляться в такие поездки, были, конечно, не только дипломатические, но и сугубо психологические (любопытство в отношении образа жизни индейцев), и религиозные.

Как и многие квакеры, Вулмен, не стремясь к миссионерству, тем не менее, надеялся поделиться с другим народом открывшимися ему духовными истинами. Характерен эпизод, где Вулмен описывает рисунки на деревьях,

⁷⁷ Вулман Дж. Дневник... С. 167, 175.

⁷⁸ Pickett, R.H. A Religious Encounter: John Woolman and David Zeisberger // Quaker History, Vol. 79, No. 2, 1990. P. 77-92.

⁷⁹ Словарь религий: Иудаизм, Христианство, Ислам / Под ред. В. Зюбера, Ж. Потэна. Пер. с франц. Е.А. Терюковой. – СПб.: «Питер», 2009. С. 325.

⁸⁰ Thompson, K.E.R. Inconsistent Friends: Philadelphia Quakers and the Development of Native American Missions in the Long Eighteenth Century. – Diss. subm. to the University of Iowa, 2013. 204 p.

увиденные им по дороге в Виалусинг: «...я ходил вокруг, рассматривая эти индейские истории, которые были нарисованы главным образом красным, а иногда чёрным цветом, и думая о бесчисленных бедствиях, которые вызывает в мире гордый, свирепый дух — думая о тяжёлых трудах и усталости воинов [...] и о ненависти, которая взаимно растёт в душах детей этих народов, вовлечённых в войну друг с другом — во время этих размышлений во мне подымалось сильное желание взлелеять среди этих людей дух любви и мира»⁸¹.

И вместе с тем, как пишет К. Томпсон – исследовательница, глубоко изучившая историю взаимоотношений квакеров XVIII в. с коренными народами Америки, подход Вулмена был во многом уникален⁸². Вулмен ехал в Виалусинг с мыслью, что он сам может получить от индейцев «какой-нибудь урок»⁸³; он надеялся, прежде всего, на диалог с коренными жителями региона. Его надежда оправдалась. Общение с делаваарами, в том числе с их главой Папунехэнгом, совместные молитвы с ними оставили в душе квакерского путешественника сильное впечатление. Любой человек, верил Вулмен, может явиться проводником божественных истин, вне зависимости от внешней формы исповедуемой им религии, а потому проповедник с чутким вниманием и уважением отнёсся к духовному опыту каждого своего собеседника⁸⁴. В конечном счёте, как отмечает Э. Ливсэй, главной миссией квакерского путешественника было совместное приобщение к духовному источнику, а отнюдь не выяснение, кто первым его обнаружил.

Совершив это путешествие, Вулмен с новой силой осознал, сколько земель утратили делаваары и как их тяжёлое положение было связано и с рабовладением, и с общей картиной развития трансатлантической экономики⁸⁵. Но несмотря на это, Вулмен не стал подвергать колониальную политику в

⁸¹ Вулман Дж. Дневник... С. 174.

⁸² Thompson, K.E.R. Inconsistent Friends... P. 107-108.

⁸³ Вулман Дж. Дневник... С. 175.

⁸⁴ Livesay, E. John Woolman: Persona and Person... P. 25.

⁸⁵ Soderlund, J.R. African Americans and Native Americans in John Woolman's World // The Tendering Presence... P. 159.

отношении индейцев резкой критике. Как верно отмечает Дж. Содерлэнд, «Вулмен не решался проповедовать то, что не воплощал в своей жизни сам»⁸⁶. Он понимал, что сам является одним из европейских поселенцев, и его доход неотделим от выгоды, полученной колонистами от первоначального освоения континента, и получаемой ими от дальнейшего расширения своих территорий. Отказаться от участия в этих экономических процессах он не мог, а потому и не мог взять на себя роль судьи⁸⁷.

Свою личную задачу, тем не менее, Вулмен видел в том, чтобы максимально воплотить в своей жизни квакерский **идеал простоты** (*plainness, simplicity*). Простота для квакеров подразумевает умеренность и сокращение «излишеств» во всех аспектах жизни – в речи, одежде, материальном накоплении⁸⁸. Плоды умеренности, по Вулмену, исключительно позитивны. Для конкретного человека это избавление от необходимости чрезмерно трудиться в стремлении к материальному успеху. Отказ от чрезмерного труда, на взгляд Вулмена, необходим потому, что он освобождает время и силы человека для сбалансированной жизни и духовного развития⁸⁹. Для общества же в целом осознание, что «Творец земли является её владельцем»⁹⁰ и, соответственно, культивирование материальной умеренности означает, в конечном итоге, избавление от таких зол, как рабство, войны, всевозможные формы угнетения – т.е. восстановление *гармонии*, Богом данного равновесия.

Как отмечают многие исследователи, профессиональные экономисты, безусловно, назвали бы экономические теории Вулмена наивными. И тем не менее, несмотря на простоту, «наивность» идей, воплощение их в жизнь было крайне трудным⁹¹. Вулмен рассказывает, как постепенно, вопреки

⁸⁶ Soderlund, J.R. African Americans and Native Americans in John Woolman's World... P. 151.

⁸⁷ Ibid. P. 162.

⁸⁸ Интересно, что сфера применения квакерских «свидетельств» постепенно включает в себя и новые феномены: так, один из современных квакеров, вдохновляемых Вулменом, интерпретирует простоту как, в том числе, и самоограничение в потреблении медиа-контента (Birkel, M.L. A Near Sympathy: The Timeless Quaker Wisdom of John Woolman... P. xiv-xv).

⁸⁹ Вулман Дж. Дневник... С. 162, 256-257.

⁹⁰ Там же. С. 255.

⁹¹ Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person... P. 38.

соображениям выгоды, сокращал ассортимент товаров в своём магазине (например, отказался от продажи рома, сахара и чёрной патоки – *«плодов труда рабов»*⁹²). Отправляясь в дальние путешествия, он со временем стал предпочитать идти пешком, чтобы получить *«более живое чувство того положения, в котором находились угнетённые рабы»*⁹³. Стремлением не иметь никаких личных выгод от рабовладельческой системы был продиктован постепенный отказ от серебряной посуды, от окрашенной одежды. Находясь в Англии, Вулмен с горечью наблюдал тяжёлые условия работы сотрудников почтовой службы, а потому практически не пользовался почтой.

В подобных решениях проповедника, по сути, находили полную реализацию фундаментальные квакерские идеалы. Многие Друзья верили, что мир может стать утопией⁹⁴. Но, несмотря на это, многие решения Вулмена воспринимались его единоверцами скептически, а зачастую и с явным осуждением, в частности, потому, что трактовались как нарушение *баланса*, а также *«Свидетельства о равенстве»* – иными словами, желание выделиться. Опасение поддаться гордыне испытывал и сам Вулмен; примером тому может послужить описание пути в индейский посёлок: *«...я подумал, что, по всей видимости, путешествовать в такое время опасно, и после тяжёлого дневного перехода ночью меня терзали мучительные раздумья [...]. В великой немощи своей я становился ревностным к самому себе, проверяя, нет ли во мне места желанию поддержать свою репутацию как человека, стойко идущего сквозь все опасности, или страха позора, который я навлеку на себя, если вернусь, не достигнув желаемого в этой поездке»*⁹⁵.

Похожие размышления встречаются и в некоторых других эпизодах «Дневника»; тем не менее, сказать, что они занимают в нём очень много места, было бы преувеличением. Неслучайно А. М. Гуммер называла «Дневник»

⁹² Вулман Дж. Дневник... С. 210.

⁹³ Там же. С. 197.

⁹⁴ Hedges, W.L. John Woolman and the Quaker Utopian Vision... P. 100.

⁹⁵ Вулман Дж. Дневник... С. 179-180.

«самой безличной автобиографией в истории»⁹⁶. Сама личность Вулмена, с её сильными и слабыми сторонами, не является центром повествования: глубоко восприняв характерную для квакерства идею равной значимости всех людей, Вулмен, по точному замечанию Э. Ливсэй, сумел «избежать себялюбия в обоих его обличьях: самовосхваления и ложной скромности»⁹⁷. Автобиографический герой «Дневника», в принципе, мало думает о себе как индивидуальности⁹⁸; и столь же мало обращает внимание на события дня (так, в «Дневнике» мы не найдём и намёка на революцию, назревающую в колониях⁹⁹), на рядовых и знаменитых современников. Последнее можно отчасти объяснить щепетильным отношением Вулмена к понятию “privacy”, т.е. соблюдению личной автономии других людей¹⁰⁰. Однако представляется, что в основе подобного абстрагирования от многих злободневных тем лежало, прежде всего, стремление автобиографа к глобальному осмыслению истории.

Исторические успехи и неудачи конкретной нации для Вулмена играют второстепенную роль. Неслучайно исследователи отмечают, что Вулмен мало восхваляет свою молодую страну: так, он регулярно пишет о проблеме бедности, которую «он умудрялся заметить, хотя в Новом Свете эта проблема стояла не так остро, как в Старом»¹⁰¹. Свои надежды Вулмен возлагал не на перспективы отдельной страны, а на «финальную революцию, которой посвятил свою жизнь – приход “чистого мирного Царства Христа”»¹⁰².

В картине мира, рисуемой «Дневником» и эссе Вулмена, противопоставленность понятий «свой–чужой», «близкий–далёкий» кажется почти снятой, или, по крайней мере, ослабленной. Человечество для Вулмена – одна семья¹⁰³, и это видение порой проявляется в буквальных сопоставлениях.

⁹⁶ Gummere, A.M. *The Journal of John Woolman: Biographical Sketch...* P. X.

⁹⁷ Livesay, E.K. *John Woolman: Persona and Person...* P. 236.

⁹⁸ Heller, M. *Soft Persuasion...* P. 219.

⁹⁹ Hedges, W.L. *John Woolman and the Quaker Utopian Vision...* P. 87.

¹⁰⁰ Ларина Т.В. ‘Privacy’, или автономия личности, как важнейший концепт английской культуры // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. 2003, № 1. С. 128-134.

¹⁰¹ Hedges, W.L. *John Woolman and the Quaker Utopian Vision...* P. 100.

¹⁰² Ibidem.

¹⁰³ Heller, M. *Soft Persuasion...* P. 235

Говоря об индейцах, он сравнивает своё желание позаботиться о них с желанием доброго человека по отношению к «*брату, находящемуся в беде*»¹⁰⁴. На корабле, плывущем в Англию, Вулмен знакомится с юными моряками, тяжёлый труд которых вызывает у него сострадание, «*как если бы они были моими детьми по плоти*»¹⁰⁵. Родство людей – явление, представляющееся Вулмену очевидным не только в духовном плане (как результат происхождения всех душ из единого источника), но и в плане физическом. В одном из эссе Вулмен аргументирует это тем, что все люди испытывают не только сходные физические потребности, но подвержены и одинаковым телесным и ментальным недугам¹⁰⁶. Здесь следует отметить, что телесные, физические образы вообще играют в «Дневнике» фундаментальную роль. Неслучайно на тесную связь физической и духовной образности в «Дневнике» обратил внимание ещё один из первых исследователей, обратившихся к «Дневнику» с позиций литературоведения – П. Роузенблатт; впоследствии о ней писал М. Меранце¹⁰⁷ и ряд других учёных. В свою очередь, Э. Ливсэй обращает внимание на то, что у Вулмена «люди связаны, как части единого тела»¹⁰⁸.

Обращает на себя внимание отчётливо «телесная» образность в знаменитом эпизоде видения Вулмена (Глава XII). Данный эпизод нередко называют ключевым для всего «Дневника»¹⁰⁹. Вулмен пережил этот опыт¹¹⁰ во

¹⁰⁴ Вулман Дж. Дневник... С. 185.

¹⁰⁵ Там же. С. 223.

¹⁰⁶ Woolman, J. Some Considerations on the Keeping of Negroes // Proud, J. (Ed.). John Woolman and the Affairs of Truth. The Journalists Essays, Epistles, and Ephemera. – San Francisco: Inner Light Books, 2010. P. 4.

¹⁰⁷ Rosenblatt P. John Woolman. – N.Y.: Twayne Publishers Inc., 1969. P. 109; Meranze, M. Materializing Conscience: Embodiment, Speech, and the Experience of Sympathetic Identification // Early American Literature. Vol. 37, No. 1, 2002. P. 71-88.

¹⁰⁸ Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person... P. 239.

¹⁰⁹ Shea, D. Spiritual Autobiography in Early America... P. 72.

¹¹⁰ В ряде работ этот эпизод называют «сном» (dream) Вулмена, однако более точным представляется слово «видение», поскольку в «Дневнике» не содержится никаких указаний, что Вулмен пережил этот опыт во сне. Маргарет Стюарт характеризует его, используя термин «околосмертное переживание» (near-death experience) (Stewart, M.E. Thinking about Death: The Companionship of John Woolman's *Journal* // The Tendering Presence: Essays on John Woolman; In Honour of Sterling Olmsted and Phillips P. Moulton / Ed. by Mike Heller. – Philadelphia: Pendle Hill Publications, 2003. P. 111-113).

время тяжёлой болезни, едва не стоившей ему жизни. В видении, пишет автобиограф, «я приведён был так близко к вратам смерти, что забыл своё имя», а затем, «желая узнать, кто я, я увидел огромную массу чего-то [в оригинале¹¹¹ «массу материи», *a mass of matter*], скучного мрачного цвета [...] и мне сообщили, что этой массой были человеческие существа в такой нищете, которую они могли вынести, оставаясь живыми, и что я смешан с ними и потому не могу рассматривать себя как отдельное или обособленное существо». Спустя некоторое время сновидец услышал голос ангела, который произнёс: «Джон Вулмен мёртв». После этого его взору предстали «рудники, где бедные угнетённые люди добывали богатства для тех, кого называли христианами», и Вулмен «услышал, как они хулили имя Христа». «Я горевал, – продолжает автобиограф, – так как имя Христа было для меня драгоценно. Затем я узнал, что этим язычникам сказали, что те, кто угнетают их, – последователи Христа, и они сказали меж собою: “Если Христос велел им использовать нас таким образом, то Христос – жестокий тиран”»¹¹².

Интерпретируя данный эпизод, М. Стюарт обращает внимание на то, что сначала Вулмен был отчуждён от «язычников», но потом начинает идентифицироваться с ними; он прислушивается к тому, о чём рудокопы говорят между собой, и уже с их точки зрения смотрит на владельцев этих рудников, влиятельных представителей христианских народов, которые ценят «несметные сокровища» выше, чем жизнь людей, своих «собратьев по творению» (*fellow creatures*). На место «умершей» индивидуальной идентичности, которая у Вулмена обозначается как «личная воля» (*my own will*), приходит идентичность коллективная, символизируемая фигурой Христа¹¹³.

¹¹¹ Woolman, J. *The Journal and Major Essays...* P. 185.

¹¹² Вулман Дж. *Дневник...* С. 243-244.

¹¹³ Stewart M.E. John Woolman's "Kindness beyond Expression": Collective Identity vs. Individualism and White Supremacy // *Early American Literature*, Vol. 26, No. 3, 1991. P. 251-275.

Это мистическое видение – не единственное в «Дневнике». Пересказ значимых (сно)видений играл в прозе квакеров существенную роль¹¹⁴, и Вулмен в данном отношении соблюдает конфессиональную традицию. При этом, однако, по единодушному наблюдению критиков, текст Вулмена представляет собой удивительный сплав: религиозно-мистический «материал», с трудом поддающийся фиксации, в нём сочетается с документальными сведениями, зафиксированными по-бухгалтерски точно (неслучайно У. Олтмен подчёркивает, что Вулмен всю жизнь увлекался арифметикой¹¹⁵, а Э. Ливсэй характеризует его как обладателя «острого предпринимательского ума», который «всегда интересовался фактами, цифрами, математическими расчётами времени, денег, [...] цен на продукты, аренду, [...] зарплатами...»¹¹⁶).

С. Кейгл замечает, что «Дневник» открывается читателю через индуктивную логику, однако логика самого Вулмена дедуктивна. Так, начав с принципа, что рабство есть зло, Вулмен дедуктивно вычисляет свою вину в рабстве, а затем через новые математические вычисления приходит к выводу, что раб одного хозяина – это в определённом смысле и «коллективный» раб всех свободных граждан¹¹⁷. Похожее наблюдение делает и Д. Ши: весь «Дневник», по словам исследователя – это движение от абстракции (в частности, абстрактного слова «угнетение») к конкретике чувственного познания (например, когда Вулмен пытается на себе ощутить участь раба, путешествуя пешком)¹¹⁸.

Здесь можно вновь заметить, что в «Дневнике» важна телесная метафорика. Если человечество – единое тело, или же сумма родственных «тел», то общественные пороки, а точнее, «ложный дух» (“*a wrong Spirit*”¹¹⁹), от

¹¹⁴ Brinton, H. *Quaker Journals: Varieties of Religious Experience Among Friends*. – Pennsylvania: Pendle Hill Publications, 1972. P. 93-107.

¹¹⁵ Altman, W.F. *John Woolman's Reading...* P. 176.

¹¹⁶ Livesay, E.K. *John Woolman: Persona and Person...* P. 255.

¹¹⁷ Kagle, S.E. *American Diary Literature: 1620–1799*. – Boston: Twayne Publishers, 1979. P. 50.

¹¹⁸ Shea, D. *Spiritual Autobiography in Early America...* P. 52.

¹¹⁹ Вулман Дж. Дневник... С. 134, 177; Woolman, J. *The Journal...* P. 100, 129.

которого они проистекают, для Вулмена подобны заразной болезни¹²⁰. В этической картине мира, рисуемой «Дневником», акцент делается не столько на категориях добра и зла¹²¹, сколько на категориях «божественной любви» и «себялюбия». Себялюбие, убеждён Вулмен, не рождает ничего, но стремится лишь к самоутверждению; а жизнь рождается только из божественной любви¹²².

Тесно взаимосвязанной с этими категориями оказывается и категория свободы. По верному наблюдению П. Роузенблатта, пафос свободы в «Дневнике» многослоен и не исчерпывается буквальным историческим смыслом, т.е. идеей освобождения невольников, но подразумевает и глубинный духовный смысл¹²³. Освобождение рабов – внешнее проявление внутреннего избавления человека от тирании «духа себялюбия»¹²⁴. Тирания же эта, по Вулмену, может быть преодолена людьми лишь за счёт *подчинения* высшим законам, божественным заповедям. Человеческая свобода оказывается неотделимой от любви человека к своим собратьям¹²⁵.

По наблюдению М. Хеллера, «Дневник», наряду с текстами Ральфа Уолдо Эмерсона, Уолта Уитмена, Авраама Линкольна и Мартина Лютера Кинга, – это произведение, дающее надежду: видение общества, «в котором люди могут найти согласие, равенство, простоту и мир»¹²⁶. В свою очередь, А. Миллар-мл. характеризует «Дневник» как «духовный портрет колониальной Америки – единого общества, остро нуждающегося в божественном руководстве. [...] Кто бы ни попадал в поле его зрения, будь то нарядный морской капитан или закованный в кандалы невольник, Вулмен смотрел на глубинную сущность этого человека, на душу, которой надлежит обрести спасение с помощью Христа. Вулмен жил, чтобы запечатлеть Правду для Друзей-квакеров, но также

¹²⁰ Shea, D. *Spiritual Autobiography in Early America...* P. 61.

¹²¹ Heller, M.A. *John Woolman and Good and Evil // Good and Evil: Quaker Perspectives / Ed. by J.L. Scully and P. Dandelion. – L., N.Y.: Routledge, 2016. P. 71-80.*

¹²² Shea, D. *Spiritual Autobiography in Early America...* P. 64.

¹²³ Rosenblatt P. *John Woolman. – N.Y.: Twayne Publishers Inc., 1969. P. 116.*

¹²⁴ Вулман Дж. *Дневник...* С. 136.

¹²⁵ Rosenblatt P. *John Woolman...* P. 116.

¹²⁶ Heller, M. *Soft Persuasion...* P. 215.

и для друзей вообще, или, другими словами – для всех человеческих существ»¹²⁷.

1.3. Поэтика «Дневника»

1.3.1. Жанровая принадлежность и композиция

Автобиографизм в американской литературе. Как известно, разнообразные формы автобиографической прозы представляют собой одно из самых популярных направлений развития американской словесности с самого её зарождения¹²⁸. Невыдуманные истории реальных людей, рассказанные из первых уст, для читателя могут сыграть роль плодотворных источников познания, своего рода «учебников жизни». Между тем, для авторов колониального периода написание исповедальной прозы было и психологической потребностью (в самовыражении, самоанализе), и, в определённой мере, некоей духовной миссией – перед Богом, а также перед людьми, которым может пригодиться опыт автора.

Стивен Кейгл, автор книги «Американская дневниковая проза: 1620–1799» (1979), указывает на примечательный факт: до Гражданской войны практически каждый американский литератор – от пуританского поэта XVII в. Эдварда Тейлора до романтиков Ирвинга, Купера, Готорна и Мелвилла – вёл дневник¹²⁹. Ведение дневников рассматривалось многими как практика, необходимая для развития литературной речи; авторы давали почитать свои дневники друзьям, ожидая советов по улучшению своего стиля. В XVII в. основными подвидами американского дневника были духовный дневник, а также дневник

¹²⁷ Millar, A.E., Jr. *Spiritual Autobiography in Selected Writings of Sewall, Edwards, Byrd, Woolman, and Franklin...* P. 177.

¹²⁸ Cox, J. M. *Recovering Literature's Lost Ground: Essays in American Autobiography.* – Baton Rouge and London: Louisiana State University Press, 1989. P. 11-12; Sayre, R. F. *Autobiography and the Making of America // The Iowa Review.* Vol. 9. Issue 2, 1978. P. 1; Kagle, S.E. *American Diary Literature: 1620–1799.* – Boston: Twayne Publishers, 1979. P. 24-26.

¹²⁹ Kagle, S.E. *American Diary Literature...* P. 25.

путешественника и пионера, осваивающего новые земли, в которых географические открытия шли рука об руку с открытиями в мире духа¹³⁰; в следующем же столетии на авансцену жанра вышли также военные дневники, дневники ухаживаний и любви¹³¹. Между тем, для религиозных людей и в век Просвещения первостепенную значимость сохранял жанр духовного дневника. Дневник воспринимался жителями Нового Света как «доверенное лицо» в минуты слабости, сомнений, одиночества¹³². Важно и то, что с помощью духовного дневника пуритане, квакеры, методисты и представители других течений старались обнаружить некий «узор» собственной жизни, а вместе с ним правду прошедшего и направление для будущего развития¹³³.

Дневники были, безусловно, далеко не единственным жанром, активно развивавшимся в колониальной Америке. Исследователи соглашаются в том, что колониальный период американской литературы – это время расцвета документальности¹³⁴; художественная же литература находилась на периферии. Ведущую роль играли именно дневники, (авто)биографии, исторические очерки, травелоги, проповеди и другие документальные жанры. При этом, как отмечает Л.А. Мишина, жанровые границы в документальной литературе колониального периода были, как правило, весьма расплывчатыми и нечёткими¹³⁵.

Нечёткость **жанровых границ** характерна и для самого известного текста Вулмена. Само его название – *The Journal* – стандартное для квакерской исповедальной литературы, на первый взгляд кажется удобным для исследователя авторским определением жанра, но при ближайшем

¹³⁰ Kagle, S.E. *American Diary Literature...* P. 27.

¹³¹ Ibid. P. 27-28.

¹³² Здесь следует отметить, что американский индивидуализм и одиночество иногда несколько преувеличиваются, являясь составной частью т.н. американского мифа (см. Kagle, S.E. *American Diary Literature...* P. 27).

¹³³ Ibid. P. 29.

¹³⁴ Коренева М.М. Введение / История литературы США. Т. I. Литература колониального периода и эпохи Войны за независимость. XVII – XVIII вв. – М.: «Наследие», 1997. С. 101.

¹³⁵ Мишина Л.А. Дневник как жанр и как форма в американской литературе XVII века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Литературоведение. 2015. № 2 (2). С. 148.

рассмотрении оказывается несколько обманчивым. Значительная часть текста – а именно, те главы, в которых Вулмен вспоминает свое детство и юность (Главы I–III) – относится, скорее, к автобиографическому жанру. В этих главах почти отсутствует датировка; преобладает ретроспективный взгляд. В дневниковой форме построены уже следующие девять глав (IV–XII), однако и в этих главах местами нарушаются традиционные для дневника каноны – такие, как точная датировка и хронологическая последовательность описываемых событий. Кроме того, если считать, вслед за крупнейшим знатоком автобиографической словесности Ф. Лежёном, принципиальным жанровым признаком дневника его «спонтанность», нередактируемость¹³⁶, то текст Вулмена и вовсе выпадает из данного определения: доподлинно известно, что «Дневник» многократно корректировался и самим автором, и его издателями.

Вместе с тем, некоторые исследователи не придают такого значения факту редактирования для определения жанра. Так, Кейгл считает, что важным признаком дневника, отличающим его от смежных жанров, является не отсутствие редакторской правки, а передача течения времени, и – вместе с тем – постепенного накопления автором знаний, переоценки им ценностей. Если текст воспроизводит свежесть первых впечатлений автора от каких-либо событий, а также постепенное смещение авторской перспективы, он остаётся дневником, даже при наличии стилистических правок¹³⁷. Отредактированный и неотредактированный виды дневника Кейгл сравнивает, соответственно, с «возделанным садом» и «диким лугом», в каждом из которых своя красота¹³⁸.

Как уже говорилось ранее, ко времени Вулмена жанр дневника среди квакеров стал конвенциональным и приветствуемым (в то время как автобиография в строгом смысле слова, скорее, воспринималась как жанр слишком «тщеславный» для религиозного человека¹³⁹). Первый квакерский

¹³⁶ Lejeune, Ph. *On Diary* / Ed. by J.D. Popkin and J. Rak; transl. by K. Durnin. – Honolulu: University of Hawai'i Press, 2009. P. 182.

¹³⁷ Kagle, S.E. *American Diary Literature...* P. 15-16, 24.

¹³⁸ *Ibid.* P. 24.

¹³⁹ Shea, D. *Spiritual Autobiography in Early America...* P. 65.

дневник принадлежал перу одного из основателей «Общества Друзей» – Джорджа Фокса, и был издан ещё в 1694 году. В квакерстве слабо выражена догматическая составляющая: это религия, основанная на индивидуальном мистическом опыте. Но именно поэтому Друзья издавна «были заинтересованы в изучении тропинок, проложенными их единоверцами в паломничестве от неверия к духовной зрелости»¹⁴⁰. И тем не менее, в целом квакеры всё же писали дневники реже, чем представители родственной им конфессии – новоанглийского пуританства¹⁴¹, и этот факт можно отчасти объяснить тем, что для квакеров менее остро стоял вопрос греха и спасения, и, кроме того, у них была возможность для высказывания на собрании.

Исследователи полагают, что черновые наброски будущего «Дневника» Вулмен делал ещё до своих 35 лет (времени, которое он фиксирует как начало написания текста)¹⁴². Эти предварительные записи впоследствии послужили ему основой для первой, ретроспективной, части «Дневника». В дальнейшем он также зачастую не вносил все свои записи сразу непосредственно в «Дневник», а копировал туда лишь некоторые из них, нередко сокращая¹⁴³. Как отмечает Э.Ливсэй, в ту эпоху издавалась лишь небольшая часть квакерских дневников; соответственно, и Вулмен не знал точно, будет ли опубликован его текст. Лишь в 1770 г., на четырнадцатый год ведения «Дневника», Вулмен получил основания полагать, что его труд ждёт публикация, и оставшиеся два года посвятил, наряду с написанием новых глав, редактированию уже написанных. При этом он делал заметки на полях рукописи для будущих редакторов, например, такую: «Если будете публиковать, этот абзац уберите»¹⁴⁴.

История редактирования, первой публикации «Дневника», последующих его переизданий – это отдельный, весьма сложный и увлекательный исследовательский сюжет, подробно прослеженный в целом ряде работ. К

¹⁴⁰ Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person... P. 1.

¹⁴¹ Kagle, S.E. American Diary Literature... P. 30.

¹⁴² Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person... P. 261.

¹⁴³ Ibidem.

¹⁴⁴ Ibid. P. 268.

некоторым нюансам этого сюжета мы ещё возвратимся в последующих параграфах; здесь же следует вновь подчеркнуть, что «Дневник» является не суммой спонтанных записей, но многократно (и до некоторой степени, коллективно) отшлифованным текстом.

Уточняя жанровую принадлежность «Дневника», следует обратить внимание и на отличия понятия *journal* от близкого к нему *diary*. С. Кейгл указывает, что, хотя эти два понятия часто используются как синонимы, *journal* имеет свою специфику: 1) так могут называться официальные, рабочие записи; 2) в отличие от *diary*, он чаще сосредоточен на внутреннем, а не внешнем; не столько на событиях, сколько на идеях¹⁴⁵. И действительно, в случае Вулмена *Journal* обращён, в первую очередь, к «служебной» (проповеднической) стороне жизни автора; при этом доминирует в нём не событийная фабула, а идейная составляющая. Кроме того, следует отметить, что, как будет показано в п. 1.3.3, в случае Вулмена заглавие *journal* этимологически обнаруживает прямую связь с ключевыми мотивами текста.

Подводя итог рассмотрению вопроса о жанре «Дневника», можно заключить, что произведение Вулмена синтезирует в себе черты автобиографии и дневника. Этим обусловлены и разночтения в исследовательской литературе, а также в издательской практике, которые примерно с равной частотой помещают текст Вулмена в ту или иную жанровую нишу.

Композиция «Дневника» во многом задана квакерской традицией. Авторитетный специалист по квакерству Г. Бринтон в своей работе «Квакерские дневники. Разнообразие религиозного опыта среди Друзей»¹⁴⁶ выводит сюжетную формулу, которой в той или иной степени следует

¹⁴⁵ Kagle, S.E. *American Diary Literature...* P. 16. Интересно отметить, что в русской литературной традиции XIX века дневники также часто именовались журналами (так называли свои записи, например, А.И. Герцен, С.А. Толстая). (Егоров О.Г. *Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра.* – М.: Флинта, Наука, 2003. 279 с.)

¹⁴⁶ Brinton, H. *Quaker Journals: Varieties of Religious Experience Among Friends.* – Pennsylvania: Pendle Hill Publications, 1972. 130 p.

большинство дневников, написанных квакерами. Эта формула состоит из нескольких стандартных элементов, главными из которых являются:

- 1) откровения свыше, данные автору ещё в детстве;
- 2) период юношеского легкомыслия и ослабления религиозного чувства;
- 3) внутренняя борьба (разделённое «Я» автора ищет укрепления в вере);
- 4) обретение внутренней целостности с помощью молчаливых молитв;
- 5) начало выступлений на квакерских собраниях (знак духовной зрелости);
- 6) принятие в быту квакерских принципов «простой речи», «простого одеяния», «простой жизни»;
- 7) следование квакерскому «Свидетельству о мире»;
- 8) добровольное самоограничение автора в предпринимательстве (сокращение собственных доходов ради соблюдения идеала «простой жизни»).

Как отмечает Бринтон, специфика вулменовского «Дневника» состоит в том, что он включает в себя сразу все перечисленные элементы. Вместе с тем, по наблюдению Э. Ливсэй, Вулмен так воплощает все эти стандартные компоненты, что «его текст оказывается настолько же своеобразным в ряду квакерских дневников, насколько своеобразным человеком был сам Вулмен в ряду своих единоверцев»¹⁴⁷.

Нельзя обойти вниманием также интересное наблюдение М. Хеллера. Рассматривая возможность мифокритического анализа «Дневника», Хеллер указывает на то, как стадии, описанные Бринтоном, приобретают у Вулмена удивительное сходство со стадиями развития мифического героя, описанными Дж. Кэмпбеллом в его знаменитой книге «Тысячеликий герой». Среди этих стадий – «зов странствий»¹⁴⁸ (у Вулмена – мистические откровения, данные ему в детстве), «отказ откликнуться на зов» (период отхода от религии), «сверхъестественное покровительство» (знаки, поданные Вулмену свыше),

¹⁴⁷ Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person... P. 277.

¹⁴⁸ Здесь и далее названия стадий цитируются по русскому переводу книги: Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой / Пер. с англ. О.Ю. Чекчуриной. – СПб.: «Питер», 2018.

«преодоление первого порога» (начало проповедничества), «путь испытаний» (реформаторская деятельность, периоды сомнений), «примирение с отцом» (укрепление в вере), «апофеоз» (видение, в котором звучат слова ангела «Джон Вулмен мёртв») и «награда в конце пути» (обретение героем «Дневника» внутренней гармонии)¹⁴⁹.

Соответствие композиции «Дневника» этой мифологической формуле подводит нас к вопросу о фикциональности вулменовского текста. На сложность разграничения фикционального и документального в автобиографии указывал ещё в 1957 г. в книге «Анатомия критики» представитель мифокритической школы Н. Фрай¹⁵⁰. Автобиография, пишет Фрай, по своей природе родственна роману, поскольку «большинство автобиографий вдохновлены творческим, – а значит, фикциональным – импульсом, побуждающим автора к отбору только тех событий и переживаний своей жизни, которые образуют некий цельный узор»¹⁵¹.

Фраю вторил автор книги «Джон Вулмен: мировидение святого квакера» (1966) Э. Кейди, увидевший в сюжете «Дневника» драматическое начало: «Отвага и скромность, нравственность и добросердечность, духовное богатство и простота – всё это становится взаимосвязанным в безыскусной драме смерти и преображения Эго. Был ли автор “действительно” таким [каким предстаёт герой “Дневника”] или же нет, создание образа Джона Вулмена – его выдающееся литературное достижение»¹⁵². Опубликованное десятью годами позднее исследование Э. Ливсэй «Джон Вулмен: персонаж и человек» было задумано как опровержение тезиса Кейди о фикциональности образа Вулмена, и проведённое ею тщательное сопоставление мотивов «Дневника» с историческими источниками (письмами, свидетельствами современников и др.)

¹⁴⁹ Campbell, J. *The Hero with a Thousand Faces*. – N.Y.: Pantheon Books, 1949. 416 p. Qtd. in: Heller, M. *Soft Persuasion...* P. 207-209.

¹⁵⁰ Frye, N. *Anatomy of Criticism: Four Essays*. – Princeton: Princeton University Press, 1957. P. 303.

¹⁵¹ *Ibid.* P. 307.

¹⁵² Cady, E. *John Woolman: The Mind of the Quaker Saint...* P. 133.

позволило исследовательнице утверждать, что между Вулменом-персонажем и Вулменом-человеком нет существенной разницы¹⁵³.

Между тем, в теории автобиографии со временем усиливалась позиция, согласно которой любое произведение этого жанра, независимо от «правдивости» автора, плодотворнее рассматривать как фикциональный текст. Вопрос в отношении «Дневника» остаётся дискуссионным¹⁵⁴. Однако в рамках данного исследования более важной представляется не столько однозначная идентификация этого текста с точки зрения литературной теории, сколько тот факт, что элементы сюжета «Дневника» и созданного в нём автобиографического образа оказались способны в дальнейшем интегрироваться в художественные произведения.

Обратимся ко второй – сугубо «дневниковой» – ипостаси текста Вулмена, и рассмотрим его строение в ракурсе композиционных разновидностей жанра. Современный исследователь дневниковой прозы О. Г. Егоров указывает, что для жанра дневника в целом характерны два **типа композиции**: непрерывная и дискретная. Непрерывная композиция подразумевает ничем не нарушаемую последовательность записи и бóльшую сосредоточенность автора на «мире вещей», нежели на «мире идей»¹⁵⁵.

В свою очередь, дневник с дискретной композицией выводит на первый план события, важные для автора именно с *идейной* точки зрения. Структура записей в таком случае кажется читателю менее последовательной, поскольку ряд объективных «внешних» фактов здесь перемежается с записями, отражающими «скрытые от глаз субъективные механизмы сознания и воли автора»¹⁵⁶. Дискретная композиция обычно наблюдается в таком типе дневника, который называется интровертивным, и которому присуще отображение

¹⁵³ Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person... P. 278.

¹⁵⁴ В пользу тезиса о фикциональной выстроенности «Дневника» по определённому «узору» говорит, например, работа Э. Хиггинса: Higgins, E.F.D. John Woolman's Journal: Narrative as Quaker Values Transmission // Quaker Religious Thought. 1993. Vol. 81. P. 25-37.

¹⁵⁵ Егоров О.Г. Русский литературный дневник XIX века... С. 218.

¹⁵⁶ Там же. С. 139.

душевной жизни автора по законам психологического времени, а не в соответствии с астрономическим календарём. «Главным [в таких дневниках]», – отмечает О.Г. Егоров, – «является осмысление и переживание событий, а не сами эти события»¹⁵⁷.

«Дневник» Джона Вулмена можно с большой долей уверенности отнести к интровертированному типу дневника, а его композицию, соответственно, к дискретному типу. На лёгкие нарушения хронологической последовательности событий в «Дневнике», а также на элемент «фрагментарности» в композиции текста указывают многие учёные, в частности Хеллер¹⁵⁸. Кейгл считает, что подобная фрагментарность как раз наиболее соответствует природе жанра, а также слову *hints* (дословно «намёки, подсказки, нотки»), использованному Вулменом уже в первой фразе «Дневника», где он объясняет своё «автобиографическое намерение». Слово “hints” предвещает, что далее читатель увидит «скорее фрагментированную правду дневниковеда, нежели систематический обзор жизни автобиографа»¹⁵⁹.

Однако при всей своей «фрагментированности», «Дневник», по мнению Ши и Хеллера, сохраняет нарративную унифицированность. Это происходит за счёт рассуждений в I главе и видения в XII главе: видение, описанное в последней главе, отсылает к рассуждениям из начала текста¹⁶⁰ – таким образом, возникает своего рода композиционное кольцо. В свою очередь, Хиггинс¹⁶¹ обнаруживает аналогичное «кольцо», обращая внимание на переключку между эпизодом с птицами в I главе и размышлениями Вулмена о «невинных пташках [...] которые живут согласно воле своего Создателя»¹⁶², в главе XII. В унисон с этими наблюдениями звучит и мысль Миллара о том, что одной из фраз Вулмена в конце «Дневника» присуща интонация эпилога¹⁶³.

¹⁵⁷ Егоров О.Г. Русский литературный дневник XIX века... С. 138-139.

¹⁵⁸ Heller, M.A. *Soft Persuasion*... P. 195, 218-219.

¹⁵⁹ Kagle, S.E. *American Diary Literature*... P. 48.

¹⁶⁰ Shea, D.B. *Spiritual Autobiography*... P. 72; Heller, M.A. *Soft Persuasion*... P. 214.

¹⁶¹ Higgins, E.F.D. *John Woolman's Journal: Narrative as Quaker Values Transmission*... P. 36.

¹⁶² Вулман Дж. *Дневник*... С. 243.

¹⁶³ Millar, A.E., Jr. *Spiritual Autobiography*... P. 176.

Вместе с тем, как отмечает Кейгл, в «Дневнике» сказалась и естественно присущая жанру дневника «незавершаемость», открытость к постоянному дополнению, и это свойство хорошо отражает мировоззрение Вулмена: дневник не может содержать в себе «последнее слово» автора, он по природе своей не заканчивается, а «простирается дальше, открытый к миру, о котором ведётся речь»¹⁶⁴. Здесь мы подходим к важнейшей риторической стратегии Вулмена – «мягкому убеждению», которое, наряду со стилистическими особенностями «Дневника», будет более подробно рассмотрено в следующем параграфе.

1.3.2. Риторические и стилистические особенности

Один из самых масштабных трудов, посвящённых литературному стилю и риторике Вулмена, был написан в 1989 г. профессором-американистом Майклом Хеллером¹⁶⁵. Фундаментом вулменовской риторики, по Хеллеру, является стратегия «мягкого убеждения» (*soft persuasion*). Эта стратегия, как показывает учёный, глубоко укоренена в квакерском мироощущении Вулмена.

Создавая «Дневник», Вулмен обращался, прежде всего, к единоверцам, а потому хорошей аналогией его отношений с читателем может стать образ квакера, взявшего слово на молитвенном собрании¹⁶⁶. Ценность молитвенного собрания для квакеров состоит, прежде всего, в коллективно переживаемой тишине: неслучайно многие исследователи подчёркивают, что Друзья ставят молчание выше речи¹⁶⁷. Задача выступающего на квакерском собрании, в

¹⁶⁴ Kagle, S.E. *American Diary Literature...* P. 51.

¹⁶⁵ Heller, M.A. *Soft Persuasion...*

¹⁶⁶ *Ibid.* P. 5.

¹⁶⁷ См., например, следующие работы: Bauman, R. *Let Your Words Be Few: Symbolism of Speaking and Silence among Seventeenth-Century Quakers.* – N.Y.: Cambridge University Press, 1983. 168 p.; Plugh, M.H. *Meaning in Silence and the Quaker Tradition // ETC: A Review of General Semantics.* Vol. 69, No. 2, 2012. P. 204-215; Acosta, A.M. *Pregnant Silence and Mystical Birth: Quaker Worship in the Seventeenth Century and the Subversive Practices of Silence // Restoration: Studies of English Literary Culture, 1660–1700.* Vol. 43, No. 1, 2019. P. 51-72. Одно из характерных высказываний на эту тему принадлежит швейцарскому квакеру Пьеру Лаку (1923 г.р.). В своей книге «Бог есть молчание» (*Dieu est silence*, 1969) Лаку писал: «Слова разделяют. Молчание объединяет. Слова рассеивают. Молчание собирает. Слова будоражат. Молчание примиряет» (см. Лаку П. *Бог есть молчание* / Пер. Н. Журавенковой [Эл. ресурс])

идеале – «углубить чувство тишины» в душах единоверцев¹⁶⁸, а тем самым помочь им лучше слышать «внутренний Свет», «внутреннего Учителя». Эта же задача стояла и перед автором «Дневника», и ей подчинены у Вулмена выбор лексики, синтаксический строй, аргументация¹⁶⁹.

Вулмен стремился так использовать возможности языка, чтобы помочь читателям заново осмыслить не только свои поступки, но и самое свое существование в свете концепта «внутренней Истины». Характерно, что в «Дневнике» почти не приводится (за одним исключением) содержание многочисленных диалогов автора со сторонниками рабовладения. На это обратил внимание ещё Д. Ши, автор книги «Жанр духовной автобиографии в Америке» (1968). Причина этого, считает Ши – не только нежелание автора повторяться, но и его вера в то, что ясное осознание несправедливости рабовладения может прийти к человеку не столько посредством аргументов, сколько посредством Света, Истины – так, как оно пришло к самому Вулмену¹⁷⁰.

Анализируя риторические стратегии Вулмена, Хеллер обращает внимание на их чёткую корреляцию с метафорой «хорошего врача», предложенной ведущим представителем американской рецептивной эстетики С. Фишем. Подобно «хорошему врачу» в буквальном смысле, «хороший врач» в литературе не говорит читателю-«пациенту» то, что он хочет услышать, но подталкивает его к «настойчивому и строгому рассмотрению всего, чем он живёт»¹⁷¹. Такой автор-«врач» мотивирует читателя засомневаться в собственных убеждениях и двинуться вперёд, он говорит с «лучшей стороной

// Библиотека сайта Quakers.ru. URL: <http://quakers.ru/бог-есть-молчание-лаку/> (дата обращения 25.01.2023).

¹⁶⁸ Heller, M.A. *Soft Persuasion...* P. 5-6.

¹⁶⁹ *Ibid.* P. 2.

¹⁷⁰ Shea, D. *Spiritual Autobiography in Early America*. – Princeton: Princeton University Press, 1968. P. 64. Свет, Истина, Слово – эти и многие другие понятия используются у Вулмена практически как синонимы, различные обозначения Божественного. Этот вопрос особенно подробно освещается в работе: Condia-Williams, Ch. *The Names of God in George Fox and John Woolman* // *Quaker Religious Thought*, Vol. 80, 1992. P. 33-40.

¹⁷¹ Fish, S.E. *Self-consuming Artifacts. The Experience of Seventeenth-Century Literature*. – Los Angeles: University of California Press, 1972. P. 1. Qtd. in: Heller, M.A. *Soft Persuasion...* P. 6.

человека и с его глубоко запрятанным нутром, о которых он может даже не знать»¹⁷².

Примечательно, что в ходе своих рассуждений С. Фиш использует важнейший для квакерства образ «внутреннего света»¹⁷³. «Внутренний свет» может считаться универсальной метафорой духовного, мистического опыта. Согласно квакерской доктрине, такой опыт потенциально доступен всем людям, и, соответственно, отношения между автором и читателем «Дневника» – это отношения, «основанные на разделяемой ими обоими вере в божественное начало, присущее каждому человеку»¹⁷⁴. Вулмену была чужда дихотомия «победитель-проигравший»: даже представителей противоположной точки зрения он не рассматривал как оппонентов или, тем более, как врагов. Используемая им стратегия «мягкого убеждения» демонстрирует понимание людского подобия, взаимосвязанности и взаимозависимости людей¹⁷⁵.

Важнейшим языковым средством, работавшим на благо стратегии «мягкого убеждения», для Вулмена было использование «простого стиля» (*plain style*)¹⁷⁶. Хотя учёные выделяют разные варианты «простого стиля» в англоязычной литературе (воплотившиеся в религиозной прозе, а также в светской литературе Британии и Америки), существуют фундаментальные его черты: это, как явствует из названия, предпочтение ясного, неприукрашенного, лаконичного языка¹⁷⁷. Учёные Р. Хоган и Г. Богарт дают определение простому стилю, располагая его на шкале, полюсами которой являются:

- стили «полуграмотный» (*semi-literate*) и «плоский» (*flat*) (скудные лексически и грамматически, насыщенные разговорными выражениями и клише), с одной стороны,

¹⁷² Fish, S.E. *Self-consuming Artifacts*... P.18. Qtd. in: Heller, M.A. *Soft Persuasion*... P. 8.

¹⁷³ Fish, S.E. *Self-consuming Artifacts*... P. 3. Qtd. in: Heller, M.A. *Soft Persuasion*... P. 8.

¹⁷⁴ Heller, M.A. *Soft Persuasion*... P. 8.

¹⁷⁵ *Ibid.* P. 4-5.

¹⁷⁶ *Ibid.* P. 4.

¹⁷⁷ Kagle, S.E. *American Diary Literature*... P. 28. Интересно, что корни квакерского «простого стиля» учёные обнаруживают, среди прочего, во французском квиетизме, а также у предшественников квиетистов, католических мистиков эпохи Контрреформации (Altman, W.F. *John Woolman's Reading*... P. 143).

● стили «украшенный» (*ornate*, изобилующий многосложными словами, изысканной грамматикой, нестандартными метафорами и т.п.) и «экспериментальный» (*experimental*, играющий с правилами языка), с другой стороны.

«Простой стиль» – это нечто среднее между этими полюсами; в нём преодолевается трафаретность «полуграмотного» и «плоского» стилей, но избегается и чрезмерная декоративность, присущая стилю «украшенному»¹⁷⁸. Использование «простого стиля» в англоязычной риторической традиции имеет долгую и богатую историю. В контексте данной работы важно учитывать, что именно в эпоху Просвещения он особенно приветствовался интеллектуалами. Этому способствовал характерный для Просвещения демократический пафос, стремление просветителей сделать знания достоянием широкого круга читателей, и, наряду с этим, происходившее в ту эпоху бурное развитие наук и научного языка¹⁷⁹.

Для Вулмена преимущество «простого» стиля заключалось, с одной стороны, в том, что он импонировал его современникам из «Общества Друзей» – и как традиционный для квакерской литературы, и как соответствующий атмосфере эпохи Просвещения; с другой стороны, эта же «простота» стиля позволяла добиваться эффектов «свежести» и «безыскусности» языка¹⁸⁰, что способствовало доверию читателя.

Усилия Вулмена при редактировании «Дневника» были направлены на «очищение» языка, поиск ясности звучания¹⁸¹. Лайза Гордис, автор статьи о проблеме «человеческого» и «божественного» языков в творчестве Вулмена, обращает внимание на музыкальный образ в знаменитой фразе из «Дневника»: «...ощущая источник божественной любви, открывшийся мне, и желание

¹⁷⁸ Hogan, R., Bogart, H. *The Plain Style: A Rhetoric and Reader*. – N.Y.: American Book Company, 1967. P. 8.

¹⁷⁹ *The Rhetorical Tradition: Readings from Classical Times to the Present* / Ed. by P. Bizzell, B. Herzberg. – Boston: Bedford Books, 1990. P. 638.

¹⁸⁰ Heller, M.A. *Soft Persuasion...* P. 4.

¹⁸¹ Shea, D. *Spiritual Autobiography in Early America...* P. 65.

говорить, я сказал несколько слов на собрании, и в них нашёл мир [...] во мне усилилось понимание того, как различать язык чистого духа, который исходит из глубины сердца, и я учился ожидать в молчании, иногда по многу недель, пока не почувствуешь этого подъёма, который заставляет человека подняться, подобно трубе, посредством которой Господь говорит со своим стадом»¹⁸².

Границы несовершенного человеческого языка, пишет Гордис, оказываются таким образом преодоленными, и боговдохновенная речь уподобляется музыке¹⁸³. Примечательны в связи с этим наблюдения Ши и Ливсэй о **ритмическом рисунке «Дневника»¹⁸⁴**, а также о присущем некоторым его фразам библейском ритме¹⁸⁵ (в признании того факта, что Библия оказывала первостепенное влияние на Вулмена, учёные практически единодушны¹⁸⁶).

Простота стиля, отмечает Ши, в лучших моментах «Дневника» придаёт ему «удивительную свежесть и вневременность»¹⁸⁷. Пример тому можно найти в размышлениях Вулмена по поводу индейских рисунков на дереве. Автор «Дневника» воспринимает индейцев не с позиции культурных стереотипов того времени, тяготеющих к двум полюсам («индеец-дикарь» и «благородный индеец», наставник белого человека), но с позиции природы человека в целом: «Индийский воин Вулмена мог быть с таким же успехом англо-саксонским или, к примеру, афинским воином...»¹⁸⁸.

Вопреки зародившемуся позднее романтическому мифу (подробнее он будет рассмотрен в п. 2.3), стилистическая «простота» «Дневника», безусловно, не была следствием литературной неискушённости Вулмена. Напротив, она

¹⁸² Вулман Дж. Дневник... С. 40-41.

¹⁸³ Gordis, L.M. Spirit and Substance: John Woolman and "The Language of the Holy One" // The Tendering Presence... P. 68.

¹⁸⁴ Shea, D. Spiritual Autobiography in Early America... P. 68; Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person... P. 254.

¹⁸⁵ Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person... P. 220.

¹⁸⁶ Altman, W.F. John Woolman's Reading...; Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person... P. 220; Birkel, M.L. Preparing the Heart for Sympathy: John Woolman Reading Scripture // The Tendering Presence... P. 88-104.

¹⁸⁷ Shea, D. Spiritual Autobiography in Early America... P. 66.

¹⁸⁸ Ibidem.

явилась результатом тщательной обработки текста¹⁸⁹. Вулмен многому научился, читая британские эссе августинского периода, с их «ясностью мысли и прочностью конструкции»¹⁹⁰. На его стиль не могли не оказать влияния и многочисленные «практические» книги и официальные документы. Но определяющую роль в развитии вулменовского стиля, как показывает У. Олтмен, играли, безусловно, квакерские авторы (Джордж Фокс, Уильям Пенн, Роберт Баркли, а также современники Вулмена) и представители различных религиозно-мистических течений¹⁹¹.

Характерной для квакерской литературной традиции категорией является т.н. «недосказанность» (*understatement*)¹⁹², и многие учёные соглашаются, что это ярко проявилось в «Дневнике»¹⁹³. Один из друзей Вулмена как-то записал произнесённую им фразу: «Лучшее правило, которое я знаю – это правило под названием “достаточно”»¹⁹⁴. Показательный пример «недосказанности» можно увидеть, если сравнить описание плавания в Англию у Вулмена и у одного из пассажиров того же корабля, молодого врача Джона Тилла Адамса. В письмах друзьям юноша рассказывает о неистовых штормах, грозивших перевернуть судно. Вернувшись домой в Британию, Адамс зарёкся от морских путешествий: «Я никогда больше не поставлю свою жизнь в зависимость от подобной лотереи, в которой так велики шансы проиграть»¹⁹⁵. Между тем, одна из немногих ремарок, касающихся погоды, в соответствующей части вулменовского «Дневника», состоит из трёх слов: «Погода была бурной...»¹⁹⁶.

¹⁸⁹ Rosenblatt, P. John Woolman... P. 99; Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person... P. 9.

¹⁹⁰ Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person... P. 9.

¹⁹¹ Altman, W.F. John Woolman's Reading... P. 253.

¹⁹² Higgins, E.F. Narrative and Values in the Quaker Journals of Thomas Chalkley, Elizabeth Ashbridge and John Woolman. – A diss. subm. to The Union Institute, 1992. P. 114.

¹⁹³ Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person... P. 3, 26; Heller, M.A. Soft Persuasion... P. 150-151, 176, 202; Stewart, M.E. Thinking about Death... P. 117; Miller, J.D. "Nature Hath a Voice": John Woolman's Wilderness "Habitat" // Religion and Literature, Vol. 45, No. 2, 2013. P. 41.

¹⁹⁴ Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person... P. 189.

¹⁹⁵ Letter to William Logan, dated July 9, 1772 // William Portsmouth Logan Papers. Vol. 1, Logan-Fisher-Fox Collection, HSP. Qtd. in: Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person... P. 197.

¹⁹⁶ Вулман Дж. Дневник... С. 221.

Результат такого подхода – «сфокусированная, дистиллированная проза, в которой каждое слово имеет значение»¹⁹⁷.

Интереснейшие наблюдения могут быть сделаны при сопоставлении различных редакций «Дневника»¹⁹⁸; весьма подробно такое сопоставление проведено Э. Ливсэй. Исследовательница показывает, что, корректируя лексику «Дневника», Вулмен преследовал несколько целей, среди которых следующие.

1) Достижение большей простоты, безыскусности звучания. Так, слово *intellect* после редактирования менялось на *mind (interval)*, соответственно, на *time, perfection of Christianity* – на *purity of Truth*¹⁹⁹).

2) Стремление избежать осуждения и наветов на кого-либо. Глагол «быть, являться» (*to be*) в характеристиках людей уступает место глаголам «казаться, представляться» (*to appear*)²⁰⁰; слово «личность, нрав, натура» (*character*) – понятию «репутация» (*reputation*)²⁰¹; слова, указывающие на категорическое нежелание рабовладельцев отпускать своих невольников (*being resolved to continue them in slavery*) менялись на более мягкую формулировку (*being inclined to continue them in slavery*)²⁰². Акцент смещается с личностей на принципы, мнения людей; и в том случае, когда эти принципы и мнения трактуются Вулменом как ошибочные, в итоговой редакции «Дневника» они предстают не статичными характеристиками этих людей, а лишь временным проявлением их неготовности к осознанию духовных истин²⁰³.

3) Стремление избежать преувеличения собственных заслуг. «Автор», источник всего хорошего – это Господь; человек же способен достичь чего-

¹⁹⁷ Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person... P. 253.

¹⁹⁸ Такая возможность есть, в частности, у читателей издания, подготовленного Филлипсом Моултоном: оно снабжено обширными примечаниями, в которых комментируются выявленные редактором лексические замены.

¹⁹⁹ Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person... P. 269. Следует добавить, что в подобных примерах легко заметить и следующую трансформацию: на месте слов романского происхождения после редактирования часто появляются стилистически более «обыденные», «повседневные» германские корни.

²⁰⁰ Ibid. P. 237-238.

²⁰¹ Ibid. P. 272.

²⁰² Ibid. P. 271.

²⁰³ Ibidem.

либо только с помощью Господней благодати. Очень важную роль в «Дневнике» играет глагол *open*, передающий идею открывания божественных «каналов» человеку, сообщения между верующим и Создателем²⁰⁴. Это можно заметить на примере редактирования следующей фразы: «*некоторые вещи пришли [occurred] мне на ум*» в более поздней версии стала звучать как: «*некоторые вещи открылись [were opened] моему уму*»²⁰⁵. Также на место перфектной завершённости собственного действия приходит идея процессуальности: «урок, который я усвоил» (*lesson I have learned*) превращается в «урок, который мне полезно было бы усвоить» (*useful lesson for me to be learning*)²⁰⁶.

По мнению Э. Ливсэй, все эти коррективы вносились Вулменом не для того, чтобы возвысить, или же, наоборот, принизить свой образ: автобиограф стремился избежать впечатления как «неправдоподобно хорошего», так и «неубедительно плохого» человека²⁰⁷. Причиной изменений было желание «писать проще, тише, больше от себя, без лишних клише», и не столько чтобы описать свои чувства, сколько чтобы помочь другим²⁰⁸. Рефрен «Дневника» – стремление к «истинному смирению» (*to be truly humbled*²⁰⁹), которое понимается Вулменом как первый шаг к правильным отношениям с Богом²¹⁰.

Многие учёные обращают внимание на исключительную значимость в тексте пассивного залога: перед нами, как пишет Е.М. Апенко, оказывается «изображение “воспринимающего сознания” автора»²¹¹. Известно также, что в ходе редактирования текста Вулмен стремился свести к минимуму

²⁰⁴ Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person... P. 242.

²⁰⁵ Перевод наш. – Д.А. Woolman, J. The Journal... P. 102. Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person... P. 270.

²⁰⁶ Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person... P. 17.

²⁰⁷ Ibid. P. 268, 256.

²⁰⁸ Ibid. P. 266.

²⁰⁹ Woolman, J. The Journal... P. 26.

²¹⁰ Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person... P. 13-15.

²¹¹ Апенко Е.М. Американские квакеры и литература... С. 25; Heller, M.A. Soft Persuasion... P. 225; Kershner, J.R. “The Government of Christ”: John Woolman’s (1720–1772) Apocalyptic Theology. – A diss. subm. to the University of Birmingham, 2013. P. 79.

использование местоимения «я»²¹². Подобные свойства «Дневника» привели к тому, что, как уже говорилось выше, в 1922 г. А. Гуммер назвала его «самой безличной автобиографией в истории»²¹³, в чём её поддержали более поздние исследователи: так, Т. Каузер именуется текст Вулмена «автобиографией без героя»²¹⁴, а М. Р. О’Райли – историей «деконструированного “я”»²¹⁵. Свойственное перу Вулмена перенесение акцента *с личностей на принципы*, привносимый отбором сообщаемых фактов и стилистическими правками эффект «самоотрешённости» автора – эти и другие свойства, действительно, во многом придают «Дневнику» интонацию безличности (и по отношению к себе, и по отношению к другим людям), и, в добавление к этому, заметно сглаживают моралистический пафос текста. Как точно сформулировал Д. Ши, «Перенаправляя внимание от Себя к Истине, Вулмен не подходит к своему читателю с призывом: “Поступай так, как поступал я – образец поведения”, но просто утверждает: “Делай, что должно, увидев то, что увидел я”»²¹⁶.

По верному наблюдению М. Хеллера, «несмотря на “негероичность” образа Вулмена [...], в “Дневнике” он достигает парадоксально героического статуса»²¹⁷. Наиболее точно, на наш взгляд, природу этого парадокса объяснил Д. Ши: «Вулмену вряд ли пришло бы на ум, что [...] он раскрыл себя столь же полно, как более поздние автобиографы, более влюблённые в свою индивидуальность. Его попытки удалиться от читательского взгляда приводят в итоге к автопортрету, искусность которого – в его прозрачности; главный герой его повествования не становится менее интересной фигурой оттого, что отказывается выйти на сцену»²¹⁸. Развивая предложенную Ши театральную метафору, можно сказать, что на «сцену» Вулмен, действительно, не выходит;

²¹² Brinton, H. Quaker Journals: Varieties of Religious Experience Among Friends... P. 1.

²¹³ Gummere, A.M. The Journal of John Woolman: Biographical Sketch... P. X.

²¹⁴ Couser, G. Th. American Autobiography: The Prophetic Mode. – Amherst: University of Massachusetts Press, 1979. P. 40.

²¹⁵ O’Reilly, M.R. John Woolman: The Unconstructed Self // The Tendering Presence... P. 133-147.

²¹⁶ Shea, D. Spiritual Autobiography in Early America... P. 80.

²¹⁷ Heller, M.A. Soft Persuasion... P. 207.

²¹⁸ Shea, D. Spiritual Autobiography in Early America... P. 84.

вместо сцены у него – дорога; читателя же он приглашает на роль не зрителя, а спутника.

1.3.3. Метафора путешествия

Как подмечает один из первых биографов Вулмена, Дж. Уитни, «“Дневник”, тщательно фиксирующий все путешествия [...] и при этом уделяющий совсем мало внимания всему остальному, создаёт ложную картину неугомонного движения»²¹⁹. Об этом же пишет У. Хеджес, говоря, что герой «Дневника» – «вечный пилигрим, идущий по колониальным просёлкам, коровьим тропкам, дорожкам индейцев, от Новой Англии до Северной Каролины»²²⁰ и «самый неусидчивый из всех американцев; человек, постоянно ищущий не благосостояния, но блага»²²¹. М. Хеллер также указывает на важнейшую роль, которую в «Дневнике» играют глаголы движения, а также само слово *motion* и его производные (неслучайно оно встречается уже в самой первой фразе текста)²²².

Здесь следует отметить, что путешествие, как отмечает О.Г. Егоров, в принципе является одним из самых характерных топосов дневникового жанра; в европейской литературной традиции «годы странствий» (совершаемых, как правило, в юном возрасте) воспринимались как закрепление результатов духовного процесса индивидуации²²³. В «Дневнике» же, что примечательно, герой совершает путешествия уже не в юности, но во второй половине жизни (первая дальняя поездка Вулмена пришлась ровно на середину его жизни). Но и в его случае «годы странствий» оказываются закреплением и расширением ранее обрётённого духовного опыта.

Между тем, созданная Вулменом картина непрекращающегося движения – действительно не вполне реалистичная, поскольку, согласно подсчётам Дж. Кёршнера, фактически путешествия занимали у Вулмена в среднем лишь один

²¹⁹ Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 309.

²²⁰ Hedges, W.L. John Woolman and the Quaker Utopian Vision... P. 87.

²²¹ Ibid. P. 100.

²²² Heller, M.A. Soft Persuasion... P. iii, 225.

²²³ Егоров О.Г. Русский литературный дневник... С. 38-39.

месяц в году; тем не менее, в «Дневнике» поездкам посвящено около 70% текста²²⁴. При этом, по наблюдению Е.А. Стеценко, Вулмена «интересуют не сама дорога с её неожиданностями, не окружающая природа и не встреченные люди, а исключительно собственные мысли и душевные состояния и цель поездки – чтение проповедей»²²⁵. На это же указывает и Хеллер, говоря, что описания природы у Вулмена ограничиваются, преимущественно, передачей образов дикости и пустынности, напоминающих библейские²²⁶.

В свою очередь, Хеджес отмечает, что взгляд Вулмена на красоту пейзажа омрачается мыслями о пронизывающем общественное устройство угнетении: «мир вокруг выглядит не как Эдем, Ханаан или Аркадия, а как падший мир [...]. Вулмен не считает аграрную Америку раем, утопией»: напротив, он видит тяжкий, подрывающий здоровье труд работников и самих хозяев ферм, чьё сердце поглощено «мирскою славой»²²⁷. То же самое можно сказать и о попадающих в поле зрения Вулмена городах – так, по мысли Э. Хиггинса, вулменовские зарисовки английских городов своей мрачностью предвещают индустриальные пейзажи из романов Диккенса²²⁸.

Вместе с тем, как отмечают практически все процитированные выше исследователи, ключевую роль в «Дневнике» играет *путешествие как метафора*; при этом метафорический смысл в большинстве случаев крайне трудно отделить от буквального²²⁹. В определённом смысле, весь нарратив «Дневника», считает Хеллер – это нарратив путешествия, которое начинается в родительском доме Вулмена, а заканчивается на его исторической родине – в Англии²³⁰. Обратим внимание на такой фрагмент: «Мы продолжали

²²⁴ Kershner, J.R. 'A More Lively Feeling': The Correspondence and Integration of Mystical and Spatial Dynamics in John Woolman's Travels // Quaker Studies, No. 20/1, 2015. P. 103.

²²⁵ Стеценко Е.А. История, написанная в пути... С. 125.

²²⁶ Heller, M.A. Soft Persuasion... P. 201.

²²⁷ Вулман Дж. Дневник... С. 45; Hedges, W.L. John Woolman and the Quaker Utopian Vision... P. 88-89.

²²⁸ Higgins, E.F.D. John Woolman's Journal: Narrative as Quaker Values Transmission... P. 35.

²²⁹ Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person... P. 245-246; Heller, M.A. Soft Persuasion... P. 106; Kershner, J.R. 'A More Lively Feeling'...

²³⁰ Heller, M.A. Soft Persuasion... 187.

путешествие [...] и, двигаясь по дороге, я часто чувствовал, что из глубины моей души поднимаются такие слова: “О Господи, странник я на земле; не скрывай от меня лицо Твое” (Пс. 119. 19)»²³¹.

Библейский образ «странника» в данном случае воспринимается и метафорически, и буквально. Э. Ливсэй приводит показательную подборку глаголов движения и другой «путевой» лексики, используемой Вулменом в двойном смысле²³². В данной же работе обратим внимание на этимологию некоторых ключевых для Вулмена лексем и их взаимосвязь друг с другом.

Неудивительно, что весьма частотным в «Дневнике» является слово *journey* (оно встречается минимум 39 раз). Самого себя Вулмен трижды характеризует с помощью однокоренного слова *sojourner* (‘проезжий’, ‘временный обитатель’). По справедливому наблюдению Кёршнера, сам образ дороги и выражаемая им идея некоей «промежуточности», «переходности» ассоциируется в «Дневнике» с бренностью земной жизни²³³. В то же время, примечательно, что «самоназвание» Вулмена-автобиографа *sojourner*, неожиданным образом, своим корнем перекликается с названием его литературной «должности»: в английском языке авторы дневников (*journals*) именуются *journalists*. Соответственно, и обусловленное квакерской традицией название – *The Journal* – происходящее от того же латинского корня, имплицитно поддерживает смысловой ряд *journey* и *sojourner*. В определённой степени, происходит сращение семантики «путешествия», «временного обитания» и «ведения дневника».

В свою очередь, синоним *journey* – слово *travel* (а также его производные) – по нашим подсчётам, встречается в «Дневнике» 50 раз. И здесь обнаруживается, что со смысловым рядом «путешествие» тесно взаимосвязан второй ряд, базирующийся на значении «работа». Слово *travel*, в английском языке закрепившее за собой идею передвижения, этимологически восходит к

²³¹ Вулман Дж. Дневник... С. 79-80.

²³² Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person... P. 245.

²³³ Kershner J.R. ‘A More Lively Feeling’... P. 106.

латинскому корню, означающему не только ‘путешествовать’, но и, в первую очередь, ‘силиться, мучиться, трудиться, стремиться’ – “to torment, labor, strive”²³⁴. Здесь стоит напомнить, что формулировку открывающего «Дневник» «автобиографического намерения» Вулмен завершает словами: ...*I begin this work*²³⁵. При этом в полном заглавии текста присутствует слово *labours* (“*Gospel Labours*”). Читая «Дневник», нетрудно заметить, что дорога, путешествие как труд – его постоянный мотив: «*В этих скитаниях, должен сказать, мы подчас переживали большую слабость и трудились, пытаясь преодолеть свои разочарования, а в иное время, благодаря новым проявлениям божественной любви, ощущали прилив сил, когда преобладала в нас власть Истины*»²³⁶.

Слова *journey* и *travelling* сочетаются в «Дневнике» с эпитетами, означающими трудности (*difficult* [127²³⁷], *troublesome* [128], *wearisome* [150]; *a hard day's journey* [130]), опасности (*dangerous* [130, 136], *perilous* [123]), усердие (*diligent* [135]), одиночество/уединение (*lonesome* [70], *lonely* [129], *solitary* [70]). Вулмен часто упоминает не только свою физическую и психологическую усталость от дороги, но и утомление других путников, а также лошадей. Уставшими представляются индейцы в их военных походах (*the toils and fatigues of warriors in travelling over mountains and deserts* [126] – *тяжёлые труды и усталость воинов* [174]) и охотничьих экспедициях (*much fatigue and hard travels in hunting* [125] – *огромная усталость и долгая охота* [172]), а также моряки в океанских плаваниях (*trials of the poor sailors* [168] – *мытарства [...] бедных матросов* [224]). При этом религиозные поездки связываются Вулменом с понятием долга (*my mind became settled in a belief that it was my duty to proceed on my journey* [124] – *дух мой утвердился в вере, что мой долг – совершить это путешествие* [170]), воспринимаются им как

²³⁴ Эл. ресурс: Merriam Webster Dictionary Online. Ср. с англ. *travail*, франц. *travailler*, исп. *trabajar* и др. (Дата обращения: 15.01.2023).

²³⁵ Woolman, J. *The Journal and Major Essays...* 2007. P. 23.

²³⁶ Вулман Дж. *Дневник...* С. 55.

²³⁷ Далее в этом и следующем абзацах номера в квадратных скобках отсылают к страницам оригинального текста «Дневника» (Woolman, J. *The Journal...*) и его русского перевода (Вулман Дж. *Дневник...*).

богоугодный труд (*the faithful labours of travelling Friends in early times* [147] – упорная работа странствующих Друзей в старые времена [199]; *the travels, sufferings, and martyrdom of the Apostles and primitive Christians* [150] – странствия, страдания и мученичество апостолов и ранних христиан [203]).

Путешествия в «Дневнике» трудны, изнурительны, зачастую опасны. И тем не менее, автобиографический герой Вулмена черпает силы в ощущении божественного присутствия, способного любое место сделать «домом»²³⁸; и, чаще всего, именно в странствиях к герою «Дневника» приходят озарения свыше. Можно согласиться с наблюдением Кёршнера, что в «Дневнике» «имплицитным образом [...] новое географическое пространство обещает быть одновременно пространством, открывающим новые истины»²³⁹.

Завершая рассмотрение «страннических» мотивов «Дневника», стоит также обратить внимание на лексему *walk* – ‘идти пешком’. Это слово употребляется в тексте 30 раз, и только в десяти случаях имеет буквальное значение. Чаще всего слово *walk* носит метафорическое значение пути, который человек проходит перед Богом (*walk in uprightness before Him* [63] – кто ходит пред Ним в праведности; *walk in resignedness before Him* [116] – ходить пред Ним в покорности Его воле). В тех случаях, когда *walk* используется в прямом смысле, оно сочетается с *lonesome* [149], *lonely* [150], *solitary* [155]. Интересно отметить, что сам Вулмен в эссе «Размышления об истинной гармонии рода человеческого» обращает внимание на метафорический потенциал глагола «идти, передвигаться пешком» (*to walk*): «Слово “идти” часто используется в Писании, символизируя наш жизненный путь...»²⁴⁰.

Вулмен объяснял своё желание идти пешком, прежде всего, состраданием к участи рабов. При этом в тексте вновь очерчивается образ странника-

²³⁸ Dandelion, P. *Making Our Connections: A Spirituality of Travel*. – L.: SCM Press, 2013. P. 7; Qtd. in: Kershner, J.R. ‘A More Lively Feeling’... P. 104.

²³⁹ Ibid. P. 105.

²⁴⁰ Woolman, J. *Considerations on the True Harmony of Mankind & how it may be promoted* // Proud, J. (Ed.). *John Woolman and the Affairs of Truth. The Journalists Essays, Epistles, and Ephemera...* P. 151.

пилигрима, одиноко бредущего по земле; решение путешествовать пешком, безусловно, явилось и своего рода символической идентификацией с Христом²⁴¹. В то же время, образ одинокого путешественника, по наблюдению Хеллера, традиционен для американской литературы: это касается как фикциональных персонажей (Измаил из «Моби Дика», Гекльберри Финн), так и реальных исторических фигур (Кревкёр, Торо, Уитмен)²⁴². Э. Ливсэй, в свою очередь, возводит образ пилигрима к знаменитейшему британскому прототипу, отмечая, что «при всей своей простоте, история Вулмена становится несколько завуалированной версией беньяновского “Пути паломника”»²⁴³.

Таким образом, в «Дневнике» семантика «странничества», «путешествия» сближается с семантикой «работы», «труда» и, собственно, «ведения дневника». Изнурительные физически путешествия автобиографического героя служат аллегорией трудного, тернистого пути человеческой души на земле, «жизни как путешествия к единению с Создателем»²⁴⁴. Физическая усталость, с годами всё чаще дающая о себе знать, сопровождается у Вулмена усилением эмоционального и духовного переживания.

Как справедливо отмечает, говоря о колониальной эпохе, Л.А. Мишина, «из всех существовавших тогда жанров именно дневник наиболее полно зафиксировал “труды и дни” первых поселенцев, их будничную, обычную жизнь, которая, будучи прожита по правилам, имеет в протестантизме статус высшей духовной ценности»²⁴⁵. В «Дневнике», однако, фиксируются не только и не столько «труды и дни» Вулмена в буквальном, повседневном смысле, сколько труды, дни и «странствия» духа. Роль автобиографа при этом, в определённой мере, сводится к роли «скриптора», «записывающей руки». Акцентируя внимание на *путешествии*, Вулмен, по точному наблюдению

²⁴¹ Heller, M.A. *Soft Persuasion...* P. 206.

²⁴² *Ibid.* P. 215.

²⁴³ Livesay, E.K. *John Woolman: Persona and Person...* P. 246.

²⁴⁴ Heller, M.A. *Soft Persuasion...* P. 192.

²⁴⁵ Мишина Л.А. *Дневник как жанр и как форма в американской литературе...* С. 151.

Хеллера, стремится «рассказать историю своей жизни, но при этом самому не стать центральной частью этой истории»²⁴⁶.

Выводы по Главе 1

В своём центральном произведении, «Дневнике», Джон Вулмен обращается к целому ряду социальных проблем эпохи, среди которых рабовладение, отношения европейских поселенцев с коренными народами Америки, пацифизм, вопросы экономической и торговой этики.

«Дневник» соединяет автобиографический и дневниковый дискурсы повествования. С точки зрения композиции этот текст, прошедший через несколько редакций, в значительной мере соответствует канонической формуле исповедальной литературы квакеров, выявленной Г. Бринтоном; также в его построении обнаруживается сходство со стадиями развития мифического героя, описанными Дж. Кэмпбеллом. Композиционная «формульность» «Дневника» сочетается с заметным риторическим и стилистическим своеобразием текста. Риторика Вулмена построена на стратегии т.н. «мягкого убеждения» (М. Хеллер), которому способствуют «простой стиль» вулменовского письма, а также выявляемые в ходе сопоставления разных редакций многочисленные лексические замены. В результате проза «Дневника» в значительной степени приобретает свойства «безличности».

Существенную роль в «Дневнике» играет метафора путешествия, а также мотивы «уединения», «труда» и «ведения дневника». Это отражается на композиционном, тематическом, лексическом уровнях, а также в полном оригинальном названии текста.

---

²⁴⁶ Heller, M.A. *Soft Persuasion...* P. 192.

Глава 2. РЕЦЕПЦИЯ «ДНЕВНИКА» В XVIII – XXI ВВ.

2.1. «Вулменоведение»: горизонты академического изучения творчества

Джона Вулмена

Общий объём литературного наследия Вулмена относительно невелик: текст «Дневника» составляет около 200 страниц, тексты эссе и сохранившихся писем проповедника – в сумме, около 250 страниц²⁴⁷. Тем не менее, уже несколько десятилетий «Дневник», наряду с другими текстами Вулмена, привлекает неослабевающее внимание критиков и учёных. *Академическая рецепция* Вулмена могла бы стать темой отдельного плодотворного исследования; в рамках же данной работы представляется необходимым обозначить основные горизонты этой рецепции. Перечислим наиболее развитые направления и имена лишь некоторых исследователей, их разрабатывающих.

1) Биография Вулмена, исторический фон его жизни, круг его чтения и общения – Уильям Тинмут Шо, Амелия Гуммер, Фредерик Толлес, Джэнет Уитни, Уолтер Олтмен, Генри Кэдбери, Томас Слотер, Джеффри Плэнк, Джеймс Прауд²⁴⁸.

²⁴⁷ Moulton, Ph. P. John Woolman's Approach to Social Action: As Exemplified in Relation to Slavery // Church History, Vol. 35, No. 4, 1966. P. 399.

²⁴⁸ Teignmouth Shore, W. John Woolman: his Life and our Times: Being a Study in Applied Christianity. – L.: Macmillan and Co, Limited, 1913. 278 p.; Gummere, A.M. The Journal of John Woolman: Biographical Sketch...; Tolles, F.B. John Woolman's List of "Books Lent" // Bulletin of Friends Historical Association. 1942. Vol. 31, No. 2. P. 72-81; Whitney, J. John Woolman: American Quaker...; Altman, W.F. John Woolman's Reading...; Cadbury, H.J. Did Woolman Wear a Beard? // Quaker History. 1965. Vol. 54, No. 2. P. 111-114; Cadbury, H.J. Sailing to England with John Woolman // Quaker History. 1966. Vol. 55, No. 2. P. 88-103; Slaughter, Th. P. The Beautiful Soul of John Woolman, Apostle of Abolition. – N.Y.: Hill and Wang, 2008. 452 p.; Plank, G. John Woolman's Path to the Peaceable Kingdom: A Quaker in the British Empire. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2012. 296 p.; Proud, J. A Note on John Woolman's Paternal Ancestors: The Gloucestershire Roots; The West New Jersey Plantation // Quaker History. 2007. Vol. 96, No. 2. P. 28-53.

2) Текстологические исследования: Филлипс Моултон, Генри Кэдбери, Джон Кёршнер²⁴⁹.

3) Духовное становление Вулмена; психологический анализ «Дневника» – Стерлинг Олмстед, Эдит Ливсэй, Джордж Гиллеспи, Филип Бороз, Пол Андерсон²⁵⁰.

4) Тексты Вулмена с точки зрения теологии, истории религий, истории мистических течений: Шарлотта Кондиа-Уильямс, Джон Кёршнер, Фредерик МакЭлрой, Майкл Биркель²⁵¹.

5) Этика Вулмена; Вулмен в истории филантропии и социальных реформ – Эстер Браун, Филлипс Моултон, Марианна Дэвис, Томас Террелл-мл., Юра Куоллис, А. Дайсон, Майкл Хеллер, Джон Перри, Б. Луц, Майкл Меранце, Джеральд Сазама, Кристофер Варга, Майкл Грейвз, Дэвид Сокс, Уинстон Осмонд, Джули Холком²⁵².

²⁴⁹ Moulton, Ph. P. Preface // *The Journal and Major Essays of John Woolman* / Ed. by Ph. P. Moulton. – Richmond: Friends United Press, 1971. P. ix-xv; Cadbury, H.J. Another Woolman Manuscript // *Quaker History*. 1972. Vol. 61, No. 1. P. 16-23; Kershner, J.R. The York Manuscript: John Woolman's Final Writings // *Quaker History*. 2013. Vol. 102, No. 2. P. 28-51.

²⁵⁰ Olmsted, S. *Motions of Love: Woolman as Mystic and Activist*. – Philadelphia: Pendle Hill Publications, 1993. 47 p.; Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person...; Gillespie, G. John Woolman's light in the night: An Analysis // *Dreaming*. 2000. Vol. 10, No. 3. P. 149-160; Boroughs, Ph. L. S. J. John Woolman's Spirituality // *The Tendering Presence...* P. 1-16; Anderson, P. The Spiritual Formation of Young John Woolman // *The Tendering Presence...* p. 17-44.

²⁵¹ Condia-Williams, Ch. The Names of God in George Fox and John Woolman // *Quaker Religious Thought*, Vol. 80, 1992. P. 33-40; Kershner, J.R. "The Government of Christ": John Woolman's (1720–1772) Apocalyptic Theology. – A diss. subm. to the Univ. of Birmingham. 2013. 390 p.; Kershner, J.R. *Mysticism and Revelation in John Woolman's Theology* // *Quaker Religious Thought*. 2015. Vol. 125. 34-42 pp.; McElroy, F.L. *Prophets of Universal Redemption: Evangelical Antislavery Literature from John Woolman to Ottobah Cugoano*. – A diss. subm. to Indiana Univ., 1987. 403 p.; Birkel, M.L. *A Near Sympathy: The Timeless Quaker Wisdom of John Woolman*. – Richmond: Friends United Press, 2010. 126 p.

²⁵² Brown, E.M. *The Writings of John Woolman with Especial Emphasis on Their Social Philosophy*. – A diss. subm. to the Univ. of Southern California, 1929. 92 p.; Moulton, Ph. P. John Woolman: Exemplar of Ethics // *Quaker History*. 1965. Vol. 54, No. 2. P. 81-93; Moulton, Ph. P. John Woolman's Approach to Social Action: As Exemplified in Relation to Slavery // *Church History*. 1966. Vol. 35, No. 4. P. 399-410; Davis, M.W. The Connatural Ground of John Woolman's Triangle // *College Language Association Journal*. 1965. Vol. 9, No. 2. P. 132-139; Terrell, Th. E. Jr. John Woolman: The Theology of a Public Order // *Quaker History*. 1982. Vol. 71, No. 1. P. 16-30; Qualls, Y. "Successors of Woolman and Benezet": The Beginnings of the Philadelphia Friends Freedmen's Association // *Bulletin of Friends Historical Association*. 1956. Vol. 45, No. 2. P. 82-104; Dyson A.O., the Rev. The Ethics of Social Protest: John Woolman (1720–1772) // *Bulletin of the John Rylands Library*, 1985. Vol. 68 (1). 115-134 pp.; Heller, M.A. John Woolman and Good

6) Творчество Вулмена в свете социологических (прежде всего, постколониальных) исследований: Маргарет Стюарт, Эндрю Уайт, Джин Содерлэнд, Верни Дэвис, Сьюзен Дин²⁵³.

7) Стиль Вулмена, риторические и нарративные стратегии в его текстах: Пол Роузенблатт, Майкл Хеллер, Эдвард Хиггинс, Лайза Гордис²⁵⁴.

8) Литературоведческий анализ отдельных эпизодов / тематических аспектов «Дневника»: Елена Михайловна Апенко, Джей Миллер, Джон Кёршнер, Маргарет Стюарт, Мэри Роуз О'Райли²⁵⁵.

---

and Evil // Good and Evil: Quaker Perspectives / Ed. by J.L. Scully and P. Dandelion. – L., N.Y.: Routledge, 2016. P. 71-80; Perry, J.F. John Woolman and his Ultimate Reality and Meaning // Ultimate Reality and Meaning. 2009. Vol. 32, No. 1. P. 90-102; Lutz, B.A. John Woolman: More Than Just a Journal. The Capacity of One Individual to Make a Difference // Univ. of Wisconsin. History 489. 2009. 29 p.; Meranze, M. Materializing Conscience: Embodiment, Speech, and the Experience of Sympathetic Identification // Early American Literature. 2002. Vol. 37, No. 1. P. 71-88; Szama, G.W. On Woolman's "Conversations", Ethics, and Economics // The Tendering Presence... P. 190-206; Varga, Ch. "Be Ye Therefore Perfect": Integral Christianity in "Some Considerations on the Keeping of Negroes" // The Tendering Presence... P. 207-218; Graves, M.P. "A Perfect Redemption from this Spirit of Oppression": John Woolman's Hopeful World View in "A Plea for the Poor" // The Tendering Presence... P. 219-242; Sox, D. John Woolman: Quintessential Quaker. 1720 to 1772. – Richmond: Friends United Press, 1999. 148 p.; Osmond, W.S. The Influence of John Woolman on the Quakers' Antislavery Position. – A diss. subm. to the Acadia Divinity College, 1998. 153 p.; Holcomb, J. Moral Commerce: Quakers and the Transatlantic Boycott of the Slave Labor Economy. – Ithaca and London: Cornell University Press, 2020. 272 p.

²⁵³ Stewart M.E. John Woolman's "Kindness beyond Expression": Collective Identity vs. Individualism and White Supremacy // Early American Literature. 1991. Vol. 26, No. 3. P. 251-275; White, A. A "Consuming" Oppression: Sugar, Cannibalism and John Woolman's 1770 Slave Dream // Quaker History. 2007. Vol. 96, No. 2. 1-27 pp.; Soderlund, J.R. African Americans and Native Americans in John Woolman's World // The Tendering Presence... P. 148-166; Davis, V. John Woolman and Structural Violence: Model for Analysis and Social Change // The Tendering Presence... P. 243-260; Dean, S. The Figure of John Woolman in American Multicultural Studies // The Tendering Presence... P. 261-280.

²⁵⁴ Rosenblatt, P. John Woolman...; Heller, M.A. Soft Persuasion: A Rhetorical Analysis of John Woolman's Essays and "Journal". – A diss. subm. to Arizona State University, 1989. 274 p.; Higgins, E. John Woolman's Journal: Narrative as Quaker Values Transmission // Quaker Religious Thought. 1993. Vol. 81. P. 25-37; Gordis, L.M. Spirit and Substance: John Woolman and "The Language of the Holy One" // The Tendering Presence... P. 67-87.

²⁵⁵ Апенко Е.М. Американские квакеры и литература...; Miller, J.D. "Nature Hath a Voice": John Woolman's Wilderness "Habitus" // Religion and Literature. 2013. Vol. 45, No. 2. P. 27-54; Kershner, J.R. 'A More Lively Feeling'...; Stewart, M.E. Thinking about Death: The Companionship of John Woolman's Journal // The Tendering Presence... P. 105-132; O'Reilly, M.R. John Woolman: The Unconstructed Self // The Tendering Presence... P. 133-147.

9) «Дневник» и специфика американской исповедальной прозы / «Дневник» в истории жанра духовной автобиографии: Дэниэл Ши, Альберт Миллар-мл., Стивен Кейгл, Реджина Сэкмари, Г. Томас Каузер, Рут Бэйнс, Джеймс Холт²⁵⁶.

10) Вулмен в контексте американской и мировой философии: Уильям Хеджес, Дж. Уильям Фрост, Уильям Джоллифф²⁵⁷.

11) Вулмен в контексте квакерской культуры и литературы: – Говард Бринтон, Эдвард Хиггинс, Энн Майлз²⁵⁸.

12) Вулмен в сопоставлении с другими религиозными деятелями: – Филип Бороз, Ральф Пиккетт, Стерлинг Олмстед²⁵⁹.

13) Вулмен и педагогика: Энн Долк, Пол Лэйси²⁶⁰.

Безусловно, вышеприведённый список далеко не исчерпывает всего многоголосия современного «вулменоведения»; он служит лишь ориентиром, помогающим представить диапазон разрабатываемой проблематики и главные акценты в исследованиях перечисленных авторов. При этом, ряд публикаций

²⁵⁶ Shea, D. *Spiritual Autobiography in Early America...*; Millar, A.E., Jr. *Spiritual Autobiography in Selected Writings...*; Kagle, S.E. *American Diary Literature...*; Sackmary, R. *Horizons of the Self: Autobiography and First-Person Narrative in Early American Literature*. – A diss. subm. to The City Univ. of New York, 1978. 259 p.; Couser, G. Th. *American Autobiography: The Prophetic Mode...*; Baner, R. A. *The Exemplary Self: Autobiography in Eighteenth-Century America...*; Holte, J.C. *The Conversion Experience in America: A Sourcebook on Religious Conversion Autobiography*. – Greenwood Press, 1992. 230 p.

²⁵⁷ Hedges, W.L. *John Woolman and the Quaker Utopian Vision // Utopias: The American Experience / Ed. by G.B. Moment and O.F. Kraushaar*. – Meruchen, N.J. & L.: The Scarecrow Press, Inc., 1980. P. 87-102; Frost, J.W. *John Woolman and the Enlightenment // The Tendering Presence...* P. 167-179; Jolliff, W. *The Economy of the Inward Life: John Woolman and Henry Thoreau // The Concord Saunterer*. 2007. Vol. 15. P. 91-111.

²⁵⁸ Brinton, H. *Quaker Journals: Varieties of Religious Experience Among Friends*. – Philadelphia: Pendle Hill Publications, 1972. 130 p.; Higgins, E.F. *Narrative and Values in the Quaker Journals of Thomas Chalkley, Elizabeth Ashbridge and John Woolman*. – A diss. subm. to The Union Institute, Cincinnati, 1992. 263 p.; Myles, A.G. “Stranger Friend”: John Woolman and Quaker Dissent // *The Tendering Presence...* P. 45-66.

²⁵⁹ Boroughs, Ph. L., S.J. *Social Spirituality in John Woolman and Gustavo Gutierrez // Quaker Religious Thought*. 1986. Vol. 63. P. 37-59; Pickett, R.H. *A Religious Encounter: John Woolman and David Zeisberger // Quaker History*. 1990. Vol. 79, No. 2. P. 77-92; Olmsted, S. *Woolman and Gandhi and Human Betterment or the Yoga of Peacemaking // The Tendering Presence...* P. 325-334.

²⁶⁰ Dalke, A. “Fully Attending to the Spirit”: John Woolman and the Practice of Quaker Pedagogy // *The Tendering Presence...* P. 281-294; Lacey, P.A. *Answerable to the Design of Our Creation: Teaching “A Plea for the Poor” // The Tendering Presence...* P. 295-310.

трудно отнести к какой-либо одной группе (это особенно касается книг Эдвина Кейди, Дэвида Сокса, Томаса Слотера). Не включёнными в этот список остались также многочисленные тексты о Вулмене, тяготеющие, скорее, к публицистическому и эссеистическому ракурсам, и потому представляющие интерес для рассмотрения с точки зрения литературной рецепции «Дневника».

Как уже говорилось выше, сама по себе история академической рецепции Вулмена могла бы стать темой отдельной работы в рамках истории и философии гуманитарных наук. Подтверждением тому может послужить диссертация одного из ведущих специалистов по квакерству и творчеству Вулмена, Джона Кёршнера²⁶¹. Сосредоточившись на анализе вулменовской «апокалиптической теологии», Кёршнер, по мнению его коллеги Майкла Биркеля, создал выдающееся, и при этом чрезвычайно провокационное исследование, ставящее под вопрос устоявшееся восприятие религиозного наследия знаменитого проповедника²⁶². Кёршнер возрождает прочтение «Дневника» с точки зрения евангелического квакерства – прочтение, предлагавшееся ещё в XIX в., но долгое время остававшееся в тени более многочисленных интерпретаций, предлагавшихся либеральной ветвью²⁶³ квакерства, и акцентировавших внимание на общегуманистическом начале в наследии Вулмена. По-новому открывая «евангелическое» прочтение наследия Вулмена, учёный в то же время применяет в своей работе и современные постмодернистские концепции²⁶⁴.

Пример Кёршнера – лишь одна из иллюстраций разнообразия академических и теологических подходов к изучению «Дневника» и других произведений Вулмена. Однако здесь следует подчеркнуть, что в центре нашего внимания – не история научной или же религиозной (в том числе

---

²⁶¹ Kershner, J.R. “The Government of Christ”: John Woolman’s (1720–1772) Apocalyptic Theology...

²⁶² Birkel, M.L. Not Your Grandmother’s Apocalypse: The De-Liberalization of John Woolman // Quaker Religious Thought. 2019. Vol. 132. P. 28.

²⁶³ Евангелическое квакерство и либеральное квакерство – обобщающие термины, каждый из которых включает в себя целый ряд внутриконфессиональных ответвлений.

²⁶⁴ Birkel, M.L. Not Your Grandmother’s Apocalypse... P. 30.

внутриконфессиональной) интерпретации текстов проповедника, а вехи, прежде всего, светской *литературной* рецепции «Дневника», а также творческой интерпретации представленного на его страницах автобиографического образа.

2.2. Рецепция «Дневника»: основные этапы и направления

Если академическое внимание к Вулмену стало интенсивно возрастать, начиная с 1950-х гг., то читательский и публицистический интерес к нему зародился, как уже говорилось выше, значительно раньше и проявился в публикации многочисленных отзывов, очерков, пересказов. Адресатами этих текстов были самые разные читатели: единоверцы проповедника и адепты иных религиозных течений; соотечественники Вулмена и граждане других стран; взрослая и детская аудитории. Представляется, что историю восприятия творчества Вулмена и его фигуры как таковой можно условно разделить на три этапа:

Таблица 1. Этапы рецепции творчества Вулмена.

<p>1774 г. – середина XIX века</p>	<p>В течение нескольких десятилетий, последовавших за первым изданием, «Дневник» приобретает известность в антирабовладельческих кругах США, Британии и Франции²⁶⁵. Кроме того, о «Дневнике» восхищенно отзываются такие мэтры литературного мира, как Сэмюэль Тейлор Кольридж, поэт и эссеист Чарльз Лэм, мемуарист Генри Крабб Робинсон. Большинство отзывов этого периода, однако, лаконичны по объему, и в совокупности могут рассматриваться как «предыстория» интерпретации наследия Вулмена критиками и публицистами.</p>
	<p>Усиление интереса к Вулмену со стороны публицистов; «агиографическая» эпоха в истории восприятия личности проповедника. Начало расцвета этой эпохи связано с происходившим в США развитием аболиционистского движения и публикациями поэта Джона Гринлифа Уитгьера²⁶⁶. Фигура Вулмена, как одного из первых известных противников рабства, в этот тяжёлый период истории США привлекает</p>

²⁶⁵ Perkins, J. The European Reception of John Woolman's *Journal*...

²⁶⁶ Plank, G. John Woolman's Path to the Peaceable Kingdom... P. 2.

Продолжение Таблицы 1. Этапы рецепции творчества Вулмена.

<p>Середина XIX века – 1950-е гг.</p>	<p>к себе большое внимание; проповедник становится, в интерпретации антирабовладельческой публицистики, своего рода святым, моральным авторитетом и предтечей аболиционизма. Его образ приобретает черты легендарности. Основным источником при этом является сам «Дневник». Интерес к фигуре Вулмена сохраняется и после отмены рабства: в последующие периоды в его образе находят пример человека, который, основываясь на глубоко религиозном мироощущении, опередил свое время в вопросах антирасизма, пацифизма, экономической этики. Не только единоверцев Вулмена, но и представителей иных конфессий его личность привлекает как олицетворение «практического» христианства, а история его жизни как опыт реального воплощения религиозных идеалов.</p>
<p>1950-е гг. – наши дни</p>	<p>На фоне развития американистики, а также благодаря накоплению фактического материала, неуклонно возрастает сугубо академический интерес к наследию Вулмена. Появляется всё больше научных работ о нем. Предпринимаются прошедшие текстологическую подготовку, издания «Дневника». На месте агиографизированного образа чётче проступает портрет Вулмена как исторической личности, человека своей эпохи, биография которого, безусловно, не исчерпывается сюжетом «Дневника». В настоящее время творчество Вулмена – это весьма активно разрабатываемая в рамках <i>American Studies</i> тематика, находящаяся на стыке различных дисциплин. В то же время, следует отметить, что некоторые элементы «канонизации» личности проповедника сохраняются как в публицистике, так и в академической литературе данного периода, вплоть до наших дней.</p>

Предложенная периодизация, безусловно, далеко не совершенна в силу своего схематизма, а потому не претендует на исчерпывающий охват и систематизацию имеющегося материала. Необходимым дополнением к ней может послужить следующая классификация текстов. Сюда включен основной массив публицистических текстов о Вулмене, а также художественных произведений, так или иначе связанных с «Дневником» и представляющих интерес с точки зрения его рецепции.

Таблица 2. Направления рецепции творчества Вулмена

1. Публицистические и дидактические произведения о Вулмене	Историософские, эссеистические тексты о Вулмене (в том числе написанные с 1850-х до 1940-х гг. и содержащие элементы агиографического дискурса). К этой же группе следует отнести философские и критические эссе второй половины XX – начала XXI вв., а также дидактические произведения второй половины XIX в. (R.P.A. “Sister Ruth’s Stories for the Young, or, Evenings with John Woolman” (1865), Thomas Green. “John Woolman: A Study for Young Men” (1885)).
2. Поэтические тексты	Стихотворения квакерских поэтов XIX в. Джона Гринлифа Уиттьера (“To Caroline Neagus with a Copy of Woolman’s Journal”), Элизабет Маргарет Чендлер (“John Woolman”), а также современного поэта Блейка Джерома Эверитта (“For John Woolman”). Анонимные стихотворения: 1) написанное британским почитателем в год кончины Вулмена; 2) помещённое в книге «Истории сестры Руфи, рассказанные ею детям, или Вечера с Джоном Вулменом» (1865).
3. Документально-художественные биографии Вулмена	Существуют, как минимум, две посвящённые Вулмену документально-художественные биографии. В 1943 г. британо-американская писательница Джэнет Уитни опубликовала романизированную биографию «Джон Вулмен, американский квакер» (<i>John Woolman; American Quaker</i>). В 1954 г. в США был опубликован биографический роман Кэтрин Оуэнс Пир «Джон Вулмен – дитя света» (<i>John Woolman: Child of Light</i>).
4. Рассказ о Вулмене «по мотивам» биографии	Пограничное положение – между документально-художественными биографиями Вулмена и вдохновлённой «Дневником» художественной литературой – занимает рассказ американского писателя Чака Фэйгера «Джон Вулмен и девочка-рабыня» (<i>John Woolman and the Slave Girl</i> , 1977), который представляет собой фикциональное повествование, вымышленный эпизод из жизни Вулмена, опирающийся, тем не менее, на реальную биографию проповедника.
5. Роман	В абсолютно фикциональную плоскость мотивы «Дневника» перенесены Теодором Драйзером в его «квакерском» романе «Оплот» (<i>The Bulwark</i> , опубл. в 1946 г.).
6. Читательские рецензии	Отзывы современных читателей «Дневника», опубликованные на сайтах GoodReads.com, Amazon.com, на сайте Renovare Book Club, в личных литературных блогах.

В данной главе поочерёдно рассматриваются все пункты предложенной классификации и делается попытка восполнения имеющихся лакун.

Следует добавить, что существует интереснейшая гипотеза М.Хоффхаймера о влиянии «Дневника» на один из эпизодов романа Виктора

Гюго «Отверженные» (1862)²⁶⁷. Эту гипотезу нам пока пришлось оставить за скобками данной работы, в силу недостатка точных сведений; тем не менее, она, безусловно, вызывает огромный интерес и требует дальнейшего изучения.

2.3. Формирование агиографизированного образа Джона Вулмена в публицистике

Рассматривая историю рецепции Вулмена, нельзя пройти мимо примечательного факта: всего через несколько дней после кончины Вулмена, в октябре 1772 года, в Британии появился на свет будущий автор одного из первых отзывов о «Дневнике», который станет, пожалуй, и наиболее часто цитируемым. Отзыв этот таков: *«Я всерьёз сомневаюсь, можно ли на что-нибудь надеяться в отношении натуры человека, чьё сердце не стало добрее*

---

²⁶⁷ Hoffheimer, M.H. Jean Valjean's Nightmare: Rehabilitation and Redemption in *Les Misérables* // *McGeorge Law Review*, 2011, No. 46. P. 168-198. Гипотеза о влиянии «Дневника» на один из эпизодов шедевра Гюго, насколько можно судить, пока не подтверждена. Выдвинувший её Майкл Хоффхаймер – учёный из Университета Миссисипи, специалист по философии права. В статье «Ночной кошмар Жана Вальжана: реабилитация и искупление в «Отверженных»» он анализирует философско-правовой аспект истории Вальжана и обращает внимание на описание сна героя, увиденного им в тревожную ночь перед решением добровольно признать своё настоящее имя в суде (тем самым подвергнув себя риску ареста). Целый ряд мотивов этого сна, по наблюдению Хоффхаймера, сближает его с описанием видения Джона Вулмена в XII главе «Дневника». Это касается и *образного строя*, и ключевого *мотива «умирания»*, и дальнейшей *рефлексии* героя над увиденным сюжетом. Сходство, замеченное учёным, действительно, кажется весьма ярким. В пользу возможного знакомства Гюго с текстом Вулмена говорит тот факт, что французский романтик был близок к кругу европейских аболиционистов, для которых Вулмен был несомненным классиком. Кроме того, примечательно, что во Франции той эпохи вышло целых пять вариантов перевода «Дневника». В контексте гипотезы Хоффхаймера интересным кажется и «квакерский» мотив в образе Жана Вальжана – в I главе Шестой книги «Отверженных» упоминается его «квакерская сорочка» (Гюго В. Отверженные. – М.: «Иностранка», 2018. С. 617). И всё же вывод, что «Дневник» Вулмена действительно был знаком Гюго и мог стать для писателя одним из источников вдохновения, пока, конечно, был бы преждевременен. Те французские переводы «Дневника», которые были проверены в рамках исследования Хоффхаймера, являются сокращёнными, и эпизод видения Вулмена в них отсутствует. Однако он вполне мог быть включён в другие переводы или же воспроизведён в каком-либо ином тексте, циркулировавшем в среде аболиционистов.

от знакомства с историей жизни Джона Вулмена»²⁶⁸. Эти слова принадлежат Сэмюэлю Тейлору Кольриджу, и относятся к 1797 г. Однако до середины XIX столетия фраза великого романтика оставалась в числе единичных письменных откликов на «Дневник». Настоящий расцвет «вулменианы» начался позднее и был связан с процессом агиографизации фигуры американского квакера.

Следует отметить, что сам факт этой агиографизации уже фиксировался исследователями; в частности, о нём пишет в своей монографии 2012 г. Дж.Плэнк²⁶⁹. Ещё раньше Э. Кейди использовал другой термин, но подразумевал практически то же самое, говоря, что имидж Вулмена «с самого начала [...] был подвержен сентиментализации»²⁷⁰. Новизна данной работы состоит в том, что к исследованию привлекаются прежде не становившиеся предметом специального рассмотрения публицистические тексты о Вулмене 1850-х—1940-х гг. и предпринимается попытка выделить и систематизировать использованные в них агиографические²⁷¹ мотивы.

Агиографизация образа Вулмена была обусловлена конкретными историческими причинами: это, прежде всего, обострившееся в США к середине XIX в. противостояние между сторонниками и противниками рабовладельческой системы, последовавшая за этим Гражданская война 1861–1865 гг. и сохранившиеся в дальнейшем идеологические конфликты в американском социуме. Разобщение омрачало в ту эпоху и жизнь «Общества Друзей»: вследствие долго назревавших разногласий по богословским вопросам, в 1827 г. американские квакеры разделились на две группы:

²⁶⁸ Collected Letters of S. T. Coleridge / Ed. by E. L. Griggs. Vol. I. – L., 1956. P. 302. Qtd. in: Moulton, Ph. P. Introduction // Woolman, J. The Journal and Major Essays... P. 3. В оригинале: “I should almost despair of that man who could peruse the life of John Woolman without *an amelioration of heart*.” (Курсив наш. – Д.А.).

²⁶⁹ Plank, G. John Woolman’s Path to the Peaceable Kingdom... P. 2.

²⁷⁰ Cady, E.H. John Woolman: The Mind of the Quaker Saint... P. 165.

²⁷¹ Говоря об агиографизации образа Вулмена, безусловно, следует иметь в виду условность использования термина «агиография» применительно к представителю одной из протестантских конфессий, в которой отсутствует культ святых. В данном случае используется расширительное толкование термина, подразумевающее разного рода тексты, сосредоточенные на образе и судьбе праведника, носителя исключительных качеств, личности «образцовой» с точки зрения того или иного вероучения или идеологии.

«хикситов», т.е. последователей проповедника Элиаса Хикса (1748–1830), и отвергавших идеи Хикса «ортодоксов» (историк Г. Бринтон называет это разделение конфликтом между, соответственно, мистицизмом и евангелизмом)²⁷². При этом, однако, Вулмен был одинаково почитаем конфликтующими группами как духовный авторитет, и этот факт дальновидно обратил на пользу делу аболиционизма Джон Гринлиф Уиттьер (1807–1892). Знаменитый квакерский поэт стремился объединить единоверцев в кампании за отмену рабства; образ Вулмена как «неканонизированного святого» мог сыграть важную роль в этом объединении.

Здесь следует сделать небольшое отступление и ответить на вопрос: были ли, помимо Вулмена, другие претенденты на роль объединяющего символа квакерского аболиционизма? Ответ, безусловно, положителен: среди современников Вулмена были такие неординарные борцы с рабовладением, как, например, Бенджамин Лей и Энтони Бенезет. Бенджамин Лей (1682–1759) известен тем, что его выступления против рабства принимали подчас самые драматические, театрализованные формы. Так, однажды, зимой порой, во время очередного квакерского собрания, он не стал заходить в молитвенный дом, а остался снаружи, без верхней одежды и обуви, в знак солидарности с невольниками; в другой раз он на несколько часов похитил детей квакеро-рабовладельцев, тем самым демонстрируя бесчеловечность разлучения невольничьих семей²⁷³. Между тем, друг Вулмена Энтони Бенезет (Антуан Бенэй, 1713–1784) – потомок французских гугенотов, принявший квакерство – основал одно из первых антирабовладельческих обществ, которое затем преобразовалось в Пенсильванское аболиционистское общество, а также организовал школу для чернокожих детей²⁷⁴.

²⁷² Brinton, H.H. Friends for 300 years: The history and beliefs of the Society of Friends since George Fox started the Quaker Movement. – Wallingford: Pendle Hill Publications, 2002. P. 187-191.

²⁷³ Soderlund, J.R. Quakers and Slavery: A Divided Spirit. – Princeton: Princeton University Press, 1985. P. 16.

²⁷⁴ Vaux, R. Memoirs of the Life of Anthony Benezet. – Philadelphia: James P. Parke, 1817. 136 p.

Тем не менее, несмотря на заметную роль, которую сыграли эти и ряд других людей в развитии квакерского аболиционизма, ни один из них не подходил на роль «символа». Проповедь Лея производила впечатление на единоверцев, однако претила им своей радикальностью и насильственностью. В свою очередь, Энтони Бенезет, при всех его практических достижениях – которые были, возможно, наиболее выдающимися – уступал Вулмену в том отношении, что не оставил автобиографического наследия²⁷⁵. Вулмен оказался наиболее убедительным кандидатом на роль символа квакерского аболиционизма во многом именно потому, что потомки могли слышать его «голос», голос автора «Дневника»²⁷⁶. В итоге именно Джон Вулмен, по словам знатока ранней квакерской литературы Луэллы Райт, «стал олицетворением квакерского противостояния рабовладению в XVIII веке, так же, как Уиттьер стал его олицетворением в веке XIX»²⁷⁷.

Между тем, сочинения самого Уиттьера – несколько его эссе и предисловие к переизданному им в 1871 г. «Дневнику» Вулмена – по мысли Плэнка, положили начало традиции изображения Вулмена как святого и провозвестника отмены рабства²⁷⁸. На это наблюдение Плэнка опирается разграничение первого и второго периодов в предложенной выше (см. п. 2.2) хронологии. В то же время, следует иметь в виду, что отдельные элементы агиографизации образа Вулмена, как будет показано далее, проявлялись и до Уиттьера – в частности, в отзывах Ч.Лэма и Г.К. Робинсона, а также в посвящённых проповеднику стихотворениях (п. 2.8). Важно подчеркнуть, что житийные каноны играют значительную роль уже в самом «Дневнике». Культивируя в своей жизни и поведении основополагающие для вероучения

---

²⁷⁵ Plank, G. *The First Person in Antislavery Literature: John Woolman, his Clothes and his Journal...* P. 82.

²⁷⁶ Ibidem.

²⁷⁷ Wright, L.M. *The Literary Life of the Early Friends: 1650–1725.* – N.Y.: Columbia University Press, 1932. P. 123.

²⁷⁸ Plank, G. *John Woolman's Path to the Peaceable Kingdom...* P. 2.

квакеров идеалы, герой «Дневника», подобно героям житийной литературы, служит дидактическим примером, моделью для подражания.

Возможно, отчасти именно в силу слабой «прорисованности» образ («автопортрет в пастельных тонах»²⁷⁹), созданный Вулменом в «Дневнике», стал пластичным материалом для агиографических трансформаций, добавления «ярких красок». Показательны слова британского критика и мемуариста Генри Крабба Робинсона (1775–1867): *«Будь автор “Дневника” менее скромн, он бы написал даже лучше; однако боязь поддасться тщеславию побудила его умолчать о событиях, в которых он сыграл огромную роль»*²⁸⁰.

Именно такой ход мысли читателей и критиков, вероятно, во многом и способствовал агиографизации образа Вулмена. В круг выбранных для данного параграфа текстов вошли эссе, публицистические статьи, предисловия к изданиям Вулмена, а также посвящённые ему биографические очерки и дидактические сочинения для юношества. Несмотря на то, что многие из рассмотренных текстов являются, по сути, комментированными пересказами «Дневника», опора на этот первоисточник, как будет показано далее, в ряде случаев сочетается с утверждениями, противоречащими ему.

Предваря выявление агиографических мотивов в перечисленных текстах, следует отметить, что знатоки жанра указывают на бытование в житиях чрезвычайно развитой системы стандартных мотивов: агиография, как отмечает Т.Р. Руди, является «одним из самых формализованных литературных жанров»²⁸¹, ярким воплощением законов нормативной поэтики. Примерами распространённых в житиях мотивов могут послужить мотивы рождения святого от благочестивых родителей, восхваления его родины, посвящения

²⁷⁹ Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person... P. 278.

²⁸⁰ Robinson, H.C. Diary, Reminiscences and Correspondence. Vol. II / Ed. by T. Sadler. – N.Y., 1877. P. 2; qtd. in: Perkins, J. The European Reception of John Woolman's Journal // Quaker History, Vol. 69, No. 2, 1980. P. 100.

²⁸¹ Руди Т.Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемка / Под ред. С.А. Семячко и Т.Р. Руди. – СПб., 2005. С. 59.

святого родителями Богу, детской любви святого к чтению и равнодушия к играм, обладания даром пророчества и творения чудес, и многие другие²⁸².

В ряде посвящённых Вулмену публицистических текстов элементы агиографизации наблюдаются уже на паратекстовом уровне. Они заметны, во-первых, в *(полу)анонимности* нескольких очерков²⁸³. Соккрытие/сокращение авторами своего имени в определённой мере следует средневековой традиции анонимных житий, а также может рассматриваться как реализация характерного для агиографии мотива самоуничижения автора²⁸⁴. (Этот мотив заметен также у Дж. Г. Уиттьера, отмечающего, что он чувствует свое несоответствие, «обрисовывая фигуру такой нравственной и духовной красоты...»²⁸⁵.) Во-вторых, обращают на себя внимание такие заголовки, как «Святой Джон Вулмен»²⁸⁶. Святым Джон Вулмен прямо называется также и в самих текстах, хотя в них часто используется не *saint* («святой»), а *saintly* (что может переводиться, скорее, как «праведный», «похожий на святого»).

Многие авторы сетуют на то, что имя Вулмена пользуется меньшей известностью, чем он того заслуживает. «Лишь изредка, – пишет баптистский проповедник Дж. Ф. Ньютон, – такие люди появляются на нашей земле, и безусловно, не было в Новом Свете души чище и прекраснее»²⁸⁷. Английский эссеист и поэт Ч. Лэм (1775–1834), в свою очередь, пишет, что фигура Джона Вулмена – «одна из самых удивительных», которые когда-либо ему

²⁸² Краснова Н.А., Краснов А.Г. Мотивы жития и агиологических жанровых вариантов // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 14, № 2 (3), 2012. С. 740-747.

²⁸³ Примеры: L. “John Woolman” // Friends Review: A Religious, Literary and Miscellaneous Journal. 1852, Vol. 5, Iss. 31. P. 485; “Saint John Woolman” // The Eclectic Review. 1861, Vol. 5. P. 559-578; R.P.A. Sister Ruth’s Stories for the Young: or, Evenings with John Woolman. – Philadelphia: J.B. Lippincott & Co, 1865. 124 p.

²⁸⁴ Краснова Н.А., Краснов А.Г. Мотивы жития... С. 742.

²⁸⁵ Whittier, J.G. Introduction // The Journal of John Woolman. – Boston: James R. Osgood & Co., 1871. P. 48-49.

²⁸⁶ Примеры: “Saint John Woolman” // The Eclectic Review. 1861, Vol. 5. P. 559-578; Dalglis D. An American Saint // Dalglis D. People Called Quakers. – N.Y.: Books for Libraries Press, 1938. P. 57-83. Более поздним примером является вышедшая в 1966 г. книга Э. Кэйди John Woolman: The Mind of the Quaker Saint (N.Y.: Washington Square Press, Inc. 182 p.).

²⁸⁷ Newton, J.F. Wesley and Woolman: An Appraisal and Comparison. – N.Y., Cincinnati: The Abingdon Press, 1915. P. 44.

встречались, а «Дневник» – единственная американская книга, которую он прочитал дважды²⁸⁸. Определяя масштаб личности проповедника, практически все авторы сравнивают его с теми или иными знаменитыми людьми. Среди них встречаются, с одной стороны, представители культуры – такие, как автобиограф и религиозный мистик Жанна-Мария Гюйон (1648–1717), священнослужитель и писатель Франсуа де Фенелон (1651–1715)²⁸⁹; с другой стороны – политические деятели, например, британский парламентарий, известный своей кампанией за отмену работорговли, Уильям Уилберфорс (1759–1833).

Античными предшественниками Вулмена предстают «христианин до Христа» Сократ²⁹⁰ и «мудрый язычник» Марк Аврелий; средневековыми – Августин Блаженный, Св. Франциск Ассизский²⁹¹, Ян Гус, Екатерина Сиенская²⁹². Нередки также сопоставления с апостолами²⁹³ и рыцарями-крестоносцами²⁹⁴. Закономерно, что, в соответствии с одним из важнейших мотивов житийной литературы, мотивом *imitatio Christi*, проповедник часто сравнивается с Иисусом Христом: «Это был один из тех редких христиан, которые действительно похожи на Христа...»²⁹⁵. Безусловно, особенную роль в текстах о Вулмене (а также и в самом «Дневнике»), играет образ пророка Моисея, освободителя еврейского народа от рабства²⁹⁶.

Практически повсеместно внимание акцентируется на *пророческой* и *уникальной* роли Вулмена в истории. Уиттьер пишет: «...значение жизни

²⁸⁸ Lucas E.V. The Life of Charles Lamb. Vols. I-II. – N.Y.: University of Michigan Library, 1905. P. 371; qtd. in: Perkins, J. The European Reception of John Woolman's Journal... P. 99.

²⁸⁹ Примечательно, что и Мадам Гюйон, и Фенелон были приверженцами квиетизма – христианского мистического течения XVII–XVIII вв., нередко сравниваемого с квакерством.

²⁹⁰ Trevelyan, G.M. Clio, a Muse, and Other Essays Literary and Pedestrian. – N.Y.: Longman, Green & Co., 1913. P. 136-137.

²⁹¹ Whittier, J.G. Introduction... P. 34, 45, 4.

²⁹² Scudder, V.D. Introduction // The Journal with Other Writings of John Woolman. – L.: Dent & Sons, 1910. P. ix.

²⁹³ Whittier, J.G. Introduction... P. 43.

²⁹⁴ Lask, J.S. John Woolman: Crusader for Freedom // Phylon. 1944, Vol. 5, No 1. P. 30-40.

²⁹⁵ Teignmouth Shore, W. John Woolman: his Life and our Times... P. 1.

²⁹⁶ R. P. A. Sister Ruth's Stories for the Young: or, Evenings with John Woolman. – Philadelphia: J.B. Lippincott & Co, 1865. P. 89, 106.

[таких людей] едва ли понятно их современникам, а быть может, и им самим»²⁹⁷. Распространено восприятие Вулмена как первого аболициониста. Характерно рассуждение, произнесённое от лица одной из юных героинь-слушательниц дидактического повествования «Истории сестры Руфи, рассказанные ею детям, или Вечера с Джоном Вулменом»: «Поразительно [...] что среди всех хороших людей той эпохи не нашлось ни одного человека, который стал бы соратником Джона Вулмена; что все были настолько слепы к несправедливости рабства, никто не готов был трудиться ради освобождения угнетённых [...]. Можно лишь удивляться, что он не разочаровался во всём, трудясь в одиночку»²⁹⁸.

Автор одного из предисловий к «Дневнику» даже сравнивает масштаб роли Вулмена в истории с масштабом роли Наполеона²⁹⁹. В свою очередь, Уиттьер, рассуждая об историческом значении фигуры Вулмена, пишет, что оно «отнюдь не ограничивается религиозным сообществом, к которому он принадлежал», но «обнаруживается везде, где совершался шаг в сторону освобождения – будь то Америка или Европа»³⁰⁰.

Проследивая цепочку исторических событий, Уиттьер показывает влияние идей Вулмена на французское «Общество друзей чернокожих» (*Société des Amis des Noirs*), на развитие и распространение антирабовладельческих идей в разных странах. Обратившийся в квакерство француз, Стефан Греллэ (1772–1855), проповедовал идеи Вулмена и в России, встречаясь с императором Александром Первым, что, как пишет Уиттьер, сыграло свою роль в истории российской антикрепостнической мысли. В свою очередь, Дж. С. Лэск отмечает: «Усилия Вулмена, направленные на отмену работорговли, важны не только в силу их исторического первенства по времени, но и потому, что они

²⁹⁷ Whittier, J.G. Introduction... P. 1.

²⁹⁸ R. P. A. Sister Ruth's Stories for the Young... P. 88.

²⁹⁹ Smellie A. Introduction / The Journal of John Woolman. London, 1902. P. XIV; see Plank, G. John Woolman's Path to the Peaceable Kingdom... P. 3.

³⁰⁰ Whittier, J.G. Introduction... P. 31.

доказали способность одной-единственной личности внести огромный вклад в ход истории»³⁰¹.

Подобная трактовка роли Вулмена в развитии американского антирабовладельческого движения, безусловно, основана на значительной гиперболизации. Будучи ярким представителем раннего этапа данного движения, Вулмен, однако, вряд ли может считаться его лидером или, тем более, основателем; можно лишь предположить, что его самого весьма удивило бы звание «первого аболициониста», поскольку в действительности первые выступления против рабства происходили в американских колониях ещё столетием ранее, в XVII в.³⁰² В годы жизни Вулмена это направление в общественной мысли было уже весьма развито (причём не только среди квакеров³⁰³); как уже говорилось выше, в ближайшем окружении проповедника было немало его единомышленников³⁰⁴. Некоторое преувеличение роли Вулмена было, по мнению Плэнка, сознательным шагом Уиттьера, который считал его важным для консолидации антирабовладельческой мысли в среде квакеров.

Рассмотрим также другие мотивы в «агиографизированном» образе Вулмена.

Такой традиционный для жития мотив, как **«рождение в благочестивой семье»**, присутствует в самом «Дневнике» и регулярно воспроизводится в рассмотренных текстах. О своих родителях автор «Дневника» пишет, что они с детства давали ему «благочестивые наставления»³⁰⁵. У Вулмена было двенадцать братьев и сестёр, но подробно он говорит лишь об одной сестре – Элизабет, жившей *«самоотверженной, примерной жизнью, отдавая много*

³⁰¹ Lask, J.S. John Woolman: Crusader for Freedom... P. 40.

³⁰² Plank, G. John Woolman's Path to the Peaceable Kingdom... P. 100.

³⁰³ Am I Not a Man and a Brother: The Antislavery Crusade of Revolutionary America. 1688–1788 / Ed. by R. Bruns. – N.Y.: Chelsea House Publishers, 1977. 551 p.; McElroy, F.L. Prophets of Universal Redemption: Evangelical Antislavery Literature...

³⁰⁴ Hedges, W.L. John Woolman and the Quaker Utopian Vision... P. 90; Plank, G. John Woolman's Path to the Peaceable Kingdom... P. 4.

³⁰⁵ Вулман Дж. Дневник... С. 30.

времени чтению и духовным размышлениям»³⁰⁶. Сходным образом, анонимный автор «Историй сестры Руфи» также особо останавливается на образе Элизабет как «удивительно спокойной, не по годам вдумчивой девушки», и заключает рассказ стихотворением английской поэтессы Анны-Летиции Барбо о праведнике³⁰⁷.

Следующий мотив, заметный в рассматриваемой публицистике – это своеобразные вариации **«восхваления родины святого»**. В качестве восхваляемой родины при этом выступает не целая страна или город, а родные места Вулмена – дом и ферма близ городка Маунт-Холли, где он вырос, и дом с садом неподалёку, где он жил уже взрослым. Дом проповедника предстаёт у многих авторов как миниатюра Рая, оазис умиротворения. Дж. Ф. Ньютон пишет: *«Там, [на ручье Рэнкокас в Западном Джерси], среди своих яблонь, которые он сажал и выращивал, он был счастливее всего [...]. Это была скромная обитель, но он был доволен. [...] Со своей маленькой фермы он смотрел вокруг со смешанными чувствами удивления и огорчения на тревоги и беспокойства этого мира...»*³⁰⁸.

Образ жилища, расположенного на возвышении и дающего широкий обзор, возникает и у другого автора: *«Скромный дом Вулмена был... защищён деревьями, которые он любил и за которыми ухаживал; располагался он на высочайшей точке округа – холме, который возвышается над уровнем моря примерно на шестьдесят метров, и с которого открывается широкий вид на роскошную долину вокруг...»*³⁰⁹. В свою очередь, Уиттьер пишет о прекрасных падубных рощах Маунт-Холли, в тени которых Вулмен, *«несомненно, часто гулял [...], общаясь с природой и размышляя о жизни...»*³¹⁰.

³⁰⁶ Там же. С. 51.

³⁰⁷ R. P. A. Sister Ruth's Stories for the Young... P. 47, 50.

³⁰⁸ Newton, J.F. Wesley and Woolman: An Appraisal and Comparison... P. 48-49.

³⁰⁹ Teignmouth Shore, W. John Woolman: his Life and our Times... P. 4.

³¹⁰ Whittier, J.G. Introduction... P. 10.

В книге краеведа Джорджа ДеКу под примечательным названием «Вулмен-лэнд»³¹¹ (она посвящена побережью реки Рэнкокас, рядом с которой находится Маунт-Холли) малая родина Вулмена описывается следующим образом: *«Кажется, что дух Джона Вулмена, одарённого и праведного квакера, который родился на берегу Рэнкокаса недалеко от этой деревни, витает над этим тихим и безмятежным сельским пейзажем. Это, помимо всего прочего, очень дружелюбная местность»*³¹².

Интересно, что аналогичный образ уютного, безмятежного пространства возникает и в «Историях сестры Руфи», но уже не по отношению к жилищу Вулмена, а в описании дома, где собираются дети, чтобы послушать о нём: *«И вот вечером они вновь пришли [...]. За окном потихоньку накрапывал дождь, и стук капель по крыше звучал неспешно и меланхолично. Но когда закрылись ставни и зажглись лампы, наша дружная стайка забыла о непогоде за стенами...»*³¹³.

С мотивом святости коррелирует и тот факт, что «Дневник» нередко характеризуется как книга, обладающая **целительными** в духовном отношении свойствами. Яркий тому пример можно найти в эссе поэтессы XIX в. Элизабет Маргарет Чендлер. Чендлер пишет, что многие книги – исторические, биографические, философские, поэтические – зачастую приносят человеку чувство морального опустошения, поскольку история предстаёт лишь бесконечной драмой людских ошибок; биографии разоблачают в лучших людях их слабости, а в мудрецах – их невежество; философия подводит читателя к пониманию его собственного невежества, а поэзия рано или поздно пресыщает своей «слепящей образностью». Вулмена же Чендлер уподобляет человеку,

---

³¹¹ DeCou, G. Woolman-Land: Historical Sketches of Rancocas and Neighborhood. – Mount Holly, 1937. 23 p.

³¹² Ibid. P. 5.

³¹³ R. P. A. Sister Ruth's Stories for the Young... P. 29.

который приходит поддержать измученного лихорадкой друга, и исцеляет его «ровным пульсом» своей тихой прозы³¹⁴.

Другой распространённый мотив в портретах Вулмена – его «бедность» и аскетический образ жизни. Стандартным, со времен Робинсона³¹⁵, являлось клише «**бедный портной**» (*a poor tailor*). Как пишет Ньютон, «будучи всего лишь скромным портным, подобно тому как Якоб Бёме был простым сапожником, Вулмен был, тем не менее, велик в своем благородстве, и если бы какая-нибудь невидимая рука стала писать историю его влияния, какая это была бы история!»³¹⁶. Сходным образом, Уиттьер отмечает, что «он был бедным человеком, но правда была для него ценнее денег»³¹⁷, а знаменитый британский историк Дж. М. Тревельян подчеркивает, что, и так «не имея больших средств»³¹⁸, Вулмен всё равно всячески дополнительно себя ограничивал, стремясь, во-первых, блюсти квакерский завет «простой жизни», и, во-вторых, не пользоваться плодами рабского труда.

Если стремление Вулмена к аскетизму вполне соответствует биографическим данным (как и тексту «Дневника»), то его бедность всё-таки преувеличена. Неточно и определение его исключительно как «портного», поскольку портняжное ремесло было далеко не единственным занятием Вулмена: как уже говорилось выше, ему довелось освоить целый ряд специальностей. Вулмен, безусловно, не принадлежал к наиболее богатому слою поселенцев, но и малоимущим его назвать трудно. Ближе к объективной картина, описанная в «Историях сестры Руфи» репликой одной из юных слушательниц: «Чем больше я узнаю о Джоне Вулмене [...], тем больше я изумляюсь, какой это был человек – возвышенный, полный достоинства и

³¹⁴ Chandler, E.M. John Woolman // Essays, Philanthropic and Moral, by Elizabeth Margaret Chandler, Principally Relating to the Abolition of Slavery in America. – Philadelphia: Lemuel Howell, 1836. P. 25-26.

³¹⁵ Robinson, H.C. Diary, Reminiscences and Correspondence... P. 2; qtd. in Perkins, J. The European Reception of John Woolman's Journal... P. 100.

³¹⁶ Newton, J.F. Wesley and Woolman: An Appraisal and Comparison... P. 43.

³¹⁷ Whittier, J.G. Introduction... P. 11.

³¹⁸ Trevelyan, G.M. Clio, a Muse, and Other Essays Literary and Pedestrian... P. 139.

простоты. С его предпринимательскими способностями он мог приобрести немалое богатство, с его умом ему была открыта дорога к славе и могуществу [...]. Однако он заглушил в себе голос амбиций, и слушал лишь голос своего Создателя...»³¹⁹.

Действительно, Вулмен – поселенец в третьем поколении, старший сын в семье, жившей в активно развивающейся экономической общине – имел немалые перспективы, хорошие деловые связи, и, кроме того, склонность к предпринимательству: иначе говоря, как пишет американская исследовательница М. Стюарт, «у него были все шансы стать богатым и влиятельным человеком»³²⁰. Сознательно ограничивая, в силу религиозных убеждений, свои торговые операции и другие источники дохода, Вулмен все же оставался сравнительно обеспеченным человеком, а потому клише «бедный портной» – это, безусловно, элемент агиографического мифа.

Типичным визуальным мотивом в образе Вулмена является его «**домотканая одежда**» (*homespun clothes*) (данный мотив является отсылкой к самому «Дневнику», а именно, к рассуждению Вулмена о преимуществе некрашеной одежды). Рассказывая об одном из квакерских собраний, Уиттьер пишет: «Конечно, присутствовал и Джон Вулмен – человек, судя по его наряду, скромный и бедный; его простая домотканая одежда из некрашеного материала составляла заметный контраст одежаниям представителей торговых и рабовладельческих кругов региона – на вид столь же простым, но в действительности весьма дорогостоящим»³²¹. Аналогичный образ использован Дж. С. Лэском: «Стоит ли удивляться, что путь человечества к освобождению был значительно ускорен стараниями одного квакера [...], и Правда засияла перед людьми не как рыцарь в блестящих доспехах, но как Джон Вулмен в сельской домотканой одежде»³²².

³¹⁹ R. P. A. Sister Ruth's Stories for the Young... P. 42-43.

³²⁰ Stewart M.E. John Woolman's "Kindness beyond Expression": Collective Identity vs. Individualism and White Supremacy // Early American Literature, Vol. 26, No. 3, 1991. P. 253.

³²¹ Whittier, J.G. Introduction... P. 17.

³²² Lask, J.S. John Woolman: Crusader for Freedom... P. 40.

Акцентируя внимание на безыскусной, деревенской, «домотканой» одежде проповедника, многие авторы развивают при этом и другой мотив. «Домашней», «самодельной» представлена не только ткань одежды Вулмена, но и, образно говоря, «ткань» самого текста «Дневника». Почти у всех публицистов Вулмен показан самородком – человеком, чей талант как автора проистекает исключительно «изнутри», от его природных свойств, или же от чувствуемого им божественного вдохновения, но ни в коей мере не от образования, чтения или других подобных «внешних» факторов. Робинсон употребляет применительно к Вулмену предложенное Руссо, а в дальнейшем использовавшееся Шиллером, понятие «прекрасная душа» («человек, у которого моральный долг и склонность совпадают»³²³). «Дневник», по замечанию Робинсона – это *«настоящая жемчужина! Сотворенная schöne Seele (прекрасной душой). Неграмотный портной создал прозу дивной чистоты и поэтичности. Его нравственные качества передались его книге. [...] Его религией была любовь. Вся его жизнь, весь огонь его души были устремлены к Любви! Если найдётся человек, которому покажется, что источником дивного образа мыслей Вулмена была не его натура, а его религия, человек этот не раздумывая примет такую религию. Вулменовское понимание христианства привлекает и по-настоящему очаровывает читателя»*³²⁴.

В свою очередь, Уиттьер пишет: *«Величайшая нравственная, социальная и политическая революция, ниспровергающая веками процветавшее зло, несомненно, своим первоначальным импульсом во многом обязана жизни и стараниям одного бедного, неучёного труженика из Нью-Джерси...»*³²⁵. Тревельян характеризует Вулмена как «бедного служащего», «квакерского

³²³ Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л.Ф. Ильичева, П.Н. Федосеева, С.М. Ковалева, В.Г. Панова. – М.: «Советская энциклопедия», 1983. С. 825.

³²⁴ Robinson, H.C. Diary, Reminiscences and Correspondence... P. 2; qtd. in Perkins, J. The European Reception of John Woolman's Journal... P. 100.

³²⁵ Whittier, J.G. Introduction... P. 2.

Сократа», который, превзойдя *«своего афинского прототипа в любви, терпении [...], в той же степени уступал ему по интеллекту»*³²⁶.

Неграмотность святого, однажды единомоментно сменяющаяся знанием грамоты – распространённый мотив христианских агиографических текстов ещё со времен раннего Средневековья³²⁷. Интересна реализация этого мотива в случае Вулмена: «неграмотный» человек не просто вдруг постигает письменность (о данном этапе ничего не говорится), но, чудесным образом, создаёт выдающуюся книгу. Этот мотив, нередкий в рассматриваемом корпусе текстов – возможно, самый удивительный по отношению к Вулмену, ведь представление о «неграмотном авторе» не только само по себе оксюморонно, но и противоречит тексту «Дневника», где Вулмен не раз говорит как о своём чтении, так и о написанных им эссе, составленных документах и пр.

На другом полюсе находится иногда встречающееся в текстах о Вулмене представление о нём, как о книжнике. В этом представлении, так же, как и в образе «неграмотного автора», сказывается романтическая гиперболизация. *«Он был», – пишет Эдвин Кейди, – «вполне грамотным, чтобы сделать “Дневник” произведением искусства без вмешательства сил более чудесных, нежели силы его сердца, ума и воображения»*³²⁸. С этим соглашается Э. Ливсэй, указывая на преувеличенность обоих мотивов – «неграмотности» и «ненасытной учёности»³²⁹. В свою очередь, современный исследователь Дж. Прауд также подчёркивает, что проповедник не был ни неграмотным, ни малообеспеченным человеком³³⁰.

Между тем, совсем иначе реализуется агиографизация темы образования в «Историях сестры Руфи». Отвечая на вопросы детей, рассказчица говорит, что

³²⁶ Trevelyan, G.M. *Clio, a Muse, and Other Essays Literary and Pedestrian...* P.142, 136-137.

³²⁷ Лопарев Х.М. Византийские жития святых VIII–IX веков // Византийский временник. 1910, т. 17. С. 25.

³²⁸ Cady, E.H. *John Woolman: The Mind of the Quaker Saint...* P. 55.

³²⁹ Livesay, E.K. *John Woolman: Persona and Person...* P. 224-225.

³³⁰ Proud, J. Preface // Proud, J. (Ed.). *John Woolman and the Affairs of Truth. The Journalists Essays, Epistles, and Ephemera...* P. VII-VIII. Знатор родословной и творчества Вулмена, Джеймс Прауд является также дальним потомком проповедника (Proud, J. *A Note on John Woolman's Paternal Ancestors...* P. 28).

Вулмен был очень «усидчивым, послушным и трудолюбивым мальчиком», который рано научился читать, хорошо знал Библию, и в итоге стал довольно образованным для своей эпохи человеком³³¹. Здесь можно заметить характерный для житий мотив «**детская любовь святого к чтению**». Вместе с тем, такая трактовка соответствует тексту «Дневника» и вполне подтверждается биографическими исследованиями³³².

Следующий образ, на который нельзя не обратить внимания, и который очень часто встречается в сочетании с мотивом «неграмотности» Вулмена – это образ его «детскости». Понимая детство как период естественной, природной святости человека, многие авторы описывают Вулмена как «ребёнка». Так, британская поэтесса и эссеист Дора Гринуэлл пишет: «*Трудно передать, насколько этот замечательный человек был спокойным, сильным...*» и при этом «*похожим на ребёнка*»³³³. Уиттьер в своём предисловии к «Дневнику» отмечает, что, возможно, многие читатели «*улыбнутся, читая некоторые пассажи, исполненные детской простоты*»³³⁴.

Вместе с тем, во многих из рассмотренных текстов о Вулмене (а отчасти и в самом «Дневнике»), упоминается такой характерный для житийной литературы мотив, как **равнодушие к детским играм**. В первом же абзаце «Дневника» Вулмен рассказывает, как однажды в детстве, отойдя от играющих сверстников, стал читать Библию, и вспоминает чувство просветления, испытанное им тогда. Мотив избегания Вулменом детских игр воспроизводится

---

³³¹ R. P. A. Sister Ruth's Stories for the Young... P. 12, 14, 23.

³³² Altman, W.F. John Woolman's Reading...

³³³ Greenwell, D. John Woolman. – L.: F.B. Kitto, 1871. P. 8.

³³⁴ Whittier, J.G. Introduction... P. 49. Примечательно наблюдение, которым поделился в своём эссе «*Душа и ум*» Фазиль Абдулович Искандер: «Удивительно, что во всей мировой литературе самые пронзительные, самые потрясающие образы людей с прекрасной душой обязательно связаны с тем, что они умственно неполноценны. [...] И только эти люди, безоружные и беспомощные, как дети [...] творят единственное, что они могут: любовь, добро. [...] А если это так, они-то и были самыми умными людьми – умом сердца» (Искандер Ф.А. Рассказы. Повесть. Сказка. Диалог. Эссе. Стихи. – Екатеринбург: У-Фактория, 1999. С. 634). Качества души, «детскость» оказываются зачастую противопоставленными «взрослому» уму, и именно это традиционное противопоставление сказывается в публицистическом образе Вулмена.

многими авторами. Интересным исключением являются, опять же, «Истории сестры Руфи», в которых юным слушателям сообщается, что Вулмен, конечно же, играл в детстве, но только в положенное время³³⁵.

Завершая обзор агиографических мотивов в образе Вулмена, обратимся к заметке в квакерском журнале «Френдз Ривью» (1852 г.), где опубликованы два своего рода исторических анекдота из жизни Вулмена, прославляющие его **абсолютную правдивость**. Согласно одному из анекдотов, слава о правдивости Вулмена была такова, что некие молодые люди решили даже нарочно подстроить ситуацию, в которой рассчитывали поймать его на неточности утверждения; однако им это не удалось. Избегая какого бы то ни было утрирования и скоропалительности суждений, проповедник, по утверждению анонимного автора заметки, всегда тщательно формулировал свои высказывания с тем, чтобы говорить только то, за что может всецело поручиться³³⁶.

Суммируя агиографические мотивы в рассмотренных публицистических текстах, образ Джона Вулмена как «американского святого» можно охарактеризовать следующим образом. Чаще всего Вулмен предстаёт человеком малоимущим; лишь в одном тексте делается акцент на его перспективах обрести богатство, от которых он, тем не менее, отказался. Из целого ряда профессий, которые Вулмен освоил в течение жизни, упоминается, чаще всего, только профессия портного. Вступая в прямое противоречие с самим фактом существования «Дневника», а также и с его текстом, многие публицисты характеризуют Вулмена как малообразованного или даже вовсе неграмотного человека. На другом полюсе – служащий дидактическим примером образ Вулмена как человека, с детства посвящавшего много времени чтению.

Обращает на себя внимание также комплекс мотивов, связанных с понятиями детства, дома, родины. Благочестива семья Вулмена; сам он на всю

³³⁵ R. P. A. Sister Ruth's Stories for the Young... P. 15.

³³⁶ L. "John Woolman"... P. 485.

жизнь сохраняет искренность и безгрешность ребёнка. Дом и сад Вулмена напоминают райскую обитель, умиротворённость которой служит контрастом мятежному миру вокруг. И сам проповедник, и его врождённая, происходящая не от образования мудрость, «домотканая одежда», его родные места предстают в их агиографизированной интерпретации олицетворением святых, праведных начал, заложенных в американской истории. Вопреки знаменитому библейскому изречению, Вулмен становится для американской антирабовладельческой публицистики 1850-х—1940-х гг. «пророком» именно «в своём отечестве», моральным авторитетом и своего рода национальным героем, провидевшим неизбежность отмены рабства.

Используя такие стилистические средства, как гипербола (преувеличение исторической роли героя; абсолютизация положительных свойств его характера), сравнение (с мудрецами и святыми прошлого, знаменитыми современниками), метонимия (соотнесение качеств одежды, жилища героя с его собственными качествами), авторы рассмотренных текстов сосредоточены, прежде всего, на моделировании фигуры Вулмена как святого. Важно и то, что, при сохранении основного сюжета, в комментированных переложениях «Дневника» и посвященных ему эссе Вулмен является уже не первым, а третьим лицом, и эта метаморфоза сама по себе заметно «сгущает» тот элемент житийности, который есть в первоисточнике. Если рассказ самого проповедника можно, действительно, назвать в определённом смысле «автобиографией без героя», то в рассмотренных публицистических текстах агиографизированный образ Вулмена играет, безусловно, главную роль.

В следующем параграфе мы более подробно рассмотрим одно из упомянутых выше произведений – «Истории сестры Руфи, рассказанные ею детям, или Вечера с Джоном Вулменом».

2.4. Осмысление «Дневника» в литературе «домашнего аболиционизма»: «Истории сестры Руфи, рассказанные ею детям, или Вечера с Джоном Вулменом» (1865 г.)

Конфронтация Юга и Севера США, нараставшая во второй трети XIX столетия и завершившаяся Гражданской войной 1861–1865 гг., оставила заметный след в истории американской литературы. Ответ на вопрос о сохранении или же упразднении рабовладельческой системы должен был определить будущее всей страны, и закономерно, что особую роль в произведениях аболиционистской (как и анти-аболиционистской) направленности играли образы детей – олицетворения национального будущего. В то же время, наряду с ребёнком-персонажем, немалую роль для авторов играл и ребёнок-*читатель*, реципиент текста. Примечательно, что, например, знаменитая «Хижина дяди Тома, или Жизнь среди униженных» (1852 г.) Гарриет Бичер-Стоу издавалась не только в оригинальном, но и в адаптированных для детей вариантах³³⁷.

Детская аболиционистская литература 1830-х–1860-х гг. представлена множеством имён и составляет особый, до сих пор не вполне оценённый по своему масштабу³³⁸, пласт американской словесности. Паула Коннолли, автор книги «Тема рабства в американской детской литературе: 1790–2010 гг.», отмечает, что и противники, и апологеты рабовладения считали литературу, особенно художественную и автобиографическую, «одним из самых действенных средств в арсенале своей политической борьбы»³³⁹, и придавали большое значение убеждению именно детской аудитории, при этом часто используя в своём противостоянии одинаковые жанры. Так, аболиционисты

---

³³⁷ De Rosa, D.C. Domestic Abolitionism and Juvenile Literature, 1830–1865. – N.Y.: State University of New York Press, 2003. P. 11.

³³⁸ De Rosa, D.C. Domestic Abolitionism and Juvenile Literature... P. 2-4.

³³⁹ Connolly, P.T. Slavery in American Children's Literature, 1790–2010. – Iowa City: University of Iowa Press, 2013. P. 1-2.

выпускали для детей журнал «Друг невольника» (*The Slave's Friend*³⁴⁰), южные же авторы издавали детский журнал «Бутон розы» (позднее «Южная роза») (*The Rose Bud, The Southern Rose*)³⁴¹. На Севере печатались т.н. антирабовладельческие азбуки (известные примеры – азбуки, изданные сестрами-квакереями Ханной и Мэри Таунсенд³⁴², а также унитариянским проповедником Томасом Эйблом³⁴³), в то время как апологетами рабовладения ставилась задача написать серию «южных» учебников, «свободных от всякого оттенка аболиционизма»³⁴⁴.

Детская аболиционистская литература представляет собой часть феномена так называемого «домашнего аболиционизма»³⁴⁵. Известно, что сторонники аболиционизма действовали не только в публичной сфере, но и в частной, повседневной жизни. Особенно это касалось женщин, поскольку «выражая озабоченность проблемой рабства, они рисковали встретить резкую критику и неприятие»³⁴⁶, потому что обсуждение политической тематики считалось «исключительно мужской прерогативой»³⁴⁷. Испытывая такое давление, неравнодушные к общественной повестке жительницы США нередко выражали свои взгляды с помощью традиционно «женских» жанров, в число которых входили «домашние» романы, сентиментальная и детская литература (написанная, как уже упоминалось выше, в форме азбук, а также рассказов, стихотворений, бесед и др.)³⁴⁸.

³⁴⁰ Geist, Ch. D. The "Slave's Friend": An Abolitionist Magazine for Children // *American Periodicals*, 9, 1999. P. 27-35.

³⁴¹ Stiles, C.A. *Windows into Antebellum Charleston: Gloria Gilman and The Southern Rose Magazine*. – A diss. subm. to the University of South Carolina, 1994. 357 p.

³⁴² Townsend, H., Townsend, M. *The Anti-Slavery Alphabet*. – Philadelphia: Merrihew and Thompson, 1847. 16 p.

³⁴³ Abel, Th. C. *The Gospel of Slavery: A Primer of Freedom*. – N.Y.: T.W. Strong, 1864. 36 p.

³⁴⁴ Connolly, P.T. *Slavery in American Children's Literature...* P. 4.

³⁴⁵ De Rosa, D.C. *Domestic Abolitionism and Juvenile Literature...*

³⁴⁶ De Rosa, D.C. *Into the Mouths of Babes: An Anthology of Children's Abolitionist Literature*. – Westport, Connecticut; London: Praeger, 2005. P. xv.

³⁴⁷ Okker, P. *Our Sister Editors: Sarah J. Hale and the Tradition of Nineteenth-Century American Women Editors*. – Athens: University of Georgia Press, 1995. P. 16. Цит. по: De Rosa, D.C. *Into the Mouths of Babes...* P. xv.

³⁴⁸ *Ibid.* P. xv.

Следует подчеркнуть, что развитию детской литературы аболиционизма заметно способствовала не только сугубо политическая, но и общеинтеллектуальная атмосфера эпохи – эпохи, отмеченной расцветом философии трансцендентализма и педагогических исканий таких знаменитых представителей этой философской школы, как Ральф Уолдо Эмерсон и Генри Дэвид Торо, Бронсон Олкотт и сёстры Пибоди. Их взгляды на педагогику заметно разнились, но всё же ключевые принципы были едины: 1) трансценденталисты культивировали равноуважительное отношение к каждой личности, 2) а также стремились, посредством внедрения новых образовательных методов, к построению общества, основанного на фундаментальных гуманистических ценностях³⁴⁹. В центр внимания они ставили необходимость нравственного воспитания ребёнка, возвращения заложенного в нём доброго начала; наиболее же действенным педагогическим методом последователи философии трансцендентализма считали метод, восходящий к античности: диалог учителя с учеником³⁵⁰. Примером практического воплощения такого подхода была экспериментальная школа в Бостоне, основанная в 1834 г. Бронсоном Олкоттом. Олкотт, вместе со своей помощницей Элизабет Пибоди, ставил перед собой как наставником задачу культивировать в учениках, прежде всего, две способности: способность к воображению и сердечную восприимчивость³⁵¹.

Вариации именно такого метода обнаруживаются и на страницах произведений «домашнего аболиционизма». Американская исследовательница Дебора Де Роса, изучившая каноны этой разновидности аболиционистской литературы на большом архивном материале, выделяет традиционную для подобных текстов триаду образов: два ребёнка – угнетённый маленький

---

³⁴⁹ Bicknell, K. Brooks and Ditches: A Transcendental Look at Education // *Independent School Magazine*. 2008. No. 6 (1).

³⁵⁰ Schertz, M. The Temple School: Transcendentalist Pedagogy and Moral Regulation in Antebellum America // *Childhood and Philosophy*. 2012. Vol. 8, No. 15. P. 183.

³⁵¹ Schertz, M. The Temple School: Transcendentalist Pedagogy and Moral Regulation in Antebellum America // *Childhood and Philosophy*. 2012. Vol. 8, No. 15. P. 186.

невольник и юный белый аболиционист, и так называемая «мать-просветительница» (на деле, не всегда именно мать, но, так или иначе, какая-либо старшая родственница белого ребёнка, которому адресовано её повествование)³⁵². Фигура юного невольника почти всегда остаётся исключительно «внутритекстовой»: образ порабощённого ровесника должен был вызвать в юном читателе сочувствие и стремление освободить его, однако редко воспринимался как самостоятельная единица – потенциальный читатель книги или же человек, от которого что-то зависит в будущем страны³⁵³. Ответственность за это будущее обычно полностью делегировалась белому ребёнку-аболиционисту; интересно, что долгое время в этой роли обычно выступал мальчик, но после публикации в 1852 г. «Хижина дяди Тома» популярность снискал образ девочки-аболиционистки³⁵⁴.

В свою очередь, образ «матери-просветительницы» (или «матери-историка») восходит к XVIII в., а точнее, ко временам борьбы американских колоний за независимость. Идеал т.н. «республиканского материнства» (*Republican motherhood*³⁵⁵) считался тогда фундаментом воспитания патриотичных граждан, формирования нравственного облика молодой страны. Однако в аболиционистской литературе 1830–1860-х гг. образ «матери-просветительницы» претерпел метаморфозу: здесь ею предлагалась отнюдь не апология, а критическое переосмысление, ревизия американской истории; в текущей политике обличались алчность, нечестность, отступление от демократических идеалов. Вместе с тем, ракурс рассмотрения оставался «домашним», «женским»: акцент делался на том, что сам факт существования

³⁵² De Rosa, D.C. *Into the Mouths of Babes...* P. xviii.

³⁵³ Connolly, P.T. *Slavery in American Children's Literature...* P. 5.

³⁵⁴ De Rosa, D.C. *Into the Mouths of Babes...* P. xviii.

³⁵⁵ Следует отметить, что данный термин в XVIII–XIX вв. еще не использовался. Он был предложен в 1976 г. профессором Университета Айовы, специалистом по интеллектуальной истории, Линдой Кауфман Кербер (Kerber, L.K. *The Republican Mother: Women and the Enlightenment – An American Perspective* // *American Quarterly* 28, no. 2, 1976. P. 187-205).

в стране рабовладельческой системы пагубно сказывается на детских душах, на семейных узах, идеалах демократии и патриотизма³⁵⁶.

Главной целью авторов было вызвать у юного читателя «волнение / перемену сердца» (*a change of heart*) и вопрос: «Что я могу сделать, чтобы положить конец рабству?»³⁵⁷. Предлагались конкретные шаги – такие, как написание петиций, участие в дискуссиях, бойкот товаров, изготовленных с применением рабского труда³⁵⁸. Следует также иметь в виду, что, привлекая на свою сторону юных читателей, авторы аболиционистской литературы делали ставку не только на обретение в их лице будущих единомышленников, но надеялись и воздействовать через них – «устаами младенца»³⁵⁹ – на поколения их старших родственников. Сестры Таунсенд, авторы одной из аболиционистских азбук, так объясняют детям задачу книги: быть может, взрослые «...внемлют тому, что говорите вы, / Тогда как к нам они глухи»³⁶⁰.

Уже цитировавшаяся в предыдущем параграфе книга «Истории сестры Руфи, рассказанные ею детям, или Вечера с Джоном Вулменом» входит в число интереснейших, и при этом практически не изученных, образцов детской литературы «домашнего аболиционизма». Это небольшое 121-страничное издание вышло в Филадельфии в последний год Гражданской войны и является, по существу, адаптированным для детей пересказом истории Джона Вулмена. Интерес к фигуре Вулмена, безусловно, неслучаен³⁶¹: для многих аболиционистов нравственный посыл «Дневника» как нельзя лучше выражал идеал ненасильственной, но упорной борьбы за полную отмену рабовладения.

³⁵⁶ De Rosa, D.C. *Into the Mouths of Babes...* P. xvi.

³⁵⁷ De Rosa, D.C. *Domestic Abolitionism and Juvenile Literature...* P. 11.

³⁵⁸ Connolly, P.T. *Slavery in American Children's Literature...* P. 4.

³⁵⁹ Неслучайно именно этот фразеологизм использован в названии антологии, составленной Деборой Де Роса (De Rosa, D.C. *Into the Mouths of Babes...*).

³⁶⁰ Townsend, H., Townsend, M. *The Anti-Slavery Alphabet...* P. 3.

³⁶¹ Интересно отметить, что образ Вулмена был использован как дидактический образец для юных читателей и позднее, в 1885 г., в книге Томаса Грина «Джон Вулмен: Очерк для юношества» (Green, Th. *John Woolman: A Study for Young Men.* – Manchester, London, 1885. 132 p.). Детская аудитория также является адресатом рассказа Чака Фэйгера «Джон Вулмен и девочка-рабыня» (Fager, Ch. *John Woolman and the Slave Girl.* – Kimopress, 1977. 28 p.).

Следует сразу оговорить, что, к сожалению, установить авторство «Историй сестры Руфи» пока не удалось. На обложке книги отпечатаны лишь инициалы “R.P.A.”, и ни само издание, ни его библиографические описания не содержат полного имени автора. Инициалам пока не нашлось соответствия и в находящихся в открытом доступе списках участников американских аболиционистских организаций³⁶². Единственное, что следует предположить с долей вероятности, – что автора звали Руфь, и что она принадлежала к «Обществу Друзей» (об этом говорит используемая в тексте специфически «квакерская» лексика, в частности, регулярное употребление в диалогах местоимения *thou* – «ты», сохранявшего в тот период бытование среди квакеров).

По наблюдению Д. Де Росы, зачастую анонимность (так же, как и предпочтение детских жанров) была для женщин-авторов аболиционистской литературы вынужденной мерой: они могли свободнее выражать свои взгляды, подписываясь лишь инициалами или же прячась за социально одобряемым «домашним» образом «бабушки», «кузины Лиззи», «тётушки Мэри» и т.п. Кроме того, среди авторов этой литературы были афроамериканки или же белые южанки, и для них анонимность была особенно важна³⁶³. Зачастую и те женщины-авторы, которые не затрагивали в своём творчестве политическую тематику, также предпочитали анонимность или использовали псевдонимы, отдавая таким образом дань гендерным предписаниям эпохи³⁶⁴.

Важно отметить, однако, что в случае «Историй сестры Руфи» анонимность, избранная автором, может быть истолкована и с точки зрения уже рассмотренных в предыдущем параграфе особенностей агиографической литературы: для автора жития анонимность играет особую роль, выражая идею

³⁶² Эл. ресурс: <http://www.americanabolitionists.com/abolitionists-and-anti-slavery-activists.html> (Дата обращения: 31.05.2022 г.).

³⁶³ De Rosa, D.C. *Domestic Abolitionism and Juvenile Literature...* P. 11.

³⁶⁴ *The Cambridge History of American Literature* / Ed. by S. Bercovitch, C. R. K. Patell. Vol. 2: 1820–1865. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 81-82.

его «самоуничужения», незначительности в сравнении со святым – героем житийного текста³⁶⁵.

«Истории сестры Руфи» построены как серия из девяти вечерних бесед девушки по имени Руфь с ее младшими сёстрами Эффи, Анной и Мэри, а также братом Уилли. Зачином первой главы-«вечера» является описание, как дети собираются в уютном доме и просят сестру рассказать им давно обещанную историю. По своей структуре текст напоминает уроки катехизиса: монолог Руфи периодически прерывается размышлениями детей и их диалогом с рассказчицей. Объясняя задачу книги, автор предисловия к «Историям» (опять же, анонимный, подписавшийся инициалами A.W.M., и подчеркнувший словом «Друг» – “a Friend” – свою принадлежность к квакерам, «Обществу Друзей»³⁶⁶) отмечает, что оригинальный текст «Дневника» вряд ли увлечёт юных читателей, однако выдержки из него, поданные в упрощённой форме, дополненные стихотворениями и диалогами, вполне могут заинтересовать их³⁶⁷. Главное назначение книги, при этом, безусловно, не развлекательное, а дидактическое: указать подрастающему поколению на «хороший пример» для подражания, образец по-настоящему «замечательного человека»³⁶⁸.

Фактически, «Истории сестры Руфи» становятся не просто адаптированным, но и дополненным пересказом «Дневника». Автор «Историй» добросовестно фиксирует даты обсуждаемых событий из жизни Вулмена, тем самым передавая документальную дневниковую стилистику первоисточника. При этом, как бы восполняя обусловленные тяготением Вулмена к жанру духовной автобиографии сюжетные «зияния», пробелы в тексте «Дневника», рассказчица украшает повествование рядом сцен и диалогов, отсутствующих у самого Вулмена: например, сценой из его младенчества, картиной свадьбы и др.

Слушатели сестры Руфи – дети разного возраста, и в тексте мастерски представлено многоголосие их реакций. Совсем маленький Уилли понимает

³⁶⁵ Краснова Н.А., Краснов А.Г. Мотивы жития... С. 742.

³⁶⁶ R. P. A. Sister Ruth's Stories for the Young... P. v.

³⁶⁷ Ibid. P. v-vi.

³⁶⁸ Ibid. P. v.

далеко не всё, однако как раз в его простодушных репликах ярче всего сказывается вызванная услышанным «перемена сердца» – например, узнав о диалоге Вулмена со сторонником рабовладения, Уилли говорит: *«Я так рад, что Джон Вулмен сказал этому человеку, что держать людей в рабстве неправильно...»*³⁶⁹. Истории о Вулмене с интересом слушают все дети, однако именно Уилли выступает как самый увлечённый собеседник Руфи – «младенец», устами которого глаголет истина. В свою очередь, одна из старших девочек, Анна, несколько раз произносит страстные, патетические монологи, полные отсылок к историческим именам и событиям, и выступает как своего рода альтер-эго сестры Руфи, отличаясь от нее большей эмоциональностью. Между тем, сама рассказчица, Руфь, на протяжении всего текста сохраняет ровную интонацию «историка», дружелюбно умиротворяющего своих юных слушателей.

Интересно отметить, что в ходе рассказа используются некоторые мелодраматические эффекты: так, только начав рассказывать своим сёстрам и брату о жившем некогда замечательном человеке, Руфь какое-то время «держит интригу», и лишь в конце первой главы (первого «вечера») раскрывает его имя: *«Так что, дорогой Уилли, Джон Вулмен – а именно так звали нашего славного героя – уже в детстве [...] стал мыслящим человеком...»*³⁷⁰.

Определённый мелодраматизм заметен в построении всей первой главы «Историй». Как уже говорилось, в одной из сцен рассказчица представляет Джона Вулмена еще младенцем, родившимся в цветущую августовскую пору³⁷¹. Многочисленные сёстры и братья³⁷² наперебой тянутся к колыбели, чтобы поиграть с новорождённым; сидящая рядом мать молится о благословении его жизненного пути. Эта сентиментальная сцена (конечно, отсутствующая в «Дневнике»), резко контрастирует со следующим сразу за ней

³⁶⁹ R. P. A. Sister Ruth's Stories for the Young... P. 33.

³⁷⁰ Ibid. P. 15.

³⁷¹ В действительности, месяцем рождения Вулмена был октябрь; ошибочное указание на август, однако, встречается в ряде источников XIX в. из-за путаницы в нумерации месяцев.

³⁷² Здесь также содержится неточность, поскольку все братья Вулмена родились позже него.

эпизодом из отрочества Вулмена, когда мальчик по легкомыслию во время игры убивает птицу, кружащуюся над гнездом. Поняв, что птенцов после этого ожидает голодная гибель, он из жалости решает умертвить их. Раскаяние в своём бездумном злодеянии, повлекшем за собой печальный выбор из двух зол, «ужас», охвативший его душу³⁷³, для Вулмена-автобиографа становится отправной точкой дальнейших размышлений.

Как уже отмечалось в п. 1.2, один из первых в «Дневнике», эпизод с птицами трактуется исследователями как ключевой для всего текста, воплощающий в себе важнейшую для Вулмена идею неразрывной связи всех существ³⁷⁴. Автор «Историй сестры Руфи», совмещая, монтируя в своём повествовании один за другим портреты Вулмена – прекрасного младенца и юного «браконьера» – заметно усиливает драматизм истории о птице. Такое «грехопадение» ровесника производит тягостное впечатление на слушателей Руфи и побуждает их самостоятельно делать моральные выводы³⁷⁵. Маленький Уилли говорит: *«Я теперь всегда буду думать, прежде чем бросаться камнями; и я буду очень осторожен, чтобы не ранить каких-нибудь птичек, и даже червячков, которые ползают по земле. Никогда прежде я не задумывался, что погубить так просто, а вернуть к жизни невозможно»*³⁷⁶.

Воспитательное значение историй сказывается и в рассуждениях старших детей – так, услышав рассказ о метаниях молодого Вулмена между религиозной жизнью и весельем в компании друзей, Анна замечает: *«По этому поводу,*

³⁷³ Вулман Дж. Дневник... С. 31.

³⁷⁴ Stewart, M.E. Thinking about Death: The Companionship of John Woolman's Journal... P. 109-110.

³⁷⁵ Говоря о визуальной образности «Историй», интересно обратить внимание и на содержащиеся в книге иллюстрации. На фронтисписе изображен дом и сад с играющими детьми. Четкого соответствия между этой картиной и текстом «Историй» нет – детей на иллюстрации семеро, т.е. больше, чем в самой книге, и их возраст примерно одинаковый, в отличие от возраста слушателей Руфи. По всей видимости, эта картина не столько отсылает к содержанию «Историй», сколько предлагает обобщенный образ аудитории книги. Вторая иллюстрация – портрет индейца, горделиво стоящего на каменистой вершине горы с луком и стрелами; за его спиной печально вырисовывается контур пня, оставшегося на месте когда-то мощного, но сломанного дерева. Этот образ явственно соотносится с рассуждениями собеседников о судьбе индейских народов.

³⁷⁶ R. P. A. Sister Ruth's Stories for the Young... P. 18.

дорогие мои сёстры [...], позвольте дать вам совет: будьте внимательны, очень внимательны в выборе спутников. [...] Опасно полагаться лишь на собственную силу воли и думать, что нам не повредит общение с теми, кто находит удовольствие в беззаконии...»³⁷⁷.

Прозаическая часть «Историй» написана довольно простым, доступным детскому восприятию разговорным языком – неслучайно Уилли замечает: «Когда сестра Руфь рассказывает нам свои истории, это намного интереснее, чем если бы мы прочитали их в книге»³⁷⁸. Вместе с тем, важной особенностью «Историй» является обилие поэтических реминисценций и цитат. Они составляют около десятой части текста. Практически ни одна цитата не атрибутирована; большая их часть сопровождается лишь репликой «Как сказал поэт...» (в оригинале с определённым артиклем: *the poet*). Среди часто цитируемых поэтов авторы великих религиозных произведений XVII века – Джон Мильтон и Джон Беньян, а также поэты Марк Эйкенсайд (1721–1770), Филип Джеймс Бейли (1816–1902), Джозайя Гилберт Холланд (1819–1881), и, конечно, самый знаменитый из квакерских поэтов, Джон Гринлиф Уиттьер. Одно из стихотворений Уиттьера, «К Кэролайн Нигус: с томиком “Дневника” Джона Вулмена» (*To Caroline Neagus: With a Copy of Woolman's Journal*”, 1842), цитируется в эпитафии. Поэтические вставки играют в «Историях» роль своеобразной рамочной конструкции: открываясь эпитафией из Уиттьера, книга завершается стихотворением «На смерть Джона Вулмена» (“*Lines on the Death of John Woolman*”) (принадлежащим, по всей видимости, автору самих «Историй»). Кроме того, поэтическими цитатами завершаются четыре из девяти глав-«вечеров».

Как и вулменовский «Дневник», «Истории сестры Руфи» насквозь пронизаны библейскими аллюзиями. Не только сама Руфь, но и её старшие слушательницы для каждого эпизода из биографии Вулмена приводят параллели со Священным Писанием. Можно сказать, что история жизни

---

³⁷⁷ Ibid. P. 25.

³⁷⁸ Ibid. P. 17.

Вулмена, а через неё и американская история, предстают в их глазах как новые адаптации вечных сюжетов. При этом, следует отметить, как «мать-историк» сестра Руфь избегает чёрно-белых красок, стремясь достичь взвешенного подхода к обсуждаемым болезненным вопросам национального прошлого. Так, говоря с детьми о рабовладении, Руфь замечает: *«Несомненно, между семьями рабов и их господ зачастую возникала искренняя взаимная привязанность. [...] И всё-таки, несмотря на хозяйскую доброту и заботу, несмотря на то, что многие господа были хорошими и добросердечными людьми [...], проявления злости и деспотизма по отношению к невольникам также не были редкостью»*³⁷⁹.

В отличие от самого Вулмена и других авторов, доказывающих противохристианскую сущность рабовладения с многочисленными отсылками к тексту Библии, автор «Историй сестры Руфи», адаптируя книгу для детской аудитории, ограничивается лишь напоминанием о золотом правиле этики: *«И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними»* (Лк VI: 31)³⁸⁰.

Обсуждая со своими слушателями путешествие Вулмена в индейский посёлок и комментируя его размышления о «коренных жителях» континента³⁸¹, рассказчица также явно стремится к непредвзятой, миротворческой ревизии истории. Во времена правления Уильяма Пенна и некоторое время после этого, рассказывает Руфь, в его владениях *«индейцы и белые неукоснительно соблюдали договор, предложенный Пенном; царили мир и гармония»*³⁸², народы доверяли друг другу. Самого Пенна индейцы называли «Папа Оунэс» («Папа Птичье Перо»). Однако впоследствии местные колонисты не сумели продолжить мудрую миролюбивую политику Пенна, что привело к многолетнему ожесточённому конфликту и страданиям обеих сторон. Рассказ о путешествии Вулмена, стремившегося хотя бы отчасти возродить утраченное

³⁷⁹ R. P. A. Sister Ruth's Stories for the Young... P. 34-35.

³⁸⁰ Ibidem.

³⁸¹ Вулман Дж. Дневник... С. 167.

³⁸² R. P. A. Sister Ruth's Stories for the Young... P. 83.

доверие между народами, навеивает на собравшихся грустные размышления. Эпизод «Историй сестры Руфи», посвящённый индейцам, завершается тем, что одна из девочек, Эффи, исполняет для всех «Индийскую жалобную песнь» (*“The Indian’s Lament”*)³⁸³.

Как видно, в значительной степени, истории из жизни конкретной личности, Вулмена, становятся для рассказчицы отправной точкой для рассуждений о путях американской и мировой истории в целом. При этом Вулмен, с её точки зрения, остаётся безусловным эталоном миротворца и реформатора, действующего не силой, а (по терминологии Хеллера) «мягким убеждением»: *«Слишком часто великие реформаторы [...] идут вперёд, неся в одной руке Истину и Правду, а в другой – огонь и меч, грозя гибелью всем, кто не присоединится к ним в том, что они считают Правдой. [...] Но Джон Вулмен, следуя по стопам Великого Учителя, познал с его помощью скромность и смирение, научился той Божественной любви, которая преодолевает зло, и которая помогла ему совершить столь великое дело»*³⁸⁴.

Нужно отметить, что, говоря о «совершении великого дела», автор «Историй» следует традиции романтической гиперболизации роли Вулмена в истории и представляет его как «первого аболициониста». Уже цитированное ранее (см. п. 2.3) рассуждение из «Историй сестры Руфи» (*«Поразительно [...] что среди всех хороших людей той эпохи не нашлось ни одного человека, который стал бы соратником Джона Вулмена»*³⁸⁵), безусловно, отдаёт дань именно романтическому мифу о Вулмене.

Завершает свои «Истории» сестра Руфь эмоциональным монологом, заставляющем вновь вспомнить о характерном для агиографической литературы мотиве «самоуничтожения автора»: *«Когда я смотрю в прошлое [на жизнь Джона Вулмена], и вижу, как он шёл по своему пути твёрдым шагом, даже когда не было сил и когда не хватало веры, через испытания и трудности,*

---

³⁸³ Ibid. P. 85-88.

³⁸⁴ Ibid. P. 59.

³⁸⁵ R. P. A. Sister Ruth’s Stories for the Young... P. 88.

казавшиеся непреодолимыми – насколько же я стыжусь себя, в своём вялом равнодушии³⁸⁶ по отношению к Истине и Правде позволяющей себе спотыкаться и унывать на каждом крошечном препятствии...»³⁸⁷.

Сестра Руфь, рассуждая о Вулмене, утверждает в стремлении следовать явленному им примеру христианского поведения, а у её маленьких слушателей происходит та перемена (“*a change of heart*”) – или же, если мы вспомним процитированную ранее фразу Кольриджа – «улучшение» сердца (“*amelioration of heart*”), ради которой и создавалась детская литература «домашнего аболиционизма». В свою очередь, сам «Дневник» Вулмена – это также история «перемен сердца» героя, начиная с самой главной, когда квакерская вера становится для него важнее суетных устремлений (Глава I), за которой следуют и дальнейшие постоянные маленькие «перемены»: когда Вулмен отказывается от какого-либо участия в торговле, связанной с рабовладением, решается на опасное путешествие в индейский посёлок и т.п. Фигура Вулмена, таким образом, является для Руфи и её собеседников не застывшим, недостижимым нравственным эталоном, но своего рода «проводником», который и сам в своё время прошёл долгий путь внутреннего преобразования.

Подводя итоги, следует отметить, что «Истории сестры Руфи» в целом соответствуют канонам аболиционистской литературы для детей, описанным Деборой Де Роса, но в то же время они весьма своеобразны по своему построению. Ревизия истории здесь, несомненно, играет важную роль, однако было бы не совсем точно характеризовать эту ревизию как всецело «критическую», обличительную. Автору книги удаётся, с одной стороны, ярко и убедительно выразить свои социально-политические взгляды, а с другой стороны, избежать тенденциозных крайностей в изображении прошлого. Что

³⁸⁶ В оригинале *lukewarmness*; ср. Откр III: 16: “So then because thou art lukewarm, and neither cold nor hot, I will spue thee out of my mouth.” (KJV, ASV); “Thus because thou art lukewarm, and neither cold nor hot, I am about to spew thee out of my Mouth.” (1764 Purver Bible). В Синодальном переводе: «Но, как ты тёпл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих».

³⁸⁷ R. P. A. *Sister Ruth’s Stories for the Young...* P. 119.

касается классической триады «мать-просветительница / юный невольник / юный аболиционист», в «Историях сестры Руфи» эта триада заметно отличается. Вместо образа юного невольника здесь присутствует фигура нравственно образцовой исторической личности, человека, по своему авторитету стоящего даже выше «матери-просветительницы».

Рассматривая «Истории сестры Руфи» в контексте аболиционизма, нельзя не отметить также следующую их особенность. Написанные, как говорилось ранее, после освобождения невольников, «Истории» читаются уже не как обращенный к юношеству призыв бороться за отмену рабства, а, скорее, как несколько меланхолическое «послесловие» к эпохе этой борьбы. Обращает на себя внимание следующее, весьма неожиданное, свойство данной книги: притом, что она создавалась ещё в военное время, в 1864–65 гг., о Гражданской войне в ней нет ни единого упоминания. Можно предположить, что, в определённом смысле, полыхающая в стране война приобретает в «Историях сестры Руфи» эффект «значимого отсутствия». Каждый вечер сестра Руфь закрывает ставни, включает свет и усаживает вокруг себя любознательных ребят, а «свирепый дух»³⁸⁸ вражды, как и гроза, клокочущая за окном (см. экспозицию, открывающую Главу III³⁸⁹), затихают где-то за стенами уютного дома, где юным слушателям, олицетворяющим будущее страны, рассказывается мудрая повесть времен зарождения этой страны. В изложении «сестры Руфи», Вулмен предстаёт уже не только и не столько как предтеча аболиционизма, сколько как терпеливый миротворец.

В следующих параграфах мы обратимся к образцам посвящённой Вулмену биографической прозы, во многом, так же, как и «Истории сестры Руфи», ориентированной на детскую и юношескую аудиторию.

³⁸⁸ Вулман Дж. Дневник... С. 174.

³⁸⁹ R. P. A. Sister Ruth's Stories for the Young... P. 29.

2.5. Рассказ Чака Фэйгера «Джон Вулмен и девочка-рабыня» (1977 г.)

Чак Фэйгер (*Chuck Fager*, род. в 1942 г.) – американский писатель и общественный деятель родом из Канзаса, автор множества произведений на квакерскую тематику, известный своей активной гражданской позицией. Как сообщает сам писатель на своём сайте³⁹⁰, родился он в многодетной католической семье. Его отец был военным, служащим воздушного флота. Сам Чак Фэйгер также планировал поступить на военную службу, и даже делал немалые успехи в подготовке к ней. Однако в итоге он предпочёл получить гуманитарное образование в Университете Колорадо, который окончил в 1967 г. Ещё во время обучения, осенью 1964 г., Фэйгер стал участником SCLC – Южной Конференции Христианских Лидеров, возглавляемой Мартином Лютером Кингом. Участвуя в Движении за Гражданские права, Фэйгер был трижды арестован, и один раз его сокамерником был сам доктор Кинг. Этой истории посвящена книга Фэйгера *Selma 1965: The March That Changed the South*, а также мемуарный текст под названием *Eating Dr. King's Dinner*³⁹¹.

В 1965 г. Фэйгер подал официальную заявку на отказ от военной службы в связи с пацифистскими убеждениями; тогда эти убеждения, однако, ещё не были связаны с религией. Вскоре после этого судьба свела Фэйгера с учащимися и сотрудниками квакерского колледжа из Нью-Йорка, которые познакомили его со своим вероучением. Следующие два года Фэйгер проработал в этом колледже и стал, по его словам, «убеждённым Другом», а также опубликовал свою первую книгу. В 1968 г. Фэйгер поступил в Гарвардскую «Divinity School», параллельно работая над новыми книгами, создавая репортажи для т.н. «альтернативной» прессы, активно участвуя в антивоенных выступлениях.

---

³⁹⁰ Эл. ресурс: <https://afriendlyletter.com/chuck-fager/> (Дата обращения: 14.02.2023).

³⁹¹ Ibidem.

Со временем он открыл собственное издательство “Kimo Press”, учредил журнал «Дружеское письмо» (*A Friendly Letter*), а в 1985 г., в добавление к писательской и журналистской работе, поступил на почтовую службу. Тем не менее, культура и мировоззрение Друзей остаются главным делом жизни Фэйгера. В разные годы писатель работал в квакерском центре Пендл-Хилл, читал курс «История и эволюция американского либерального квакерства», участвовал в создании галереи квакерского искусства (*The Lemonade Art Gallery*), издавал журнал «Квакерская теология» (*Quaker Theology*). В 2003 г. Фэйгер издал эссе под названием «Квакеры объявляют войну» (*A Quaker Declaration of War*), подразумевая борьбу с милитаризмом и призывая единоверцев дистанцироваться от медиа-культуры и больше времени посвящать изучению квакерской истории, иностранных языков, работе во благо межкультурного диалога.

Многие произведения Фэйгера написаны для детской аудитории: как признаётся сам писатель, он создал их, адресуя, прежде всего, собственным детям и внукам. К юношеству обращён и рассказ о Вулмене – «Джон Вулмен и девочка-рабыня» (*John Woolman and the Slave Girl*, 1977). Рассказ представляет собой фикциональное повествование, вымышленную историю, которая, однако, вполне могла произойти в жизни Вулмена, совершавшего летом 1757 г. путешествие по южным колониям.

Фабула рассказа довольно проста. 1757 год, Вирджиния, поместье рабовладельца-квакера по имени Ричард Бартон. Четырнадцатилетняя девочка-рабыня по имени Руфь, выполняя данное ей поручение, копает картошку, между делом наблюдая за соседскими юношами, гарцующими на конях. Юную Руфь всё чаще одолевает чувство бесперспективности невольничьей жизни. Поддерживают её две мечты: научиться читать и стать свободной. Однако если контуры первой мечты вырисовываются вполне ясно – преподать грамоту ей обещает её пожилой дядя Джейкоб, когда ей исполнится пятнадцать – то вторая мечта кажется несбыточной.

Однажды Руфь видит, что к хозяину приезжает некий гость, незнакомый ей человек. Человек этот вызывает у неё любопытство и безотчётную симпатию. Однако мать девочки встревожена приездом гостя и велит дочери избегать его: она боится, что это работорговец. Вопреки воле матери, Руфь всё-таки подслушивает разговор хозяина с его гостем. Поняв, что гость отнюдь не работорговец, а, напротив, сторонник отмены рабства, она находит момент и знакомится с этим человеком – им оказывается квакерский проповедник из Филадельфии Джон Вулмен. Выясняется, что он приехал к её хозяину, чтобы уговорить его освободить рабов. Хозяин, будучи человеком мягкосердечным, понимает позицию Вулмена, однако медлит с решением. Проповедник прощается с Руфью и уезжает, так и не сумев окончательно убедить её господина.

Тогда юная Руфь решается на дерзкий поступок: не сказав никому ни слова, она бежит вслед за Вулменом и догоняет его в лесу близ речной переправы. Задержав путника, девочка умоляет его взять её с собой, в Филадельфию, *«где свободные чёрные владеют собственным имуществом и могут учиться»*³⁹². Руфь надеется, что обретёт таким образом долгожданную свободу, а затем поможет освободиться и своим родным. В своих мечтах она видит себя грамотной, самостоятельной девушкой, зарабатывающей на жизнь своей семьи и имеющей собственного коня. Однако разговор с Вулменом, в прошлый раз столь вдохновившим девочку своей добротой, теперь приносит ей лишь горькое разочарование: проповедник отказывается помочь ей бежать, объясняя, что по-прежнему надеется на добрую волю её хозяина, но обманывать его не готов. Печаль, с которой Вулмен произносит эти слова, девочке кажется напускной, и она прощается с ним в расстроенных чувствах, говоря: *«А слёзы свои приберегите для ваших квакерских гостиных, где вы можете с удобством, между обедом и ужином, рассуждать насчёт воли*

---

³⁹² Fager, Ch. John Woolman and the Slave Girl... P. 14. Поскольку проза Фэйгера пока не издана на русском языке, перевод цитат из рассказа выполнен автором настоящей работы.

*Господа. Я же за себя могу поплакать и сама, когда придёт время. И оно придёт!..»*³⁹³.

Девочке удаётся вернуться домой незамеченной, так что о её попытке побега узнаёт лишь один человек – дядя Джейкоб. Видя отчаяние племянницы, он подбадривает её, говоря, что больше не надо ждать пятнадцатилетия: он начнёт учить её грамоте сегодня же вечером. В этот момент в душе Руфи вновь появляется надежда, и она даже находит в себе силы улыбнуться, спрашивая дядю: *«Давай начнём с истории о Моисее и детях Израилевых в Египте?»*³⁹⁴.

Анализируя данный текст, невозможно не обратить внимание на несколько мотивов, характерных для афроамериканской литературы и произведений, затрагивающих проблематику рабовладения. В первую очередь это, конечно, традиционный мотив **обретения грамотности как обретения свободы**³⁹⁵: *«В доме Ричарда Бартонна было множество книг. И Руфь стала понимать, что чтение и свобода как-то связаны друг с другом»*³⁹⁶.

В финале рассказа именно предвкушение изучения грамоты вселяет в отчаявшуюся Руфь новые силы.

Рассказ представляет собой интересный материал для анализа и с точки зрения **гендерной** проблематики. Как уже говорилось выше, рассказ открывается следующей картиной: на жарком полуденном солнце Руфь работает в поле, а поблизости на лошадях катаются мальчики. Этот образ катающихся юношей запоминается Руфи и позже воссоздаётся в её воображении, когда она слышит слово «свобода»: *«...Руфь услышала, как гость говорит хозяину: чтобы исполнить волю Господа, нужно отпустить рабов на свободу. На свободу! [...] При этом слове она представила, как мальчишки Хаднатты гарцуют на своих лошадях. Наверное, так и выглядит свобода? И*

³⁹³ Fager, Ch. John Woolman and the Slave Girl... P. 24.

³⁹⁴ Ibid. P. 27.

³⁹⁵ Панова О.Ю. Негритянская литература США 18 – начала 20 века... С. 235.

³⁹⁶ Fager, Ch. John Woolman and the Slave Girl... P. 10.

она, Руфь, по словам этого Джона Вулмена, заслуживает точно такой же свободы?»³⁹⁷.

Впоследствии, пытаясь уговорить Вулмена взять её с собой в Филадельфию, Руфь предлагает ему выдать её за своего раба: купить для неё мужскую одежду, так чтобы она, переодетая мальчиком, не вызвала подозрений у возможных преследователей. Важными символами её будущего свободного статуса ей представляются, опять же, *грамотность*, а также *собственные лошади* – то, что в её близком окружении доступно лишь мужчинам (читать умеет, кроме хозяев, только дядя Джейкоб; свои лошади есть только у мужчин-хозяев).

В рассказе Фэйгера можно заметить и некоторые **аллюзии на «Хижину дяди Тома»** Гарриет Бичер-Стоу, особенно на сюжетную линию молодой рабыни Элизы. Хозяин поместья, мистер Бартон – как и мистер Шелби в «Хижине дяди Тома» – человек добрый, но слабовольный, нерешительный. Завязкой истории, как и у Бичер-Стоу, становится приезд к хозяину некоего гостя, однако если в «Хижине дяди Тома» этот гость – работорговец, то у Фэйгера, напротив, борец за отмену рабства. В обоих случаях юная героиня подслушивает беседу хозяина с гостем, вследствие чего принимает решение бежать, и кульминационная сцена этого бегства происходит у реки.

В мифологическом плане образ реки уходит в глубокую древность и насыщен богатым символизмом. Одно из значений реки как символа – (уходящее) время³⁹⁸. Героине рассказа, Руфи, всего четырнадцать лет, однако как раз её юность кажется печальным контрастом по отношению к несвободе, на которую она обречена. Уже в столь раннем возрасте эта, в принципе, полная жизни девочка периодически испытывает недетскую усталость – усталость не физическую, а психологическую (примером чему служит уже открывающая рассказ сцена, когда Руфь с тоской смотрит на всадников). Она остро чувствует течение времени как бег, и торопится вырваться на свободу: *«Неужели мне*

³⁹⁷ Fager, Ch. John Woolman and the Slave Girl... P. 7.

³⁹⁸ Трессиддер, Дж. Словарь символов. – М.: Фаир-пресс, 2001. С. 304.

остаётся лишь терпеливо ждать, пока Господь преобразит сердце Ричарда Бартонна?», «И если помочь мне бежать – это преступление, то разве не преступление оставлять меня в рабстве? Разве неволя не крадёт мои силы, даже самую жизнь мою, день за днём?»³⁹⁹.

Следует отметить, что в контексте аболиционистской литературы мотив бегства через реку, безусловно, ассоциируется и с библейским образом расступаящихся вод Красного моря. Сцена из «Хижина дяди Тома», когда Элиза вместе с ребёнком чудом избавляется от преследования⁴⁰⁰, сумев перебежать реку прямо по ледоходу, стала одной из самых знаменитых в романе. В рассказе Фэйгера, однако, бегство через реку не состоялось. Река остаётся для Руфи границей, пересечь которую ей (по крайней мере, в рамках повествования) не положено.

Говоря об аллюзиях на роман Бичер-Стоу, стоит обратить внимание и на образ дяди Руфи, Джейкоба. Дядюшка Джейкоб напоминает ставший хрестоматийным образ «дяди Тома»: это пожилой мудрый человек, наделённый необыкновенным великодушием, способностью сопереживать своим ближним и ободрять их.

Фигура самого Вулмена у Фэйгера вполне соответствует устоявшейся к тому времени традиции изображения проповедника. Показателен, в частности, тот факт, что, вслед за многими авторами, Фэйгер использует в создании внешнего образа Вулмена мотив «домотканой одежды» (“*homespun clothes*”)⁴⁰¹.

В свою очередь, образ Руфи примечателен и как возможная интертекстуальная отсылка к рассказчице «Историй сестры Руфи». Являясь знатоком и собирателем квакерской литературы, Фэйгер, вполне вероятно, на момент написания рассказа был уже знаком с этим произведением. Героиня Фэйгера и рассказчица «Историй» близки и по возрасту, и по своим аболиционистским взглядам. Примечательно, что их ветхозаветное имя в

³⁹⁹ Fager, Ch. John Woolman and the Slave Girl... P. 23.

⁴⁰⁰ Beecher Stowe, H.E. Uncle Tom's Cabin, or, Life Among the Lowly. – N.Y.: Penguin Books, 1998. P. 67-68.

⁴⁰¹ Fager, Ch. John Woolman and the Slave Girl... P. 3.

англоязычной культуре приобрело новые оттенки значения. Первый из этих оттенков связан с историей библейской Руфи, которая, как и приехавшие на американский континент пуритане, когда-то покинула свою родину; эта ассоциация способствовала популярности имени среди переселенцев⁴⁰². Вторым оттенком создается омонимичностью имени с английским словом “*ruth*”, переводимым как «сострадание; сожаление»⁴⁰³. Первоначальный же библейский смысл имени нередко переводят как «компаньон», или, что особенно интересно в квакерском контексте – «друг»⁴⁰⁴.

Говоря о «квакерском» своеобразии рассказа, нужно отметить, что Фэйгер тщательно воссоздаёт квакерскую речь с её характерной лексикой (в частности, обращение всех квакеров друг к другу на «ты» – *thou*). Однако ещё важнее, конечно, интегрированность квакерской специфики на содержательном уровне рассказа. Нравственная дилемма, перед которой оказывается в рассказе Джон Вулмен – это выбор между двумя важнейшими квакерскими идеалами: идеалом сострадания (особенно угнетённым) и идеалом правдивости (т.н. «Свидетельство о правде», *Testimony to Truth / Integrity*). Из всех религиозных сообществ Америки квакеры, возможно, в наименьшей степени ответственны за столетия рабства; именно Друзья в своё время стали одними из первых аболиционистов, в том числе и усилиями Вулмена.

И тем не менее, в рассказе Вулмену отводится роль человека, не сумевшего помочь невольнице обрести свободу, и не нашедшего достаточно убедительного для неё оправдания своего решения. Горькие упрёки Руфи, обращённые к Вулмену, как представителю подчинившей её народ нации, трудно назвать необоснованными. Но финал рассказа открыт, и к тому же знакомый с историей квакерства читатель, несомненно, с высоты времени знает, что Руфь и её родные, скорее всего, всё-таки обрели свободу, самое

⁴⁰² Dunkling, L., Gosling, W. *The Facts on File: Dictionary of First Names*. – N. Y., 1983. P. 246.

⁴⁰³ Эл. ресурс: Merriam Webster Dictionary Online (дата обращения: 14.02.2023).

⁴⁰⁴ Kolatch, A.J. *The Jonathan David Dictionary of First Names*. – N.Y., 1980. P. 464.

позднее, в 1776 году, когда квакеры окончательно отказались от рабовладения⁴⁰⁵; но этого момента им нужно было ждать ещё девятнадцать лет.

Рассказ «Джон Вулмен и девочка-рабыня», безусловно, представляет большой интерес и как пример фикционального эксперимента, проведённого на материале биографии реального исторического лица, и как текст, аккумулировавший в себе целый ряд ключевых топосов аболиционистского и афроамериканского литературных дискурсов. Кроме того, одной из ключевых в нём следует признать проблематику *исторической памяти*. Будучи убеждённым квакером, посвятив «Обществу Друзей» всю свою жизнь и творчество, Фэйгер, тем не менее, в этом рассказе, по-видимому, далёк от идеализации квакерской истории⁴⁰⁶. В данном отношении его можно назвать продолжателем традиции великого романтика Натаниэля Готорна, чей интерес к пуританскому прошлому Америки, усиленный личной родственной связью с этим прошлым, чувством ответственности за него, побуждал писателя к глубоко сострадательному, но вместе с тем трезвому, переосмыслению своей семейной – а вместе с ней национальной – истории. К такому же осмыслению драматических страниц национального прошлого стремится и Чак Фэйгер, ведя за собой читателя, и этому немало способствует избранная автором оптика, которая позволяет читателю практически в равной степени идентифицироваться с обоими главными героями рассказа.

Рассмотрев посвящённый Вулмену биографический рассказ, обратимся теперь к более крупным формам – а именно, романизированной биографии и биографическому роману.

---

⁴⁰⁵ Osmond, W.S. The Influence of John Woolman on the Quakers' Antislavery Position... P. 8.

⁴⁰⁶ Религия «Друзей», с ее акцентом на терпимости, равноправии, интернационализме, закономерным образом, также нередко идеализируется. Ярким примером может послужить книга американского публициста Дэвида Йонта «Квакеры, создавшие Америку» (Yount D. How the Quakers Invented America. – Rowman & Littlefield Publishers, 2007. 192 p.), в которой, по замечанию рецензента, «Всё хорошее, что есть в Америке, приписывается квакерскому наследию, а всё плохое относится на счёт не-квакеров» (Frost, J.W. How the Quakers Invented America (review) // Quaker History. 2008, Vol. 97, No. 1. P. 68).

2.6. Джон Вулмен – герой романизированной биографии и биографического романа

Жизни Джона Вулмена посвящены, по имеющимся у нас данным, два текста, которые можно отнести к документально-художественным жанрам романизированной биографии и биографического романа. Первая из них увидела свет в 1942 г.: это книга Джэнет Уитни под названием «Джон Вулмен, американский квакер» (*John Woolman; American Quaker*)⁴⁰⁷. Вторая вышла в 1954 г. из-под пера Кэтрин Оуэнс Пир; она называется «Джон Вулмен: дитя света» (*John Woolman; Child of Light*)⁴⁰⁸. Обе книги – плоды серьёзных исторических разысканий авторов, и всё же основная их структура, как и в случае с более ранними рассказами о Вулмене (такими, как, например, «Истории сестры Руфи»), по-прежнему базируется на «Дневнике». Поэтому обоснованным представляется их рассмотрение в рамках изучения рецепции текста Вулмена.

В дальнейшем, рассматривая книги Уитни и Пир, мы предложим доводы в пользу обозначенной выше жанровой идентификации. Однако, предваряя обращение к этим текстам, следует остановиться на некоторых особенностях романизированной биографии, биографического романа и смежных с ними жанров в целом. Разноликим англоязычным наименованиям – *novelized biography, biographical novel, biofiction* – в русском языке, с той или иной степенью эквивалентности, соответствуют такие термины, как романизованная (художественная, беллетризованная) биография, биовымысел, биографический роман, документально-художественная биография. Нюансы значения каждого из них остаются темой дискуссий, однако, если рассматривать данные жанры в совокупности, можно говорить о некоторых отличительных их чертах. Достаточно устоявшимся является мнение, что главное отличие такого рода биографий от биографий

⁴⁰⁷ Whitney, J. *John Woolman: American Quaker.* – L.: George G. Harrap & Co. Ltd., 1942. 432 p.

⁴⁰⁸ Peare, C.O. *John Woolman: Child of Light; The Story of John Woolman and the Friends.* – N.Y.: The Vanguard Press, 1954. 256 p.

нехудожественных (научных, популярных и др.) – это бóльшая степень субъективности автора, пристрастная трактовка излагаемых им фактов⁴⁰⁹.

Интенсивное развитие этих жанров продолжается уже около столетия, и за это время они прошли немалый путь и в плане эстетических возможностей, и в плане литературного статуса: когда-то порицаемые за свою «незаконнорождённость», казавшуюся заведомо обречённой попытку сочетать факт с вымыслом, сегодня они ценятся именно за свою эстетическую «гибридность». Об этом пишет один из современных специалистов в области *biofiction* Майкл Лэки в своих книгах «Правдивый вымысел: беседы с американскими биографическими романистами» (2014) и «Американский биографический роман» (2016).

Лэки обращает внимание на парадокс: жанр биографического романа начал стремительно набирать популярность в 1930-е гг., но тогда же, удивительным образом, подвергся решительной «делигитимизации» в глазах мэтров литературного сообщества⁴¹⁰. Писатели указывали на невозможность практического соединения факта и вымысла (так, Вирджиния Вулф считала, что жизнь человека либо описывается достоверно, и тогда это биография, либо создаётся живой, «дышащий» герой, но тогда это роман⁴¹¹), литературоведы – на эстетическую ограниченность жанра, неизбежно преувеличивающего биографическое в ущерб историческому (Дьёрдь Лукач⁴¹²).

Если биография – акт *репрезентации*, то художественная литература – акт *создания*⁴¹³, и органично соединить их действительно непросто. Дискуссия продолжилась в последующие десятилетия. Многие литературоведы и критики ставили – и ставят до сих пор – в упрёк пограничной документально-

⁴⁰⁹ Соболевская О.В. Биография // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 91.

⁴¹⁰ Lackey, M. *The American Biographical Novel*. – N.Y.: Bloomsbury, 2016. P. 1.

⁴¹¹ Woolf, V. *The Death of the Moth and Other Essays*. – L.: The Hogarth Press, 1942; see: Lackey, M. (ed.) *The American Biographical Novel...* P. 6.

⁴¹² Lukács, G. *The Historical Novel*. – Lincoln: University of Nebraska Press, 1962; see: Lackey, M. *The American Biographical Novel...* P. 2.

⁴¹³ Lackey, M. *The American Biographical Novel...* P. 22.

художественной литературе её склонность к «формульности», а также саму её популярность, воспринимаемую как симптом кризиса художественного воображения у писателей⁴¹⁴. В то же время, в защиту жанра биографического романа выдвигался аргумент, что он по своей природе ничем не уступает роману историческому (Ирвинг Стоун, 1957)⁴¹⁵. Тем не менее, несмотря на происходившее в 1960–90-х гг. существенное улучшение статуса документально-художественных жанров, они ещё долгое время оставались маргинальными. «Узаконенными» они стали только на рубеже XX–XXI вв. благодаря принятию идей постмодернизма и, соответственно, отказу от чёткого разделения факта и вымысла, биографии и романа, исторической личности и литературного героя⁴¹⁶. Любые герои и сюжеты, согласно постмодернистскому подходу, так или иначе базируются на реальном опыте автора, а потому не могут считаться абсолютно фикциональными⁴¹⁷.

Обращаясь к проблеме разграничения романизированных биографий (*fictional biographies*) и биографических романов (*biographical novels*), М. Лэки указывает на такие критерии их различия⁴¹⁸: в романизированных биографиях основная задача автора – отобразить всю жизнь, или же какой-то аспект жизни, реальной исторической фигуры максимально (с точки зрения этого автора) *достоверно*; авторы же биографических романов отказываются от такого стремления: их цель – на материале биографии героя показать *своё* видение жизни, мира и персонажа.

Извечными вопросами, стоящими перед автором романизированной биографии / биографического романа, остаются вопросы: что важнее – буквальная правда исторического факта или драматическая правда о душевной жизни героя?⁴¹⁹ И если говорить о душевной жизни героя – задаётся вопросом

---

⁴¹⁴ Ibid. P. 26.

⁴¹⁵ Lackey, M. (Ed.). *Truthful Fictions: Conversations with American Biographical Novelists*. – N.Y.: Bloomsbury, 2014. P. 10.

⁴¹⁶ Ibid. P. 25.

⁴¹⁷ Lackey, M. *The American Biographical Novel...* P. 31-32.

⁴¹⁸ Ibid. P. 20.

⁴¹⁹ Lackey, M. *The American Biographical Novel...* P. 7.

автор романа «Вся королевская рать» Роберт Пенн Уоррен – может ли писатель претендовать на знание внутреннего мира своего персонажа, «недокументируемого внутреннего мира»?⁴²⁰ Вопросы эти остаются темой дискуссий, и в дальнейшем мы будем к ним возвращаться.

Не будет сильным преувеличением сказать, что книга британско-американской квакерской писательницы **Джэнет Пейн Уитни «Джон Вулмен, американский квакер»** (1942) – в значительной мере, энциклопедия целой эпохи. Прослеживая путь своего героя, Уитни находит и мастерски подсвечивает бесчисленные нити, связывающие опыт Вулмена с опытом его современников в разных уголках планеты, вплетающие его время в контекст мировой истории. Уитни соединяет в себе добросовестного, внимательного к деталям историка с наделённым художественным воображением романиста. Это сочетание вполне объясняется её собственной биографией.

Родилась будущая писательница (1894–1974) в Великобритании. По её признанию, уже с раннего детства она увлеклась не только чтением, но и сочинительством, постоянно придумывая и записывая рассказы для семьи и друзей. Увлечение художественной литературой было для неё главным в первые двадцать лет жизни. Однако в 1914 г., с началом Первой мировой войны, интерес к фикциональным мирам отошёл для девушки на второй план, уступив место увлечению историческими сюжетами. Этому же способствовало замужество писательницы и её переезд за океан, в США. По словам самой Уитни, зародившийся в этот период интерес к истории был для неё «более зрелым, серьёзным [...], написание же биографий стало закономерным продолжением этого интереса»⁴²¹.

Романизированные биографии заняли основное место в творчестве Уитни. Среди её исторических героев – известная квакерская активистка Элизабет

⁴²⁰ Lackey, M. (Ed.). Truthful Fictions... P. 3.

⁴²¹ Whitney, J. Abigail Adams. – Boston: Little, Brown and Company, 1947. 358 p. Цитируемый биографический очерк помещён на обороте суперобложки издания.

Фрай (1780–1845), внесшая огромный вклад в реформу тюремной системы Британии (*Elizabeth Fry: Quaker Heroine*, 1937), её последовательница, квакерея Джеральдин Кэдбери (1864–1941) (*Geraldine S. Cadbury*, 1948), первая леди США в 1797–1801 гг. Эбигейл Адамс (*Abigail Adams*, 1947). Джон Вулмен стал вторым по порядку квакерским героем Уитни – книга о нём вышла в 1942 г. (*John Woolman; Quaker*).

В случае с Вулменом перед Уитни стояла непростая задача. С одной стороны, в её распоряжении был бесценный первоисточник – автобиография самого героя; с другой стороны, на детали, необходимые для «романизации» повествования – детали личной, семейной, бытовой жизни – этот текст весьма скуп. Неслучайно один из критиков ещё в 1914 г. сетовал: «Единственное, в чём нам хочется упрекнуть Джона Вулмена – это в том, что, будучи человеком совершенно не от мира сего, он опускает в своём повествовании многие факты о себе самом и своей эпохе, которые мы были бы очень рады узнать»⁴²². Об этом же неизбежно возникающем у читателя любопытстве пишет и Э. Ливсэй: «Что [Вулмен] имеет в виду, благодаря Господа за дарованную ему силу? Как реагировали на его слова единоверцы? Спорил ли он с женой? С редакторами? Он ни разу не рассказывает...»⁴²³. Сама Уитни отмечает «безличность» Вулмена в упоминании членов семьи⁴²⁴. В свою очередь, одна из современных читательниц, говоря о том, что в «Дневнике» слишком много места занимают рутинные детали поездок в ущерб зарисовкам быта и эпохи, признаётся: «Возможно, гораздо больше по вкусу мне пришлась бы биография Вулмена»⁴²⁵.

Стремясь восполнить эти пробелы, Уитни поставила своей задачей, сохранив верность документальному первоисточнику, в то же время расширить поле зрения, заданное традициями квакерской духовной автобиографии.

⁴²² Thayer, William Roscoe. *Biography / Lectures on The Harvard Classics* // Ed. by W. A. Neilson. – N.Y.: P.F. Collier & Son Corporation, 1914. P. 174.

⁴²³ Livesay, E.K. *John Woolman: Persona and Person...* P. 3.

⁴²⁴ Whitney, J. *John Woolman: American Quaker...* 36.

⁴²⁵ Электронный ресурс:

https://www.goodreads.com/review/show/639701617?book_show_action=true&from_review_page=1 (Дата обращения: 15.01.2023 г.).

Необходимо было показать главного героя, личность возвышенного склада, во всей полноте его человеческого опыта, преодолев агиографическую суженность, характерную для сложившегося канона его изображения. (Примечательно, что в эти же годы над похожей литературной задачей работал Теодор Драйзер, о чём речь пойдёт позднее (п. 2.7).)

По признанию критиков, знатоков квакерской истории Г. Кэдбери и Ф.Толлеса, своей цели Уитни достигла. Кэдбери отмечает: «Чтобы создать образ человека столь чуткой, совестливой души, автору нужно проявить не меньше чуткости, и миссис Уитни справилась с этим. Нельзя не заметить, что свою работу она выполнила *con amore*»⁴²⁶. При этом, подчёркивает Кэдбери, Уитни сумела избежать сентиментализации героя. Так, например, писательница отнюдь не обходит молчанием «причуды» своего героя, «с годами всё более странные» (такие, как полный отказ от окрашенной одежды, от сахара и др.), не преуменьшает их – но и не преувеличивает⁴²⁷. Особую ценность произведению Уитни, по мнению Кэдбери, придаёт её глубокое, безупречное знание квакерства (как британского, так и американского) изнутри. «Квакер» и по сей день является ценным источником сведений о жизни и эпохе Вулмена; тем не менее, в исторической составляющей текста встречаются фактические ошибки⁴²⁸, поэтому безоглядно полагаться на историческую точность текста, безусловно, нельзя.

В книге Уитни сорок четыре главы. Повесть о жизни самого Вулмена предваряется двумя главами, в которых Уитни рассказывает о приходе на американский континент европейских поселенцев, а также о родословной главного героя. Послесловием к истории Вулмена служит «Эпилог». **Композиция** книги воспроизводится в композиции большинства глав: открываясь «общим планом» – описанием исторической обстановки, веяний

⁴²⁶ Cadbury, H.J. John Woolman: American Quaker, by J. Whitney // Book Reviews... P. 485.

⁴²⁷ Ibidem.

⁴²⁸ Pickett, R.H. A Religious Encounter: John Woolman and David Zeisberger... P. 91.

эпохи – повествование затем переходит к «крупному плану», затрагивающему события как внешней, так и внутренней, душевной жизни Вулмена.

Основному тексту предшествует **эпиграф** из знаменитых «Четырёх квартетов» Томаса Стернза Элиота, а точнее, из третьей поэмы под названием «Драй Сэлвейджез», впервые опубликованной лишь за год до книги Уитни⁴²⁹: “...to apprehend / The point of intersection of the timeless / With time, is an occupation for the saint”⁴³⁰ (в русском переводе А. Сергеева, с несколько изменённым порядком слов: «...находить / Точку пересечения времени / И вневременного – занятие лишь для святого»⁴³¹).

Закрепившийся в каноне изображения Вулмена мотив святости, таким образом, актуализируется уже в эпиграфе книги Уитни. Тем не менее, следует вновь подчеркнуть, что, хотя этот мотив встречается и в эпиграфе, и в основном тексте, говорить о дальнейшем процессе агиографизации образа Вулмена в книге Уитни было бы, на наш взгляд, некорректно – скорее, напротив, писательница стремилась к «выравниванию» образа своего персонажа, акцентируя внимание не только и не столько на возвышенных сторонах его натуры, сколько на «земных» его чертах. Сама публикация книги в 1942 г., в определённой мере, подвела черту под сентиментально-«агиографической» эпохой в восприятии Вулмена и стала предвестием скорого всплеска интереса к его фигуре и наследию с академической точки зрения.

Смысл избранного Уитни эпиграфа, безусловно, не исчерпывается мотивом святости, но раскрывается глубже, особенно если обратиться к непрочитанному в эпиграфе продолжению элиотовских строк о «занятии [...] лишь для святого»: «...И не занятие даже, но нечто такое, / Что даётся и отбирается / Пожизненной смертью в любви, / Горении, жертвенности и

⁴²⁹ Толмачев В.М. Томас Стернз Элиот // История литературы США. Том VI. Книга 2. Литература между двумя мировыми войнами. Том VI. Книга 2. – М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 56.

⁴³⁰ Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 2.

⁴³¹ Элиот Т.С. Полые люди / Пер. А.Я. Сергеева. – СПб.: ООО «Издательский дом “Кристалл”», 2000. С. 199.

самозабвении»⁴³² (*No occupation either, but something given / And taken, in a lifetime's death in love, / Ardour and selflessness and self-surrender*). Строки эти словно отсылают к тексту «Дневника». Однако развёрнутый анализ взаимодействия эпиграфа из Элиота, текста Уитни и текста самого Вулмена, на наш взгляд, должен составить тему отдельного исследования, ведь «Четыре квартета», по мнению элиотоведов – одно из сложнейших поэтических произведений великого модерниста⁴³³. Потому ограничимся пока лишь двумя небольшими наблюдениями.

Во-первых, неслучайной кажется сама фигура Элиота как автора эпиграфа к книге о Вулмене – ведь в их судьбах есть определённые параллели: оба были глубоко религиозными людьми, уроженцами Нового Света, которых судьба привела в Британию. Во-вторых, обращает на себя внимание тот факт, что звучащая в эпиграфе тема времени чрезвычайно важна для текста Уитни. Время в «Квакере» – это и 1) время индивидуальной жизни Джона Вулмена, события его эпохи, калейдоскоп имён его знаменитых современников, и 2) историческое Время, охватывающее «незапамятные времена»⁴³⁴ доколумбовой Америки и простирающееся к современности, где по древним индейским тропкам проносятся скоростные поезда⁴³⁵. Цитируя те же строки из «Драй Сэлвейджем», которые приведены Уитни, современный американский учёный Бенджамин Локерд пишет о христианском чувстве истории, присущем Элиоту – чувстве, что благодаря событию воплощения Христа «любое время и место обретает глубинный смысл, становясь “точкой пересечения времени / И вневременного”»⁴³⁶. Подобное чувство истории пронизывает и текст Уитни.

⁴³² Элиот Т.С. Полые люди / Пер. А.Я. Сергеева... С. 199.

⁴³³ Кобахидзе Т.Д. Миф и мелос в «Четырёх квартетах» Т.С. Элиота // Литература двух Америк. № 13, 2022. С. 179.

⁴³⁴ Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 22, 29, 303.

⁴³⁵ Ibid. P. 281.

⁴³⁶ Локерд Б. Т.С. Элиот и чувство истории // Литература двух Америк. 2022. № 13. С. 147. (Пер. с англ. Т.А. Пирусской.)

Время в «Квакере»⁴³⁷, с одной стороны, разворачивается последовательно, с другой – созерцается Уитни как «всезнающим автором» в своей целостности. В тексте будто сосуществуют и вся эпоха Вулмена, и эпохи до и после его жизни. Пользуясь терминологией Жерара Женетта, можно отметить, что текст изобилует **пролепсисами**. Например, в рассказе о самых ранних годах Вулмена говорится: *«Американец во втором поколении, дитя роскошных долин, вольных лесов и неизведанных пространств континента, он никогда в своей жизни не видел города, обнесённого стеной [...]. И, тем не менее, именно в таком городе ему было суждено умереть»*⁴³⁸. (Вулмен умер в британском городе Йорке.)

Упомянув, таким образом, уже при описании детства Вулмена обстоятельства последних дней своего героя, Уитни с самого начала создаёт в тексте перспективу единомоментного созерцания его жизни. Счастливое детство в природном мире, свободном от рукотворных границ, и противопоставленные ему последние дни в городе-крепости, предстают в тексте Уитни своего рода метафорой жизни Вулмена, как человека, с годами всё глубже переживавшего степень несвободы и закрепощения, пронизывающих общественное устройство.

Пролепсисы используются автором и в дальнейшем повествовании. Так, рассказывая о молодых годах Вулмена и его встречах с сестрой, Уитни пишет: *«Сидя за чашечкой чая с Элизабет [...], Вулмен видел вокруг себя благородную простоту, равно чуждую как грубости и топорности, так и пышности – такую простоту, которою будет дышать впоследствии его собственный дом»*⁴³⁹.

Встречаются и аналепсисы, неожиданно отсылающие к событиям прошлого – например, комментируя размышления Вулмена о рабовладении в Виргинии, Уитни отмечает: *«Много воды утекло по реке Джеймс с тех пор, как однажды, в невыносимо жаркий день августа 1620 года здесь появился [...]*

⁴³⁷ Здесь и далее мы будем, во избежание слишком частых повторов имени Вулмена, использовать в качестве названия книги Уитни её подзаголовок – «Квакер».

⁴³⁸ Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 28.

⁴³⁹ Ibid. P. 88.

корабль; с любопытством рассматривая новое поселение, прибывшие на корабле извлекли немалую выгоду, предложив измождённым тяжким трудом английским джентри купить двадцать чернокожих рабов»⁴⁴⁰. Обратный «скачок» во времени можно заметить и в главе, где Вулмен предаётся воспоминаниям о событиях пятилетней давности – организованной при его содействии квакерской свадьбе его младших друзей Уильяма и Дайдо – людей, родившихся в статусе рабов, но впоследствии освобождённых⁴⁴¹.

Описывая индейский посёлок, посещённый Вулменом – Виалусинг – Уитни на мгновение бросает взгляд на двадцать лет назад, когда в этот же посёлок прибыл квакерский ботаник Джон Баттрам, – а затем, как уже упоминалось выше, переводит его на 1940-е гг., когда старинная тропка, ведущая в посёлок, стала железной дорогой, по которой проносятся скоростные поезда⁴⁴². В свою очередь, упоминая визит Вулмена в Бирмингем, писательница отмечает, что спустя два года этот город стал центром производства паровых машин⁴⁴³. Эти и аналогичные заметки усиливают **«кросс-темпоральную»** перспективу повествования.

Наряду с «кросс-темпоральной» перспективой, в тексте регулярно обнаруживается перспектива **«кросс-культурная»**. Так, описывая общественные взгляды Вулмена, Уитни приводит интересные сопоставления со взглядами Вольтера, Руссо и Франклина⁴⁴⁴. *«Великий француз Вольтер»*, – пишет Уитни, – *«главный, самый влиятельный мировой мыслитель XVIII века, много писал о свободе как абстрактной категории. Вулмен, обладавший большинством свобод, о которых говорил Вольтер, был поглощён страстью к свободе в самом конкретном смысле – к желанию освободить своих*

---

⁴⁴⁰ Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 118.

⁴⁴¹ Ibid. P. 331-333.

⁴⁴² Ibid. P. 281.

⁴⁴³ Ibid. P. 379.

⁴⁴⁴ Ibid. P. 171, 279, 328.

соотечественников, как чёрных, так и белых, как порабощённых, так и поработителей – от ига рабовладельческой системы»⁴⁴⁵.

Генри Кэдбери хвалит Уитни за отображение колорита эпохи и местности: «Она воссоздаёт и всеобщую, и региональную историю, и тем самым восполняет то, чего недостаёт в достаточно интроспективном “Дневнике” самого Вулмена»⁴⁴⁶. И действительно, к истории, изложенной в «Дневнике», Уитни добавляет то, чего в ней недостаёт многим читателям (см. п. 2.9) – яркий, пёстрый контекст современной Вулмену эпохи, аналогии из мировой истории.

Подходя почти что к мифопоэтическому анализу «Дневника», Уитни пишет, что, подобно тому как воображение «детей древних Персии [...] и Греции» пленили сказочные земли мифов, «маленький американец Джон Вулмен грезил садами Эдема»⁴⁴⁷. В рассказе о методах борьбы с бичом эпохи – оспой – взгляд Уитни вновь выходит далеко за пределы Нового Света: так, писательница рассказывает о процедуре инокуляции, на которую пошла российская императрица Екатерина II. Наряду с Екатериной Великой, на страницах «Квакера» регулярно появляются и другие государственные деятели разных стран: Фридрих Великий, Джордж Вашингтон, Джон Адамс, Томас Джефферсон, Карл II, министр Людовика XV Шуазель, королева Виктория. Упоминаемые события из жизни исторических личностей соотносятся с возрастом Вулмена: «Франклин, когда Вулмену было три года...»⁴⁴⁸; «Вполне возможно, что тем июньским днём [14-летний] Вашингтон и [25-летний] Вулмен видели друг друга на улице и обменялись парой приветственных слов...»⁴⁴⁹.

В созвездие знаменитых имён, возникающих на страницах «Квакера», входят и великий французский мыслитель Блез Паскаль, и многие его соотечественники – уже упоминавшийся ранее (п. 2.3) богослов-квиедист

⁴⁴⁵ Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 171.

⁴⁴⁶ Cadbury, H.J. John Woolman: American Quaker, by J. Whitney... P. 486.

⁴⁴⁷ Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 27.

⁴⁴⁸ Ibid. P. 68.

⁴⁴⁹ Ibid. P. 106.

Фенелон, знаменитые просветители Дидро, Гельвеций, Монтескье, и, наконец, сподвижник Вулмена Энтони Бенезет. Англоязычный мир представлен многочисленными ссылками на Шекспира, Мильтона, Ричардсона, Шелли, Вордсворта, а также именами Эндрю Карнеги и других известных предпринимателей и филантропов XIX–XX вв.⁴⁵⁰

Калейдоскоп исторических образов усиливает не только кросс-культурную перспективу, но, в совокупности с многочисленными цитатами из различных источников (корреспонденции, мемуаров, документальных произведений писателей эпохи⁴⁵¹; наконец, самого «Дневника»), также и документальную составляющую текста. Уитни цитирует, среди прочего, «Исторический и географический отчёт о провинциях Пенсильвания и Нью-Джерси»⁴⁵² известного квакерского автора Габриэля Томаса; приводит любопытные сведения о квакерах, их обычаях, нормах поведения, реалиях⁴⁵³. Текст изобилует сносками и примечаниями. По наблюдению современной исследовательницы Ю.З. Бобковой, цитирование в тексте художественной биографии различных документов, писем, дневниковых записей – это «ведущее языковое средство, служащее залогом правдивости излагаемого», аутентичности изображаемого⁴⁵⁴. Это даёт читателю возможность «услышать» голос прототипа⁴⁵⁵.

Голос прототипа, наряду с голосом «всезнающего автора», действительно играет в тексте Уитни важнейшую роль. Этому служит не только регулярное цитирование «Дневника», будь то короткие фразы или целые абзацы, но и обилие в тексте несобственно-прямой речи «от лица» Вулмена («*Как он часто*

⁴⁵⁰ Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 163.

⁴⁵¹ Например, из «Путешествия по всему острову Великобритания» Даниэля Дефо (Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 368).

⁴⁵² Перевод Е.М. Апенко; см. Апенко Е.М. Литература средних колоний // История литературы США. Т. I: Литература колониального периода и эпохи Войны за независимость. XVII – XVIII вв. – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 1997. С. 286.

⁴⁵³ Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 31, 46, 55.

⁴⁵⁴ Бобкова Ю.З. О характере субъектно-объектного взаимодействия в художественной биографии // Вестник Российского гос. университета им. И. Канта. 2009. Вып. 2. С. 46, 49.

⁴⁵⁵ Бобкова Ю.З. О характере... С. 47.

говорил сам себе...»⁴⁵⁶ и т.п.). Между тем, с размышлениями от лица Вулмена порой эффектно «монтируется» присущий «Квакеру» академический, местами совершенно безличный, «энциклопедический» тон: *«К 17 июля он прибыл в Бирмингем [...]. Бирмингем был центром изготовления металлических изделий для всей Англии и Европы в целом. Здесь производились железные котелки и сковородки, вилы, лемехи, серпы, шарниры, гвозди и тому подобное; а ещё кандалы для невольников»*⁴⁵⁷.

Композиция и стилистика «Квакера» во многом повторяет композицию и стилистику самого «Дневника»: обширные документальные фрагменты, которыми изобилует книга, чередуются с тонкими лирическими зарисовками. Одна из них встречается в описании путешествия Вулмена в Виалусинг, совершённого им вместе с другом Бенджамином Парвином: *«Расставшись с Уильямом, двое друзей, преисполненные чувством покоя – того покоя, которое даруется сознанием выполняемого долга, отправились дальше вслед за своими тремя индейскими проводниками; оба путника, по натуре жизнелюбивые, наслаждались утренней свежестью, и не позволяли “чуть слышной мелодии людской печальной”*⁴⁵⁸ *умалить радость созерцания рассвета, жемчужных переливов реки и росистых цветов, счастье слышать пение птиц»*⁴⁵⁹.

Вспоминая свои первые детские шаги в литературе – романы-фельетоны (*serial stories*), сочинённые для друзей – Уитни отмечала, что уже тогда заботилась о том, чтобы каждый выпуск заканчивался на интригующем моменте⁴⁶⁰. Примечательно, однако, что в биографии Вулмена она практически не использует этот приём – её манера повествования отличается размеренностью и предсказуемостью. Итог почти каждой главе подводит какая-либо цитата из «Дневника»: наибольшим авторитетом пользуется «голос» самого Вулмена, за ним и «последнее слово».

⁴⁵⁶ Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 224.

⁴⁵⁷ Ibid. P. 379. Выделенный шрифт наш. – Д.А.

⁴⁵⁸ Перевод В.В. Рогова. См.: Вордсворт У. Избранная лирика. – М.: Радуга, 2001.

⁴⁵⁹ Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 279.

⁴⁶⁰ Whitney, J. Abigail Adams... (Биография автора на суперобложке.)

«Голос» Вулмена в книге Уитни проявляется в трёх аспектах: 1) как мы уже отметили, в тексте регулярно приводятся цитаты из «Дневника»; 2) опираясь на изложенные в «Дневнике» сведения, Уитни пытается воспроизвести ход «невысказанных мыслей» Вулмена; 3) затрагивая более глубокие слои психики, бессознательное своего героя, Уитни подходит близко к психоаналитическим интерпретациям⁴⁶¹. Она предполагает, что стоит за фразами «Дневника»⁴⁶², реконструирует мотивацию Вулмена (например, почему он не стал фермером⁴⁶³), раскрывает «недосказанное»⁴⁶⁴ или замаскированное автобиографом (пример: «...за этой метафорой чувствуется сила его тоски по дому»⁴⁶⁵).

Характеризуя писательскую манеру Уитни в «Квакере», можно сказать, что основной используемый ею метод – развёртывание текста «Дневника», его комментирование и драматизация⁴⁶⁶. В этом отношении она следует по стопам анонимного автора «Историй сестры Руфи». Как точно подмечает Кэдбери, «Несомненно, миссис Уитни плодотворно использует мельчайшие намёки, которые позволяют воссоздать личные [...] факты жизни Вулмена»⁴⁶⁷.

Например, описывая юные годы своего персонажа, Уитни предполагает, что в то время Вулмен, часто бывая в гостях у своего друга, обладателя прекрасной библиотеки, читал «Дон Кихота» Сервантеса, «Утопию» Томаса Мора и «Потерянный рай» Джона Мильтона⁴⁶⁸. Ф. Толлес в своей рецензии обращает на этот момент особое внимание, как на слишком вольное допущение⁴⁶⁹, которое Уитни делает, смело приравнивая образ жизни своего

⁴⁶¹ Тамарченко Н.Д. Интроспекция психологическая // Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий. – М.: Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. С. 83-84.

⁴⁶² Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 53.

⁴⁶³ Ibid. P. 65.

⁴⁶⁴ Ibid. P. 54, 122.

⁴⁶⁵ Ibid. P. 385.

⁴⁶⁶ Ibid. P. 26.

⁴⁶⁷ Cadbury, H.J. John Woolman: American Quaker, by J. Whitney... P. 486.

⁴⁶⁸ Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 45.

⁴⁶⁹ Tolles, F.B. John Woolman: American Quaker, by J. Whitney // American Literature. Vol. 15, No. 1. 1943. P. 74.

героя к образу жизни его друзей и недостаточно учитывая специфику его личности и семьи Вулменов.

По мнению Толлеса, Уитни в своей биографии стремилась «очеловечить», «приземлить» образ Вулмена, заполняя туманный абрис событий, данный в «Дневнике», осязаемыми, яркими деталями быта. Но сумела ли она при этом показать читателю достоверный образ самого Вулмена? – задаётся вопросом Толлес⁴⁷⁰. По его мнению, в таких эпизодах, как чтение светской (отвергаемой ранним квакерством) литературы, Уитни излишне драматизирует внутренние борения Вулмена между светской и духовной сторонами жизни, в попытке придать своему герою больше «человеческих» черт, которых не хватает в агиографическом портрете героя «Дневника»⁴⁷¹. Неслучайными в этом контексте представляются и предлагаемые Уитни эффектные сравнения Вулмена с героями мировой литературы – в частности, с Гамлетом⁴⁷².

Толлес верно подмечает элемент драматизации, присущий книге Уитни. Но эта драматизация и «очеловечивание» проявляется не только в акцентировании внутренних конфликтов Вулмена, но и в некоторых других аспектах. Так, Уитни регулярно подчёркивает, что Вулмен, несмотря на глубоко переживаемые им проблемы общества, был в личном плане человеком жизнерадостным. Уже открывающая «Дневник» фраза, по мнению Уитни – это «декларация счастливого человека»⁴⁷³. Исполнены тепла описания семейной жизни Вулмена, его общения с дочерью Мэри. Вновь стремясь восполнить лакуны «Дневника», Уитни «достраивает» некоторые из приведённых в нём эпизодов, а также приводит исторические анекдоты из документальных источников, и это позволяет ей показать Вулмена в непривычном свете – как

---

⁴⁷⁰ Tolles, F.B. John Woolman: American Quaker, by J. Whitney... P. 73.

⁴⁷¹ Ibid. P. 74.

⁴⁷² Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 255.

⁴⁷³ Ibid. P. 23, 25.

человека, отнюдь не лишённого чувства юмора⁴⁷⁴, а порой даже весьма насмешливого⁴⁷⁵.

Приближению героя к читателю способствует и по-доброму ироничное наблюдение Уитни, что Вулмену, судя по его рукописям, очень трудно давалась орфография слова *business* – «как и многим из нас»⁴⁷⁶. Подобный штрих к портрету в тексте «Квакера» – уже не черта «бедного портного», чья мнимая неграмотность лишь подчёркивает его превосходство над образованными, но не одарёнными свыше людьми. Для Уитни упоминание об орфографических ошибках, напротив, является способом показать «земную», человеческую природу её почтенного персонажа.

С точки зрения более поздних биографов Вулмена, подход Уитни к созданию более «приземлённого» образа проповедника вполне оправдан. Так, Э.Ливсэй отмечает, что, хотя Вулмена легко изобразить безрадостным аскетом, нельзя игнорировать те моменты в «Дневнике», где он говорит о «сладости жизни»⁴⁷⁷ – о природе, солнце, тепле очага, деревьях в саду, птицах, овцах, дружеской привязанности и «истинной красоте»⁴⁷⁸ лиц людей. Внимательный читатель непременно ощутит любовь проповедника к языку, к построению красивых ясных фраз. Духовное развитие для Вулмена не влечёт за собой презрение к физическому миру, но наоборот, предполагает «сладость и удовлетворение от правильного использования даров видимого мира»⁴⁷⁹.

Нельзя не обратить внимание на один из художественных приёмов, регулярно встречающийся в книге Уитни – **остранение**. Этимология предложенного В.Б. Шкловским термина в «Квакере» зачастую оправдывается

⁴⁷⁴ Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 313.

⁴⁷⁵ Ibid. P. 226, 250.

⁴⁷⁶ Ibid. P. 86. Подмеченный Уитни факт, что Вулмену с трудом давалось написание слова *business*, интересно проинтерпретировать с психологической точки зрения: он лишний раз свидетельствует о том, что, вопреки некоторым собственным утверждениям на страницах «Дневника», по натуре Вулмен всё-таки, видимо, не был прирождённым бизнесменом.

⁴⁷⁷ Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person... P. 31-32. Woolman, J. The Journal... P. 179.

⁴⁷⁸ Woolman, J. The Journal... P. 29.

⁴⁷⁹ Woolman, J. On Loving Our Neighbours as Ourselves // The Journal and Essays of John Woolman / Ed. by A.M. Gummere. – N.Y.: The Macmillan Company, 1922. P. 493.

буквально – употреблением в соответствующих эпизодах лексемы *strange* и её производных. Элементы остранения можно заметить в неожиданных сменах точки зрения – когда некоторые факты вдруг представляются, к примеру, глазами ребёнка, или же супруги Вулмена Сары, а также индейцев, друзей Вулмена, случайно встреченных им людей (так, в рассказе о пешем путешествии Вулмена по Англии отмечается, что *«Общаться с этим незнакомцем было легко: его искренность и непринуждённые манеры вызывали доверие, и ему довелось услышать немало историй...»*⁴⁸⁰).

Яркий пример остранения можно увидеть в сцене первого появления Вулмена на Лондонском Ежегодном Собрании квакеров в 1772 г. Опоздав, из-за задержки в пути, к началу Собрания, Вулмен своим внезапным приходом и необычным (из неокрашенной ткани) одеянием вызвал всеобщее недоумение. Холодный приём со стороны единоверцев глубоко обескуражил проделавшего столь долгий путь проповедника, но в «Дневнике» содержатся лишь сдержанные намёки на произошедшую сцену. Уитни же рисует её во всей драматичности. Согласно тексту «Квакера» (опирающемуся, в свою очередь, на данные Уиттьера⁴⁸¹), произнеся приветственные слова, Вулмен услышал в ответ, что лондонские Друзья ценят его приезд и считают его религиозную миссию выполненной, – а значит, он может тронуться в обратный путь. *«Эта фраза»,* – пишет Уитни, – *«была подобна удару, и в наступившей тишине звенело заключённое в ней чудовищное унижение. Столь резко, да ещё при множестве свидетелей, отвергнуть посетителя, едва удостоив его вниманием, было делом необычайным. Человек в белом вздрогнул, словно не мог поверить своим ушам, а затем сел и закрыл лицо руками...»*⁴⁸². Примечательно, что, согласно переданной Уиттьером истории, к Вулмену в тот момент обратились, используя оксюморонное сочетание «незнакомый/чужой/странный

⁴⁸⁰ Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 382.

⁴⁸¹ Myles, A.G. "Stranger Friend"... P. 56.

⁴⁸² Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 371.

Друг» (*the stranger Friend*)⁴⁸³. Добавленное Уитни словосочетание «человек в белом», в свою очередь, усиливает эффект остранения.

Всё более «странным», как показывает Уитни, с годами представляется Вулмен многим людям, но не менее «странным» видится окружающий мир и самому Вулмену: «Ему была присуща особенность всех гениев: обескураживающий дар видеть мир, словно в первый раз. Запросто сошёл бы он за марсианина – настолько ясен и беспристрастен был его взгляд на общество, и настолько же незаурядные, с точки зрения этого общества, выводы он делал из увиденного»⁴⁸⁴. Даже собственная историческая родина, древняя британская земля, в глазах странствующего квакера становится *terra incognita*: «На сельских дорогах Англии он чувствовал себя таким же первооткрывателем, каким был двумя годами ранее Дэниэл Бун в травянистых саваннах Кентукки»⁴⁸⁵.

Если обратиться к выделенным нами в п. 2.3 **агиографическим** мотивам, характерным для публицистического образа Вулмена, можно отметить, что некоторые из них присутствуют и в книге Уитни. Сам мотив святости, как уже отмечалось ранее, актуализируется уже в эпитафии, а затем встречается и в основном тексте. Дом Вулмена предстаёт как нечто, подобное райской обители⁴⁸⁶, а один раз и вовсе напрямую сравнивается с Эдемом⁴⁸⁷, что представляет собой вариацию житийного мотива «восхваления родины святого». В свою очередь, домашний быт колониальной Америки воссоздаётся Уитни с использованием эпитета *homespun*⁴⁸⁸. Регулярно проводятся аналогии между Вулменом и Франциском Ассизским (реже – с Августином Блаженным). Между тем, такие составляющие агиографического образа Вулмена, как

⁴⁸³ Myles, A.G. "Stranger Friend"... P. 56.

⁴⁸⁴ Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 78.

⁴⁸⁵ Ibid. P. 378.

⁴⁸⁶ Ibid. P. 124, 150.

⁴⁸⁷ Ibid. P. 352-353.

⁴⁸⁸ Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 24.

«неграмотность», а также «бедность», под пером Уитни решительно развенчиваются⁴⁸⁹.

Подытоживая анализ книги Уитни, следует отметить, что текст «Квакера» отличает чувство меры: сочувствуя своему герою, «вживаясь» в его образ и судьбу, биограф, тем не менее, воздерживается от сентиментализации, а привнося яркие детали, не впадает в излишнее фантазирование. Писательница отмечает, что «Вулмен с радостью полностью спрятал бы себя как личность за универсальностью своего опыта; и в той же мере он уважает границы и личную автономию других»⁴⁹⁰. По мнению лингвокультурологов, *privacy* («личная автономия», «частная жизнь») – одна из важнейших для англоязычной культуры категорий⁴⁹¹. Эта категория очень важна для Вулмена. Именно щепетильным отношением к частной жизни других людей биограф объясняет явное стремление Вулмена упоминать в своём тексте минимум имён⁴⁹². Отходя от этой крайности и восстанавливая скрытые автором «Дневника» имена, Уитни, однако, сохраняет вулменовскую осторожность интонации, ничего не утверждая категорично (так, характерно весьма частотное употребление ею слова *perhaps*⁴⁹³).

Напоследок вернемся к вопросу о жанровой принадлежности «Квакера». В наибольшей степени, на наш взгляд, текст соответствует жанру *романизированной биографии*. Джэнет Уитни можно сравнить с Андре Моруа, осуществившему в своих книгах «синтез науки и художественного творчества»⁴⁹⁴, и на первом месте у Уитни – именно историческое исследование. В приложениях к книге приведены такие документы, как письма Вулмена к родным и друзьям, различные брачные свидетельства и т.п.;

⁴⁸⁹ Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 178, 135, 335-336.

⁴⁹⁰ Ibid. P. 50.

⁴⁹¹ Ларина Т.В. 'Privacy', или автономия личности, как важнейший концепт английской культуры...

⁴⁹² Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 50.

⁴⁹³ Ibid. P. 90.

⁴⁹⁴ Попова А.В. Концепция биографического жанра в творчестве А. Моруа // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006, № 11. С. 233.

приводится и хронология путешествий проповедника. Если заимствовать понятия из области кино, то книгу Уитни следует уподобить документальной кинохронике, в которую вмонтирован ряд игровых сцен. Книга же Кэтрин Пир напоминает чисто игровую биографическую ленту.

Опубликованная в 1954 г., через двенадцать лет после «Квакера», книга *Кэтрин Оуэнс Пир «Джон Вулмен, дитя света»* – уже не биография Вулмена с элементами романа, а роман о Вулмене, написанный по мотивам его биографии. Предваряя рассмотрение этой книги, охарактеризуем творчество Пир в целом.

Кэтрин Оуэнс Пир (известен лишь год её рождения: 1911 г.) – американская писательница родом, как и сам Вулмен, из Нью-Джерси; педагог по образованию. В колледже она занималась журналистикой, публиковала стихи и пьесы⁴⁹⁵, но затем стала работать совсем в другой сфере – финансистом на Уолл-стрит⁴⁹⁶. Через пятнадцать лет Пир решилась на значительную перемену и всё-таки посвятила себя литературе, избрав жанр биографических романов для юношества.

Она стала автором, по меньшей мере, двадцати четырёх биографических романов, ради которых изучала архивные источники, путешествовала по местам своих героев. Творческий интерес Пир привлекали государственные деятели (Вудро Вильсон, Рузвельт, Махатма Ганди), мастера литературы (Ирвинг, Китс, Лонгфелло, Диккенс, Жюль Верн, Стивенсон, Твен), люди искусства (Роза Боннэр, Чарльз Уилсон Пил) и науки (Альберт Эйнштейн), и, конечно, её единоверцы – квакеры, среди которых не только Джон Вулмен, но и Уильям Пенн, 31-й президент США Герберт Гувер, а также знаменитая активистка и писательница, слепоглухонемая Хелен Келлер.

⁴⁹⁵ The Continuum Encyclopedia of Children's Literature / Ed. by Bernice E. Cullinan, D. Goetz Person. – N.Y., L.: Continuum, 2005. P. 617.

⁴⁹⁶ Peare, C.O. The Lost Lakes: A Story of the Texas Rangers Peare. – Philadelphia, Toronto: The John C. Winston Company, 1953. 178 p. (Биографические сведения об авторе помещены на суперобложке издания.)

Сама Кэтрин Пир характеризовала свои книги, как адресованные подросткам; она отмечала, что героем каждой из них является «выдающийся представитель какого-либо народа», а в письме к известному афроамериканскому мыслителю Уильяму Дюбуа подчёркивала, что через всю серию её романов красной нитью проходит тема расовой терпимости⁴⁹⁷.

Роман «Дитя света» адресован подросткам и пронизан ненавязчивым, но вполне отчётливым педагогическим пафосом, в котором явно сказывается происходившая в 1950-е гг. активизация Движения за гражданские права. Соответственно построена и его издательская презентация. Так, в аннотации к книге Пир говорится: «Это вдохновляющая история смелого человека. Будучи ещё юношей, Джон Вулмен, великий квакерский лидер, сказал: “Я верю, что свобода – это естественное право всех людей в равной мере”»⁴⁹⁸.

Джэнет Уитни, написавшая рецензию на книгу Пир, отмечает педагогическое значение романа: «Именно на примере таких людей нам [*т.е.* квакерам. – Д.А.] следует воспитывать своих детей; нужно увлекать детское воображение подобными историями, как это делает психологически грамотная Католическая Церковь, рассказывая прихожанам о святых»⁴⁹⁹. (Примечательно в этом контексте, что, хотя книга самой Уитни явно ориентирована на взрослую аудиторию, писательница, тем не менее, посвятила её своему сыну Уильяму⁵⁰⁰.)

По объёму «Дитя света» в два раза меньше, чем «Квакер» Уитни. В тексте Пир 24 главы. Уже первая глава открывается не исторической экспозицией (как у Уитни), а сценой из жизни 8-летнего Вулмена, похожей на одну из первых сцен «Дневника» (ребёнок сидит один и размышляет в тишине). В построении дальнейшего повествования сказывается драматургический опыт Пир:

⁴⁹⁷ Letter from Catherine Owens Peare to W. E. B. Du Bois, August 12, 1950. Эл. ресурс: <https://credo.library.umass.edu/view/full/mums312-b129-i256>

⁴⁹⁸ Peare, C.O. John Woolman: Child of Light; The Story of John Woolman and the Friends. – N.Y.: The Vanguard Press, 1954. 256 p.

⁴⁹⁹ Whitney, J. John Woolman, Child of Light. By C.O. Peare; The Prisoner's Friend: The Story of Elizabeth Fry. By P. Pringle (review) // Bulletin of Friends Historical Association. Vol. 43, No. 2. 1954. P. 120.

⁵⁰⁰ Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 4.

практически весь текст представляет собой ряд сцен, диалогов, а также (внутренних) монологов главного героя, стилизованных под манеру дневниковой речи Вулмена. В основе большинства сцен и диалогов – те или иные эпизоды самого «Дневника», но исповедальный текст преобразуется у Пир в драматическое действие. Одной из функций диалогов при этом становится познавательная: в них кратко поясняются исторические и культурные факты, малознакомые для читателя, особенно юного (в книге Уитни аналогичную функцию, как правило, выполняют сноски и примечания).

В романе Кэтрин Пир большую роль играет **визуальная** составляющая: он изобилует сценами и пейзажами, и, хотя эта черта текста явно отличает его от самого «Дневника», в некоторых из созданных писательницей картин можно заметить продолжение вулменовских метафор. Одной из таких метафор является вода (в «Дневнике» отчётливо прослеживаются негативные значения стоячей воды; текущая же вода, напротив, имеет исключительно позитивный смысл⁵⁰¹). Пир открывает текст речным пейзажем с лодкой, в которой сидит индеец-делавэр, издали увиденный восьмилетним Вулменом⁵⁰². Тишину квакерского собрания Пир сравнивает с «глубоком бирюзовым морем», в которое погружается молящийся⁵⁰³.

Так же, как и Уитни, Пир регулярно включает в текст **несобственно-прямую речь** Вулмена, а также других персонажей. Например, описание одной из трудных поездок завершается словами: *«Усталость? Опасности, подстерегающие путников? Непроходимые лесные тропы? Беспокойные переправы через реку? Что значили все эти невзгоды перед лицом награды, которую он получил? Это было самое плодотворное религиозное путешествие, которое он когда-либо предпринимал!»*⁵⁰⁴. Несобственно-прямая речь

⁵⁰¹ Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person... P. 250-252.

⁵⁰² Peare, C.O. John Woolman: Child of Light... P. 14.

⁵⁰³ Ibid. P. 17.

⁵⁰⁴ Peare, C.O. John Woolman: Child of Light... P. 186-187. Как известно, несобственно-прямая речь часто маркируется восклицательными знаками (Кравченко Э.Я. Несобственно-прямая речь // Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 144.).

используется и в эпизоде поездки Вулмена к индейцам, случившейся во время обострения конфликта: *«Жители индейского посёлка держали ухо востро: приехали белые. Гонцы уже принесли индейцам военные новости. [...] Понимали ли эти англичане, что между двумя народами шла война? Если да, то неужели им не хватило здравого смысла воздержаться от подобных бесцеремонных визитов?»*⁵⁰⁵. Одному из героев книги – клиенту Вулмена, которому было отказано в составлении завещания, содержащего строки о передаче по наследству раба – принадлежит несобственно-прямая речь: *«Этот Вулмен становится настоящим сумасбродом!»*⁵⁰⁶. В этом и других подобных эпизодах ярко реализуется присущий жанрам биографического романа и романизированной биографии потенциал драматизации (авто)биографического материала: так, рассказанная самим Вулменом в «Дневнике» история с выписыванием купчей на продажу рабыни в книге Пир дополняется фикциональным эпизодом, относящимся уже к более поздним годам.

Роман Пир насыщен также и психологической **интроспекцией**, раскрывающей внутренний мир и мышление героя. Писательница стремится показать ход его мысли с помощью метафор. *«“Достучаться до каждого сердца” – с этой мыслью он вернулся в Маунт Холли, с этой мыслью он сидел за своим шитьём. Пальто шьётся не сразу, но множеством стежков, следующих друг за другом в целесообразном порядке, пока, наконец [...] целое изделие не обретёт нужную форму»*⁵⁰⁷. Мысли и чувства героя передаются через физические ощущения: так, решив отныне делать всё, от него зависящее, ради отмены рабства, романый Вулмен осознаёт, что *«никогда прежде не чувствовал себя таким сильным и высоким»*⁵⁰⁸. Заходя уже взрослым человеком в родительский дом, Вулмен *«почувствовал себя слишком крупным. Теперь все комнаты казались такими маленькими»*⁵⁰⁹.

⁵⁰⁵ Peare, C.O. John Woolman: Child of Light... P. 204.

⁵⁰⁶ Ibid. P. 109.

⁵⁰⁷ Ibid. P. 81.

⁵⁰⁸ Ibid. P. 63.

⁵⁰⁹ Ibid. P. 105.

Пир развивает заложенную Уитни традицию художественной драматизации образа Вулмена. «Дитя света» акцентирует внимание на *«противостоянии между естественным мальчиком и святым, глубоко религиозным человеком»*⁵¹⁰. В дальнейшем повествовании демонстрируется и внутренний конфликт между Вулменом-проповедником и Вулменом – процветающим горожанином⁵¹¹. Анализируя духовное становление Вулмена, писательница замечает, что сначала в нём преобладало индивидуалистическое стремление к личной праведности, но затем он достиг более высокого уровня, уровня настоящего проповедника⁵¹².

Драматизации способствует и то, что роман Пир насыщен сценами из личной, семейной жизни Вулмена, сценами из его поездок, встреч с людьми. Как и в тексте Уитни, эти сцены, при всех необходимых оговорках касательно их исторической достоверности, играют важную роль, восполняя «лакуны» автобиографического первоисточника, усиливая оттеснённое в «Дневнике» на задний план фабульное начало – иными словами, создавая на основе «Дневника» занимательное сюжетное повествование. Пир делает на таких сценах больший акцент, нежели Уитни, и это неслучайно, ведь «Дитя света» адресовано юной аудитории. Ярко, увлекательно она описывает детство и молодость Вулмена, его внутренние конфликты, романтические мечтания. Среди характерно **«романных»** эпизодов книги – эпизод первой, мимолётной, встречи Вулмена с его будущей женой Сарой Эллис⁵¹³, эпизоды их дальнейшего общения, объяснения в любви.

Следует отметить, что, хотя такие сцены, как первая встреча Вулмена с будущей женой, вряд ли могут быть детально воссозданы по документальным источникам, безусловно, так или иначе они происходили, и потому не могут считаться полностью фикциональными. Сложнее обстоит дело со сценами другого рода. Для иллюстрации необходимо привести пространную цитату. В

⁵¹⁰ Peare, C.O. John Woolman: Child of Light... P. 29.

⁵¹¹ Ibid. P. 110-111.

⁵¹² Ibid. P. 182.

⁵¹³ Ibid. P. 46.

главе о том периоде жизни Вулмена, когда он, после долгих колебаний, принял трудное решение – отказаться из этических соображений от окрашенной одежды (тем самым нарушая квакерский обычай не выделяться), есть такая сцена: Вулмен навещает свою пожилую мать Элизабет, и она обращается к нему с просьбой.

«В её глазах блеснул лукавый огонёк, и она сказала:

– Сынок, у меня возник один вопрос морального свойства. Ты ведь можешь дать мне совет? [...]

– Это касается собственности? – спросил он.

– Нет, – ответила она строго. – Я же говорю, это вопрос морального свойства. Повернувшись к дочери, она сказала: – Дай мне её, Рейчел.

Рейчел посмотрела на неё испуганно.

– Джон не одобрит этого, мама, – возразила она.

– Рейчел, я прошу тебя: дай мне её.

Повинуясь, Рейчел поднесла матери загадочный предмет. Довольно быстро Джон Вулмен понял, что это: как раз недавно он видел такую вещь в своей поездке по Новой Англии. Это была дамская шляпка новейшего фасона, какой носили в Париже – самом легкомысленном городе мира; том самом городе, где жили мадам Помпадур и её приближённые, интриги и бесчестный образ жизни которых всячески способствовали Семилетней войне. Шляпка в руках Элизабет Вулмен была по-квакерски упрощённой версией орнаментированного подлинника. В Англии многие квакеры уже не первый день носили подобные шляпки, что навлекало на них серьёзное недовольство единоверцев. [...]

Взяв шляпку своими старыми, морицинистыми руками, Элизабет Вулмен надела её на голову, завязала тесёмки, и воззрилась на сына с видом заправской кокетки.

В ответ этот праведный человек – который сам лишь недавно принял столь непростое решение по поводу своей одежды – утвердительно кивнул и произнёс:

– *Мама, по-моему, тебе идёт. Даже очень»*⁵¹⁴.

Подобной сцены нет ни в «Дневнике», ни в других известных жизнеописаниях Вулмена: по-видимому, её следует отнести к абсолютно фикциональным эпизодам книги Пир. Однако она примечательна тем, что вносит яркий и характерный штрих к портрету Вулмена, запомнившегося своим современникам отсутствием догматизма, умеренностью и мягкостью во взаимоотношениях с людьми⁵¹⁵. Рассматривая аналогичный пример из биографического романа, посвящённого Мэрилин Монро, М. Лэки замечает: «История может быть не правдива в буквальном смысле, но она выглядит правдоподобно постольку, поскольку она высвечивает правду сложности природы героя»⁵¹⁶. В такого рода сценах показана не буквальная правда событий, но подспудная, глубинная правда характера изображаемой личности, и потому создатели многих документально-художественных биографий единогласны в том, что «допустимо менять что-то в исторической фактологии в той мере, в какой это позволяет приблизиться к более важной правде на уровне символов»⁵¹⁷.

Как уже отмечалось ранее, автор «Дневника» сам иногда нарушает фактологическую точность в своём повествовании. Замечая путаницу в некоторых датах и последовательности событий (например, в описании профессионального выбора), Джэнет Уитни⁵¹⁸ делает вывод, что Вулмен *«использует материал своей жизни со свободой художника, и более заботится о правде, нежели о фактах. Важно, почему он избрал для себя портняжное*

---

⁵¹⁴ Peare, C.O. John Woolman: Child of Light... P. 192-193.

⁵¹⁵ Moulton, Ph. P. John Woolman's Approach to Social Action... P. 410; Rosenblatt, P. John Woolman... P. 36; Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person... P. 207; O'Reilly, M.R. John Woolman: The Unconstructed Self... P. 138; Lutz, B.A. John Woolman: More Than Just a Journal. The Capacity of One Individual to Make a Difference // Univ. of Wisconsin. History 489. 2009. P. 19.

⁵¹⁶ Lackey, M. (Ed.) Truthful Fictions... P. 16.

⁵¹⁷ Lackey, M. American Biographical Novel... P. 13.

⁵¹⁸ Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 99, 106.

дело, и он объясняет это; когда же это произошло – годом раньше, годом позже – с высоты времени не имеет особого значения»⁵¹⁹.

Сходной задачей, на наш взгляд, может быть оправдана замеченная Р.Пиккеттом «грубейшая ошибка»⁵²⁰ в тексте самой Уитни. Рассказывая о судьбе индейского вождя Папунехэнга и его общины, Уитни пишет, что в 1782 г. они стали жертвами жестокого нападения белых поселенцев⁵²¹. Это не соответствует историческим данным: Папунехэнг умер естественной смертью ещё в 1775 г. Пиккетт полагает, что писательница ошиблась, прочитав о действительно случившейся во время Войны за независимость гибели посёлка индейцев-христиан от рук колонистов; однако это был другой посёлок. Возможно, данная фактическая ошибка была допущена Уитни непреднамеренно; однако вероятным кажется и другое объяснение. Нарушив историческую фактологию и перенеся реальную трагедию на судьбу героев своего повествования, индейцев – друзей Вулмена, Уитни показала «более важную правду на уровне символов» (М. Лэки). Если бы она расположила фактологически точный рассказ о произошедшем в примечаниях – что было бы более корректно с академической точки зрения – многие читатели могли бы просто упустить этот рассказ из виду.

Теми же мотивами «романизации» может объясняться и другая фактическая неточность Уитни, на которую указывают критики – её смелая гипотеза в отношении прочитанных Вулменом книг. Маловероятно, что в реальности Вулмен читал «Дон Кихота», «Утопию» или «Потерянный Рай»; однако интерес «романного» Вулмена именно к этим книгам позволяет писательницам – Уитни, а затем и Пир – одним штрихом показать направление его дальнейших размышлений. (Здесь кстати будет упомянуть, что в

---

⁵¹⁹ Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 99.

⁵²⁰ Pickett, R.H. A Religious Encounter: John Woolman and David Zeisberger... P. 91.

⁵²¹ Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 305.

академической литературе также встречаются сопоставления проповеди Вулмена с донкихотством⁵²².)

Вернёмся к тексту Пир. Романизируя сюжет «Дневника», Пир, вместе с тем, сохраняет в портрете Вулмена и ряд типично «агиографических» мотивов. Не раз подчёркивается, что одежда Вулмена и его близких – «домотканая», используемые дома ковры и корзины сплетены своими руками⁵²³; сам Вулмен, в своём путешествии через Атлантику – (переводя дословно) «домотканый проповедник, направляющийся в утончённую столицу квакерства»⁵²⁴. Доверие окружающих к Вулмену, отмечает Пир, было следствием его «совершенной правдивости»⁵²⁵. Таким образом, писательница сохраняет черты, оформившиеся в портрете Вулмена в период 1850-х–1940-х гг.: символизируемые «домотканостью» самобытность, природность дарования, а также честность, абсолютную неспособность ко лжи.

Примечательно, что в романе Пир, в отличие от книги Уитни, Вулмен вновь приобретает черты «первого аболициониста». Уитни, отмечает её рецензент Кэдбери, показывает «эту черту Вулмена такой, какой она была – как, скорее, естественное следствие душевной восприимчивости, нежели как пламенную жажду стать реформатором»⁵²⁶. Пир, между тем, указывает, что личность Вулмена – провозвестника аболиционизма «была неким центром, в котором сошлись лучи различных идей, чтобы затем осветить всю Америку»⁵²⁷. Возвращение Пир к романтически-преувеличенной оценке персональной исторической роли Вулмена, на наш взгляд, обусловлено тем, что книга адресована юношеской аудитории. Тем не менее, следует отметить, что Пир уделяет внимание и единомышленникам Вулмена – например, Лею и

⁵²² Cady, E.H. John Woolman: The Mind of the Quaker Saint... P. 116; Higgins, E.F.D. Narrative and values in the Quaker journals of Thomas Chalkley, Elizabeth Ashbridge and John Woolman... P. 201.

⁵²³ Peare, C.O. John Woolman: Child of Light... P. 20, 27.

⁵²⁴ Ibid. P. 229.

⁵²⁵ Ibid. P. 50.

⁵²⁶ Cadbury, H.J. John Woolman: American Quaker, by J. Whitney... P. 485-486.

⁵²⁷ Peare, C.O. John Woolman: Child of Light... P. 171.

Бенезету, таким образом, воздавая должное и их роли в аболиционистском движении.

Один из вопросов, на который почитатели Вулмена не имеют однозначного ответа – это вопрос о **внешности** проповедника. Несмотря на то, что во многих изданиях воспроизводится известный портрет Вулмена в профиль, в действительности подтверждённых сведений о его внешности, по-видимому, не сохранилось (подробнее об этом пойдёт речь в п. 2.10). Тем интереснее сравнить подходы Уитни и Пир к воссозданию внешности Вулмена. Уитни подчёркивает, что достоверного портрета не осталось, и не пытается «нарисовать» его. Вместе с тем, писательница рассуждает с психологической точки зрения: «...в пользу его приятной внешности говорит его популярность», т.е. лёгкость, с которой у него завязывалась дружба, выражаемое многими людьми желание видеть его в своей компании⁵²⁸. В свою очередь, Пир никак не аргументирует создаваемый ею внешний портрет, согласно которому Вулмен был «крупным», «сильным» человеком, обладателем «звучного голоса»⁵²⁹. На наш взгляд, разница подходов Уитни и Пир к данному вопросу хорошо иллюстрирует их тяготение, соответственно, к жанрам романизированной биографии и биографического романа.

Как показывает проведённый анализ, Пир, издавшая свой роман через 12 лет после книги Уитни, во многом наследовала своей предшественнице, но привнесла и своё видение истории жизни Вулмена. «Квакер» Уитни и сегодня сохраняет ценность как исторически фундированное и увлекательное повествование, ориентированное на взрослых читателей. «Дитя света» Пир выполняет сходную задачу, однако, будучи обращено уже к подросткам, содержит выраженный педагогический пафос, подобный пафосу «Историй сестры Руфи». Об обеих писательницах можно сказать, что они преодолевают некоторую документальную фрагментарность «Дневника», с помощью

⁵²⁸ Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 44.

⁵²⁹ Peare, C.O. John Woolman: Child of Light... P. 157, 161, 169.

художественных средств преобразовывая эпизоды жизни Вулмена в цельное повествование.

Следующее произведение, к которому мы обратимся, принадлежит уже к сугубо фикциональной области.

2.7. Мотивы «Дневника» в романе Теодора Драйзера «Оплот» (1946)

Несмотря на то, что «Дневник» был адресован, главным образом, единоверцам Вулмена, слава этого текста, безусловно, вышла за пределы квакерского сообщества и, начиная с первого издания 1774 г., «Дневник» привлекал всё новые поколения ценителей американской исповедальной прозы. В 1939 г. к почитателям Вулмена присоединился Теодор Драйзер; благодаря прочтению «Дневника» писатель значительно модифицировал замысел уже начатого к тому моменту романа «Оплот» (*The Bulwark*⁵³⁰).

«Оплот» повествует о жизни трёх поколений квакерской семьи в Пенсильвании на рубеже XIX–XX вв. В основе романа лежат трудноразрешимые конфликты «традиционной» религиозности и веяний новой эпохи, консерватизма и современности, отцов и детей. Главный герой Солон Барнс – квакер родом из фермерской семьи, человек высочайших нравственных принципов, образцовый служащий, прекрасный семьянин. Человеку доброму, честному и трудолюбивому, Солону, как отмечается в романе, для совершенства не хватает лишь одного: широты кругозора. Круг его чтения составляет только религиозная литература; единственным исключением являются газеты, которые он просматривает по долгу службы. Солон порицает всякого рода изящные искусства, и, хотя он знает, например, что *«на свете существует литература: рассказы, стихи, пьесы, очерки, повести»*, тем не менее, неукоснительно следует почерпнутому из квакерской назидательной литературы убеждению: *«чтение романов есть занятие, пагубное для человека;*

⁵³⁰ Dreiser, T. *The Bulwark*. – N.Y.: Doubleday & Company Inc., 1946. 338 p.

романы несут в себе зло, и потому печатать их, продавать или одалживать кому-либо – грех»⁵³¹.

Дом Солона Барнса, имение Торнбро – воплощение квакерского идеала благочестивой простоты, в котором единственное украшение стен составляют библейские изречения. Супруга Солона Бенишия, также воспитанная в религиозной семье, практически во всём разделяет взгляды мужа. Первая из трёх частей романа, посвящённая детству и юности Солона и Бенишии и зарождению их любви, проникнута идиллическим духом.

Вторая и третья части, однако, представляют собой хронику разочарований в жизни героя. Верный квакерскому идеалу абсолютной честности, Солон с горечью осознает, что многие единоверцы ради прибыли готовы на «мелкие», а иногда и весьма крупные, «делки с совестью». Квакеры начала XX века всё менее ревностно соблюдают заветы отцов: с роскошью обставляют дома, перенимают светскую культуру. Но самое большое разочарование для Солона Барнса связано с его младшими детьми Эттой и Стюартом, которые идут на открытый мятеж против родительского уклада жизни. Дочь Этта, с детства грезившая искусством, сбегает из дома, чтобы стать писательницей. Сын Стюарт тяготеет мыслью о намеченной для него отцом деловой карьере и, увлекаемый соблазнами большого города, начинает жить двойной жизнью. Судьба Стюарта оказывается трагической: он становится соучастником тяжкого преступления и, хотя юношу можно назвать «наименее виновным из всех драйзеровских преступников»⁵³², он не выдерживает мук совести и совершает суицид. Эти печальные события составляют главную тему третьей части «Оплота». Пережитое повергает Солона в глубочайший духовный кризис. В финале романа, многое переосмыслив, он приходит к новому пониманию веры. Своего рода духовное перерождение испытывает и примирившаяся с отцом Этта.

⁵³¹ Драйзер Т. Оплот. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 41. Здесь и далее роман «Оплот» цитируется в переводе Е.Д. Калашниковой.

⁵³² St. Jeane, Sh. Mythology, Religion, and Intertextuality in Theodore Dreiser's The Bulwark // Christianity and Literature. 1999, 48 (3). P. 284.

Предваряя рассмотрение влияния Вулмена на Драйзера, следует принять во внимание «странную и запутанную»⁵³³ историю создания книги. Писатель начал работу над ней осенью 1914 г., а завершил в мае 1945 г.⁵³⁴ Замысел «Оплота» был навеян семейной историей, которой в 1912 г. поделилась с Драйзером его читательница Энн Тэйтум. Отец девушки характеризовался как «исключительно набожный и мягкий по натуре квакер, чей благородный характер, однако, не принес ему счастья, а сыграл в жизни его семьи глубоко трагичную роль»⁵³⁵. Как известно, тема мировоззренческого конфликта отцов и детей была для Драйзера крайне важной и, в силу обстоятельств его собственной биографии, очень личной. Первые наброски романа, созданные с 1914 по 1920 гг., показывают, что первоначально образ Солона Барнса, хотя был выписан не без сочувствия, носил явно сатирический оттенок (как и название романа)⁵³⁶, а сам роман должен был стать «атакой на моралистов»⁵³⁷. Солон напоминал многих героев других романов Драйзера – догматически мыслящих людей, которые, будучи бессильны «навязать [свой] моральный кодекс»⁵³⁸ всему миру, становятся диктаторами в семье. Действие в первой версии было ограничено зрелыми годами Солона и завершалось полным крахом «барнсовского мира».

По ряду причин в 1920 г. Драйзер приостановил работу над «Оплотом» и отчасти потерял интерес к этому замыслу. Перерыв был во многом обусловлен сложностью поставленной задачи: создать портрет «прихожанина церкви, примерного семьянина [...] законопослушного банкира в сером костюме», человека, олицетворяющего «пресную смесь рассудительности и скучности», и при этом не «утомить самого себя и своего читателя», а сделать этот образ

⁵³³ Salzman, J. The Curious History of Dreiser's *The Bulwark* // *Proof: The Yearbook of American Bibliographical and Textual Studies*. 1973, 3. P. 21.

⁵³⁴ Pizer, D. *The Novels of Theodore Dreiser: A Critical Study*. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1976. P. 299.

⁵³⁵ Salzman, J. *The Curious History of Dreiser's The Bulwark...* P. 22.

⁵³⁶ Pizer, D. *The Novels of Theodore Dreiser...* P. 305, 321; Lingeman, R. *Theodore Dreiser: An American Journey. 1908–1945*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1990. P. 162.

⁵³⁷ Lingeman, R. *Theodore Dreiser: An American Journey...* P. 176.

⁵³⁸ Ковалев Ю.В. *Финал / Драйзер Т. Стоик. Оплот*. – Л.: Лениздат, 1989. С. 667.

ярким и убедительным⁵³⁹. Периодически пытаюсь возобновить работу, писатель признавался, что его не покидает чувство неудачи⁵⁴⁰. Его племянница Вера объясняла это тем, что Драйзер отождествлял Солона Барнса со своим отцом, а также, отчасти, с самим собой⁵⁴¹. Некоторая самоидентификация с главными героями была характерна для Драйзера и раньше, однако в случае с «Оплотом» она блокировала творческий процесс: не считая себя религиозным человеком и по-прежнему скептически воспринимая религию, писатель, тем не менее, уже не мог смотреть на своего персонажа-квакера с первоначальной иронической дистанции⁵⁴².

Период 1920–1930-х гг., между тем, многое изменил в мировидении романиста. Это было время напряжённых исканий Драйзера в политике, философии и религии, время обширного чтения – в первую очередь, научной литературы («от Демокрита до Эйнштейна»⁵⁴³). Писатель постоянно собирал новые материалы, которые, как он надеялся, можно было бы синтезировать в книге «Формула под названием Жизнь» (*The Formula Called Life*). Результат этого масштабного, но, увы, оставшегося незавершённым, труда составил тридцать шесть ящиков рукописей, лишь часть из которых были опубликованы⁵⁴⁴. Тем не менее, уже само название задуманной книги отражает характер эволюции, которую претерпели взгляды Драйзера в эти годы. Как и в более ранние периоды, натуралист Драйзер оставался верен стремлению исследовать некие законы, формулы, механизмы, скрытые «за кулисами» индивидуального и общественного бытия. Однако если прежде эти формулы представлялись писателю стихийно-разрушительными, теперь он стал видеть в них разумность, красоту и созидательность⁵⁴⁵.

---

⁵³⁹ Lydon, M. Theodore Dreiser, Anna Tatum, and The Bulwark: The Making of a Masterpiece. – N.Y.: Franklin Street Press, 2017. P. 53.

⁵⁴⁰ Lingeman, R. Theodore Dreiser: An American Journey... P. 440.

⁵⁴¹ Dreiser, V. My Uncle Theodore. New York: Nash Publishing, 1976. P. 208.

⁵⁴² Lingeman, R. Theodore Dreiser: An American Journey... P. 440.

⁵⁴³ Dreiser, Th. The Living Thoughts of Thoreau. – N. Y.: David McKay Co., Inc. 1963. P. 17.

⁵⁴⁴ Pizer, D. The Novels of Theodore Dreiser... P. 295-296.

⁵⁴⁵ Pizer, D. The Novels of Theodore Dreiser... P. 294.

В конце 1930-х гг. одним из важнейших авторов для Драйзера стал писатель и философ-трансценденталист Генри Дэвид Торо, которого он много читал, готовя к публикации книгу для серии «Вечные мысли» (*The Living Thoughts Series*⁵⁴⁶). Суммируя в ходе этой работы философские идеи Торо, Драйзер укрепился в том направлении мысли, по которому шёл последние несколько лет: за внешней суровостью законов природы, согласно Торо, скрыт великий творческий и художественный гений; человек может постичь благодать и красоту этого божественного гения, терпеливо изучая природу.

С увлечением философией Торо совпало другое сильно повлиявшее на Драйзера событие – произошедшее в 1938 г. знакомство с именитым квакером, историком Руфусом Джонсом (1863–1948). По совету Джонса Драйзер стал читать книги о квакерстве, что помогло ему по-новому взглянуть на эту религию. Писатель был весьма впечатлён философией «Друзей», а также их умением сочетать активную социальную работу с религиозностью, «свободной от всякой догмы»⁵⁴⁷. Писатель высоко оценил знаменитый «Дневник» (*The Journal*) основателя квакерства, британского проповедника Джорджа Фокса (1624–1691), а также автобиографическую трилогию самого Джонса, состоящую из следующих книг: «Обретая в жизни путь», «Путь в колледже», «Путь зрелых лет» (*Finding the Trail of Life*, 1926, *The Trail of Life in College*, 1929, *The Trail of Life in the Middle Years*, 1934). Известно, что квакерство существенно повлияло на трансцендентализм⁵⁴⁸, а потому неудивительно, что Драйзер нашел в текстах «Друзей» немало общего с идеями Торо, а также и своими собственными⁵⁴⁹.

---

⁵⁴⁶ Dreiser, Th. *The Living Thoughts of Thoreau...*

⁵⁴⁷ Pizer, D. *The Novels of Theodore Dreiser...* P. 305.

⁵⁴⁸ Jolliff, W. *The Economy of the Inward Life: John Woolman and Henry Thoreau // The Concord Saunterer*. 2007, 15. P. 91-111. P. 92.

⁵⁴⁹ В автобиографии Джонса есть фраза: «Я был убежден, что внутренний дух простоты происходит от [...] общения с Богом»; прочитав ее, Драйзер обвел кругом слово «Бог» (“God”) и написал на полях слово «Природа» (Jones, R. *The Trail of Life in the Middle Years*. – N.Y.: The Macmillan Company, 1934. P. 129; qtd. in: Pizer, D. *The Novels of Theodore Dreiser...* P. 306).

В январе 1939 г. Драйзер впервые прочитал «Дневник» Джона Вулмена. Этот текст привлек особенное внимание романиста: почти половина страниц в его экземпляре «Дневника» испещрена пометками⁵⁵⁰. Философские идеи Вулмена также оказались созвучными тому мировосприятию, к которому с годами пришёл писатель. По Вулмену, в основе созданного Творцом мира лежит гармония, и, хотя она была людьми утрачена, человечество способно вновь её обрести. Путь к этой общей гармонии лежит через покорение личной воли Высшей воле, согласие каждого человека следовать водительству⁵⁵¹ Внутреннего Света и играть положенную ему «партию» в мировой «симфонии»⁵⁵². Сходным образом, Драйзер в своём незавершённом философском исследовании тех лет стремился показать, «с одной стороны, незначительность отдельного человека, а с другой стороны, величие и красоту того процесса, частью которого человек является»⁵⁵³. К идеям квакерского проповедника Драйзера, безусловно, привлекал и сугубо социальный пафос, касающийся, прежде всего, защиты прав угнетённых: рабов, малоимущих, коренных жителей американского континента.

Симпатию романиста вызвали не только взгляды Вулмена, но и сама личность проповедника. В образе Вулмена, каким он предстаёт на страницах «Дневника», Драйзер увидел высокую личную нравственность, на редкость свободную, при этом, от какого-либо самомнения и категоричности суждений. Писатель поставил Вулмена в один ряд с такими великими личностями, как Диоген, Будда, Иисус Христос, Франциск Ассизский, Фома Кемпийский, Ян Гус, Джон Беньян⁵⁵⁴. Оценивая же литературные достоинства «Дневника», Драйзер включил Вулмена, наряду с Джорджем Фоксом и Жан-Жаком Руссо, в

---

⁵⁵⁰ Friedrich, G. Theodore Dreiser's Debt to Woolman's *Journal* // *American Quarterly*. 1955, 7 (4). P. 388.

⁵⁵¹ «Водительство» (*leading*) – религиозный термин, принятый у квакеров.

⁵⁵² Plank, G. John Woolman's Path to the Peaceable Kingdom... P. 95.

⁵⁵³ Pizer, D. The Novels of Theodore Dreiser... P. 295.

⁵⁵⁴ Dreiser, Th. The Living Thoughts of Thoreau... P. 16-17.

число «создателей [...] самых прекрасных и самых искренних автобиографий в истории литературы»⁵⁵⁵.

Впечатление, произведённое личностью Вулмена на Драйзера, помогло романисту завершить образ героя «Оплота». Показателен следующий факт. Читая о Вулмене в книге Руфуса Джонса, Драйзер обратил внимание на такой пассаж: «В поступках Вулмена, в самом его духе мы находим ярчайшее воплощение идеала квакерского мистицизма. Мало кто прошёл так же далеко, как Вулмен, по очищающему пути [...], совершенно смилив и освободив свой дух от гордыни»⁵⁵⁶. Подчеркнув эти слова, Драйзер написал на полях: «Солон»⁵⁵⁷.

Именно знакомство Драйзера с квакерской классикой, по-видимому, стало ключевым фактором в модификации замысла «Оплота»: роман окончательно утратил сатирическую направленность – «если во многих предыдущих произведениях Драйзера [...] религия изображалась почти карикатурно, в “Оплоте” писатель впервые обращается к ценности веры»⁵⁵⁸. Интересно наблюдение американского учёного Г. Фридриха: он обращает внимание на пометку в принадлежавшем Драйзеру экземпляре «Дневника», позволяющую предположить, что текст проповедника придал новое звучание даже самому названию романа (уже утверждённому к тому моменту). Драйзером подчеркнута следующая фраза Вулмена: «Глубокое смирение – сильный оплот, и когда мы входим в него, мы обретаем безопасность и истинное величие»⁵⁵⁹ (в оригинале Вулменом использовано именно слово “bulwark”⁵⁶⁰). Вероятно, не только модификация замысла, но и, собственно, возобновление интереса к роману со стороны писателя было во многом обусловлено увлечением писателя новыми текстами, особенно «Дневником» Вулмена.

⁵⁵⁵ Lingeman, R. Theodore Dreiser: An American Journey... P. 440.

⁵⁵⁶ Jones, R. The Trail of Life in the Middle Years... P. 201; qtd. in: Friedrich, G. Theodore Dreiser's Debt to Woolman's Journal... P. 388.

⁵⁵⁷ Friedrich, G. Theodore Dreiser's Debt to Woolman's Journal... P. 388.

⁵⁵⁸ St. Jeane, Sh. Mythology, Religion, and Intertextuality... P. 275.

⁵⁵⁹ Вулман Дж. Дневник... С. 75.

⁵⁶⁰ Woolman, J. The Journal and Major Essays... P. 57.

Обращаясь к истории изучения обозначенной в заглавии рецепции, нужно сделать небольшое отступление и отметить, что в целом интерес критики к «Оплоту» развивался весьма неровно. Впервые изданный в 1946 г., «Оплот» – последний из завершённых романов Драйзера – сразу же вызвал, с одной стороны, большой интерес читателей и критики, а с другой стороны, достаточно противоречивые оценки. Показательной представляется рецензия Ф.О.Маттиссена, который характеризовал «Оплот» следующим образом: «очередной религиозный роман, в котором герой заново открывает христианскую любовь»⁵⁶¹. Как указывает Д. Пайзер, произведение и впоследствии неоднократно относили к разряду «слабейших романов писателя»⁵⁶². Отдельного внимания заслуживает опубликованная в 1946 г. рецензия квакерского критика К. Т. Браун. Признавая за романом актуальность проблематики (положение «традиционной» религиозности в мире возрастающей секуляризации), автор рецензии, вместе с тем, упрекает романиста в невыразительности стиля, а также подвергает суровой критике искажения, допущенные романистом в описании квакерских обычаев, специфической лексики, норм этикета⁵⁶³. Ранние рецензии на «Оплот» окрашены, таким образом, преимущественно разочарованными интонациями.

В 1950-х гг., однако, подход к рассмотрению этого романа становится более взвешенным: литературоведы указывают на особое место «Оплота» в творчестве Драйзера, его принадлежность к позднейшей, четвёртой фазе натурализма в творчестве писателя⁵⁶⁴. В свою очередь, Маттисен в книге, вышедшей через пять лет после упомянутой рецензии, отмечает, что «в

---

⁵⁶¹ Matthiessen, F.O. God, Mammon and Mr. Dreiser; A Posthumous Novel of Man's Search for Meaning in a World without Faith // The New York Times Book Review. 1946, March 24. P. 43; qtd. in: Tsuchiya Y. Urban Pastoralism in Theodore Dreiser's Works. – Diss. subm. to Nagoya University, 2014. P. 153.

⁵⁶² Pizer, D. Dreiser and his Fiction: A Twentieth-Century Quest by Lawrence E. Hussman Jr. (review) // Studies in American Fiction. 1984, 12 (2). P. 235.

⁵⁶³ Brown, C.T. Dreiser's *Bulwark* and Philadelphia Quakerism // Bulletin of Friends Historical Association. 1946, 35 (2). P. 52-61.

⁵⁶⁴ Walcutt, Ch. Ch. American Literary Naturalism: A Divided Stream. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1956. P. 221.

«Оплоте» не так много от натуралистического романа – это в гораздо большей степени простая, и при этом насквозь символичная, притча»⁵⁶⁵. Дж. Зальцман в 1973 г. отметил, что это наиболее мистический роман Драйзера⁵⁶⁶. Тенденция к более позитивному восприятию произведения критиками сказалась в том, что в 1983 г. Л. Хассман назвал «Оплот» «самой недооценённой книгой Драйзера», в чём его поддержал Ш. Сент-Джин⁵⁶⁷, а М. Лайдон в недавней работе охарактеризовал роман как «шедевр»⁵⁶⁸. Тем не менее, общее количество работ, посвящённых «Оплоту», по-прежнему заметно уступает разнообразию исследований более раннего творчества Драйзера, и сам роман переиздается значительно реже остальных произведений писателя. Можно предположить, что именно вследствие сравнительно невысокого критического интереса к «Оплоту» в целом, вопрос о его связи с «Дневником» Вулмена до сих пор не получал достаточно подробного освещения.

Сам факт влияния «Дневника» на «Оплот» отмечался в литературоведении неоднократно: в 1962 г. о нем писал С. Ричмен, связывая при этом имя знаменитого квакера с традицией трансцендентализма. «Оплот», как отмечает Ричмен – это роман, «по содержанию и стилю своему прочно привязанный к трансцендентальной традиции. Он ничем не обязан Герберту Спенсеру и всем обязан Торо и Джону Вулмэну»⁵⁶⁹. Однако, указав на данную преемственность, исследователь не останавливается на этом тезисе подробнее. Другой исследователь, затронувший указанную проблематику – автор вышедшей в 1968 г. монографии о Вулмене П. Роузенблатт; в целом учёный оценивает роман как неудачу Драйзера, а потому не уделяет ему много внимания, признавая, однако, заметное влияние на текст «Оплота» философии Вулмена и

⁵⁶⁵ Matthiessen, F.O. Theodore Dreiser. – N. Y.: William Sloane Associates, 1951. P. 243.

⁵⁶⁶ Salzman, J. The Curious History of Dreiser's *The Bulwark*... P. 21.

⁵⁶⁷ Hussman, L.E., Jr. Dreiser and His Fiction: A Twentieth-Century Quest. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1983. P. 153; St. Jeane, Sh. Mythology, Religion, and Intertextuality in Theodore Dreiser's *The Bulwark*... P. 275.

⁵⁶⁸ Lydon, M. Theodore Dreiser, Anna Tatum, and *The Bulwark*: The Making of a Masterpiece...

⁵⁶⁹ Richman, S. Theodore Dreiser's *The Bulwark*: A Final Resolution // *American Literature*. 1962, 34 (2). P. 229. Перевод Ю.В. Ковалева (Ковалев Ю.В. Финал... С. 663).

его стиля⁵⁷⁰. Более подробно связь двух произведений рассмотрел в 1976 г. Д. Пайзер, знаменитый специалист по американскому натурализму; он акцентировал внимание, главным образом, на значении «Дневника» в жизни героев «Оплота»⁵⁷¹. В последовавшие годы учёные практически не возвращались к данной проблеме; влияние «Дневника» оказалось вне поля рассмотрения даже в специально посвящённой интертекстуальным взаимосвязям «Оплота» статье Ш. Сент-Джина⁵⁷².

Единственное из известных нам исследований, в котором проблема «Вулмен и Драйзер» рассматривается подробно – это статья Г. Фридриха, опубликованная в 1955 г. Указывая на некоторые сюжетные аналогии в «Дневнике» и «Оплоте», исследователь замечает: «Удивительно, что в ряду американских писателей именно Драйзеру суждено было сильнее всех подпасть под очарование вулменовского пера»⁵⁷³. Фридрих описывает преемственность Драйзера по отношению к Вулмену не только и не столько как непосредственную рецепцию, сколько как «цепочку» влияний: Вулмен – Уитгьер – Руфус Джонс – Драйзер. В одной из своих последующих статей⁵⁷⁴ учёный перемещает фокус внимания на фигуру Р. Джонса и его уже упомянутую выше автобиографию. Приведённые Фридрихом сопоставления убедительно показывают, что «Оплот», действительно, насыщен аллюзиями также и на книгу Джонса, однако сделанный учёным вывод, что именно это произведение оказало наиболее серьёзное, «определяющее» влияние на итоговую версию романа⁵⁷⁵, представляется всё-таки спорным. Вектор исследования, намеченный учёным в первой статье, остался не совсем разработанным и заслуживает более пристального внимания.

⁵⁷⁰ Rosenblatt, P. John Woolman... P. 125.

⁵⁷¹ Pizer, D. The Novels of Theodore Dreiser...

⁵⁷² St. Jeane, Sh. Mythology, Religion, and Intertextuality in Theodore Dreiser's The Bulwark...

⁵⁷³ Friedrich, G. Theodore Dreiser's Debt to Woolman's Journal... P. 385.

⁵⁷⁴ Friedrich, G. A Major Influence on Theodore Dreiser's The Bulwark // American Literature. 1957, 29 (2). P. 180-193.

⁵⁷⁵ Friedrich, G. A Major Influence on Theodore Dreiser's The Bulwark... P. 193.

Опираясь на идеи Фридриха и Пайзера и развивая их, можно сделать вывод о наличии, по меньшей мере, двух уровней рецепции текста Вулмена в «Оплоте». С одной стороны, «Дневник» предстаёт как книга, играющая важную роль в культуре квакеров и особенно ценимая главным героем; с другой стороны, прослеживаются отчётливые параллели между автобиографическим образом Вулмена и фигурой Солона Барнса. Задачей данного параграфа является более детальное рассмотрение обозначенной рецепции на обоих уровнях, а новизна предлагаемого исследования заключается в указании на прежде не зафиксированные литературоведами аллюзии на «Дневник» в романе Драйзера.

Книга Вулмена в жизни героев Драйзера. Рассмотрим последовательно упоминания о Вулмене в романе. В первый раз о нём говорится в главе, посвящённой знакомству Солона Барнса с семьёй невесты. Заслышав шаги девушки, влюблённый Солон подходит к этажерке с книгами и, чтобы скрыть волнение, делает вид, что читает «Дневник» Вулмена⁵⁷⁶. Даже при таком невнимательном чтении герой, тем не менее, заинтересовывается книгой, и в результате *«немного спустя Солон, часто вспоминавший “Дневник” Джона Вулмэна, который он в замешательстве листал в гостиной Уоллинов, ожидая появления Бенишии, решил приобрести и эту книгу и выписал её из Филадельфии. История удивительной жизни этого человека оказалась весьма занимательным чтением. [...] К тому же он знал, что и Бенишия читала эту книгу, и ему хотелось непременно прочесть её до их новой встречи»*⁵⁷⁷.

Идеи Вулмена близки юному Солону. Характеризуя его мировоззрение, Драйзер в некоторой степени описывает взгляды автора «Дневника»: *«Для Солона – хоть он и не сумел бы это выразить словами – жизнь состояла из суммы закономерных частных случаев, смысл которых был в том, что каждая из них несла в себе крупицу Божественной воли. [...] Он с уважением относился к христианской церкви вообще, видя в ней силу, противостоящую язычеству,*

⁵⁷⁶ Драйзер Т. Оплот... С. 67.

⁵⁷⁷ Там же. С. 73.

однако религиозные верования и учения других сект казались ему бессодержательными. Только в религии Джорджа Фокса и Джона Вулмэна он видел спасение от всех бед земных»⁵⁷⁸.

Со временем, однако, убеждения героя окрашиваются нетерпимостью. Так, в доме Солона, уже главы большого семейства, совсем нет места светской литературе: узнав, что дочь Этта тайком читает Бальзака, Флобера и Доде, Солон решительно осуждает их как «безнравственных» авторов и уничтожает книги (Глава XLIV). Его уважением пользуются исключительно квакерские тексты. Ригоризм отца вызывает у детей, особенно у Этты и Стюарта, «обратную реакцию»: *«Стюарт смиренно склонил голову. Он чувствовал, что отец в какой-то степени прав, и в то же время этот разговор раздражал его. [...] Надоели до смерти все эти разглагольствования о внутреннем свете. Всё равно на него, Стюарта, внутренний свет не действует. Джордж Фокс, Джон Вулмэн со своим “Дневником”, о котором ему прожужжали все уши, – какое ему до них дело? Что общего у них с настоящей жизнью?»⁵⁷⁹.*

Предпоследняя глава романа уже полностью посвящена «Дневнику». Вернувшись в родной дом Этта, ухаживая за умирающим Солонем, размышляет, как скрасить его последние дни: *«Нелегко было выбрать что-либо для чтения – он был так безучастен ко всему. Однажды, перебирая в гостиной немногие имевшиеся там книги, она увидела “Дневник” Джона Вулмэна и поспешила отнести его Солону.*

– Смотри, отец, – сказала она, входя в комнату. – Вот эту книгу ты, по моему, часто читал, когда мы были маленькие. Хочешь, я тебе почитаю из неё?

Он взглянул, и слабая улыбка осветила его измождённое лицо.

– Да, дочка, – сказал он, взяв томик из её рук. – Это поистине замечательная книга. Почитай, я послушаю с удовольствием»⁵⁸⁰.

---

⁵⁷⁸ Драйзер Т. Оплот... С. 106.

⁵⁷⁹ Там же. С. 219.

⁵⁸⁰ Там же. С. 368.

Для Солона новое обращение к Вулмену знаменует отказ от догматизма, «отвлечённых нравственных кодексов»⁵⁸¹ и возвращение к «интуитивной» вере детства⁵⁸². В то же время, глубокое впечатление чтение любимой книги отца производит на Этту. Благодаря «Дневнику» героиня многое переосмысливает в своей жизни – свои юношеские мечтания, отношения с родителями, побег из дома, роман с художником Уиллардом Кейном: *«Она не забыла Кейна, и любовь к нему всё ещё жила в её сердце. Но отец и Джон Вулмэн [...] научили её понимать то, что превышает человеческих страстей и связанных с ними эгоистических желаний и стремлений, – мир и радость, заключённые в любви к другим, прежде всего к больному отцу. [...] Теперь и в Этте затеплилась такая любовь, и она была готова раствориться в ней всем своим существом»*⁵⁸³.

Прямые упоминания «Дневника», таким образом, представляют разные взгляды на классический текст. Для Солона это – «настолярная книга», по-новому открывшаяся ему в конце жизни. У молодых Барнсов имя Вулмена долгое время ассоциируется с докучной назидательностью. Третий взгляд, представленный в финале – взгляд повзрослевшей Этты, впервые лично обратившейся к «Дневнику» и, неожиданно для себя, нашедшей в нём духовную опору.

Этта мысленно сопоставляет отца с Вулменом⁵⁸⁴, и данное сопоставление выявляет второй уровень рецепции «Дневника» в тексте Драйзера. Биография Солона Барнса во многом отражает историю Джона Вулмена, что проявляется и в событийной канве романа, и в образе героя.

Эпизоды детства и юности Джона Вулмена и Солона Барнса. Сходство прослеживается уже в происхождении героев «Дневника» и «Оплота» (оба родились в семьях фермеров), а также в отсылающем к агиографической традиции мотиве благочестивых родителей. Стоит отметить, однако, что в

⁵⁸¹ Драйзер Т. Оплот... С. 369.

⁵⁸² Pizer, D. The Novels of Theodore Dreiser... P. 305.

⁵⁸³ Драйзер Т. Оплот... С. 373.

⁵⁸⁴ Там же. С. 372.

романе Драйзера подчёркнута особая роль в жизни главного героя его матери, Ханны Барнс, что связывает «Оплот», скорее, с традицией, восходящей к «Исповеди» Августина Блаженного, нежели с текстом Вулмена, который не акцентировал внимание на ком-либо одном из родителей.

Как справедливо отмечают Фридрих⁵⁸⁵ и Роузенблатт⁵⁸⁶, явной аллюзией на первую главу «Дневника» является случай из детства Солона, когда он, играя с товарищем, убивает из рогатки выющуюся над гнездом птицу. Нечаянный проступок вызывает у мальчика горькое раскаяние; этот случай запоминается ему, как и Вулмену, на всю жизнь, играя важную роль в становлении его личности.

Отсылкой к «Дневнику» можно, вслед за Фридрихом⁵⁸⁷, считать также рассказ о тяжёлой болезни и чудесном исцелении юного Солона. Мать Ханна обращается к нему со словами: *«Не плачь, Солон, сын мой [...]. Это не конец твоего пути, это только начало. Господь сулит тебе всё лучшее впереди. Ты будешь жить, чтобы служить Ему в любви и правде»*⁵⁸⁸. Подобным же образом, говоря о самой острой фазе перенесённой им в юности болезни, Вулмен пишет: *«...во множестве Его милостей я нашёл внутреннее облегчение и почувствовал себя обязанным, если Ему будет угодно вернуть мне здоровье, впредь смиренно ходить пред Ним»*⁵⁸⁹.

Сходства в мировоззрении героев. Немало параллелей с Вулменом обнаруживается в мироощущении героя Драйзера. Так, например, горячий отклик в душе Солона Барнса находит характерная для Вулмена идея «простой жизни». Сопоставим два фрагмента из текстов Вулмена и Драйзера. Убеждая собеседника в необходимости отмены рабства, автобиографический герой Джона Вулмена говорит о «существенной разнице» *«между теми, кто умеренно работает, чтобы обеспечить себе существование и воспитать*

⁵⁸⁵ Friedrich, G. Theodore Dreiser's Debt to Woolman's *Journal*... P. 389.

⁵⁸⁶ Rosenblatt, P. John Woolman... P. 124.

⁵⁸⁷ Friedrich, G. Theodore Dreiser's Debt to Woolman's *Journal*... P. 390.

⁵⁸⁸ Драйзер Т. Оплот... С. 30.

⁵⁸⁹ Вулман Дж. Дневник... С. 33-34.

своих детей в бережливости и трудолюбии, и теми, кто живут за счёт труда своих рабов. Жизнь первых, на мой взгляд, гораздо более счастливая»⁵⁹⁰.

Аналогичным образом, Солон Барнс испытывает «...чувство безотчётной симпатии [...] к одиноким скромным труженикам: фермер ли распахивал свою полоску земли, кузнец ли, один, без подручных, подковывал лошадь или чинил колёсный обод, [...] – Солон, глядя на них, размышлял о том, как это должно быть хорошо – усердно и вдумчиво трудиться в одиночку над избранным делом, не стремясь к иным выгодам, кроме того, чтобы прокормить себя и свою семью»⁵⁹¹.

Занимая высокую должность в банке, Солон, повинаясь велению души (или же «Внутреннего Света»), всячески стремится помогать «невыгодной» клиентуре – рядовым вкладчикам, мелким предпринимателям: «Сердце у него сжималось, когда он видел, как меняется лицо человека, которому отказывают в кредите или требуют немедленной уплаты долга. Не раз он тут же приглашал беднягу приехать к нему в Даклу с приходно-расходной книгой и всеми прочими документами, желая вместе с ним разобраться в положении и попытаться найти выход»⁵⁹².

Подобные моменты вызывают ассоциацию с филантропическим лейтмотивом «Дневника»: стремлением автобиографического героя помочь нуждающимся людям. Сопоставимыми также представляются решение Солона уволиться из банка, продиктованное осознанием нечестности совершаемых там операций, и сокращение Вулменом объёма его торговли. Слова Солона, обращённые к его сослуживцам – «Я, как вы знаете, квакер, а наше религиозное учение не одобряет того бешенства наживы, которое сейчас овладело многими людьми. [...] Быть может, отдельному человеку трудно что-либо сделать против этого, но я, по крайней мере, могу сделать одно: отказаться от участия в деле, которое я считаю безнравственным и дурным»⁵⁹³ –

⁵⁹⁰ Вулман Дж. Дневник... С. 80.

⁵⁹¹ Драйзер Т. Оплот... С. 41.

⁵⁹² Там же. С. 157.

⁵⁹³ Драйзер Т. Оплот... С. 344.

созвучны и с известной фразой из «Дневника» Вулмена, относящейся к главе, в которой описывается его основанное на пацифистских убеждениях решение не платить военный налог: *«Отказаться добровольно платить налог, который наше Общество обычно платило, было чрезвычайно неприятно, но делать вещи, противные моей совести, казалось еще более ужасно»*⁵⁹⁴.

Существенным представляется и следующее сходство в мировосприятии драйзеровского протагониста и вулменовского автобиографического героя. «Дневнику» Вулмена присущ достаточно идеализированный образ былого, а его герой стремится «подражать достойнейшим личностям прошлого»⁵⁹⁵: *«Из того, что я читал и слышал, я верил, что в прошлые времена существовали люди, отличавшиеся праведностью пред Богом, которая превосходила все, что я знал или слышал о ныне живущих...»*⁵⁹⁶. Аналогичным образом, Солон Барнс, уже человек рубежа XIX–XX вв., в «Оплоте» представлен как приверженец консервативных взглядов, в оценке минувших времен склонный к идеализации, а настоящее оценивающий весьма критически. Как справедливо отмечает современная японская исследовательница, сами стены барнсовского имения Торнбро становятся в определённом смысле «границей» между мифологизированным прошлым, «золотым веком» нравственности, дух которого Солон стремится удержать, и настоящим, которое он воспринимает как время упадка⁵⁹⁷.

Мотив «интуитивной» коммуникации. Одну из не самых явных и, тем не менее, интересных аллюзий на Вулмена в тексте «Оплота» можно обнаружить в «садовом» эпизоде (Глава LXIV). Наблюдая за природой, пожилой Солон Барнс проникается ощущением незримой взаимосвязи всего сущего. Яркое впечатление на него производит его «разговор» с ужом: *«Дочка... я сейчас узнал о жизни и о Боге то, чего никогда не знал. В траве полз уж, и, хотя я знаю, что это существо безвредное, но при виде его я невольно ощутил*

⁵⁹⁴ Вулман Дж. Дневник... С. 101.

⁵⁹⁵ Plank, G. John Woolman's Path to the Peaceable Kingdom... P. 16.

⁵⁹⁶ Вулман Дж. Дневник... С. 30.

⁵⁹⁷ Tsuchiya, Y. Urban Pastoralism in Theodore Dreiser's Works... P. 168.

страх... [...] Но всё же я решил заговорить с ним. Я знаю, что он безвреден, сказал я ему, и не стану его трогать, пусть себе ползёт куда хочет. И тотчас же его шея приняла свой обычный вид, голова опустилась. [...] Я хочу сказать, что язык добра понятен всем живым существам, и потому этот уж понял меня, как и я его»⁵⁹⁸.

Мотив интуитивного взаимопонимания в условиях ограниченности общего языка перекликается с «индейским» эпизодом у Вулмена, где подобное общение происходит между людьми разных этносов: *«Наши проводники привели нас в дом к глубокому старику, и вскоре [...] явился человек из другого индейского дома [...]. И я, узнав, что этот человек стоит у дверей, вышел; у него был томагавк, незаметно завёрнутый в плащ, и когда я приблизился, он взял его в руку. Я, однако, подошёл к нему и, дружески заговорив с ним, понял, что он немного понимает по-английски. [...] Зайдя с нами в дом и поговорив с нашими проводниками, он вскоре повёл себя довольно дружелюбно, уселся и закурил свою трубку...»⁵⁹⁹.*

В одной из последних глав «Оплота» примечателен эпизод, когда больной Солон Барнс в полузабытии неожиданно говорит **о себе в третьем лице**: *«Дочка, что случилось с тем бедным стариком?...»⁶⁰⁰*. Эту реплику можно соотнести с рассказом Вулмена об удивительном видении во время тяжёлого недуга (Глава XII): в этом видении он ощутил «смерть собственной воли». Описывая свои размышления, сопровождавшие видение, автобиограф также смотрит на себя как бы со стороны: *«Вскоре я вспомнил, что когда-то был Джоном Вулманом...»⁶⁰¹*.

Показательно, что данный эпизод из «Дневника» почти целиком включен Драйзером в текст «Оплота» (Глава LXVI). Трактую реплику Вулмена, необходимо иметь в виду следующую особенность «Дневника». Призванный

⁵⁹⁸ Драйзер Т. Оплот... С. 359.

⁵⁹⁹ Вулман Дж. Дневник... С. 179.

⁶⁰⁰ Драйзер Т. Оплот... С. 374.

⁶⁰¹ Вулман Дж. Дневник... С. 243.

транслировать, прежде всего, ценности квакерской религии⁶⁰², этот текст постепенно сужает роль центральной фигуры: «образцовый» автобиографический герой Вулмена неизбежно «отбрасывает» свое эго, «иллюзорную» часть себя⁶⁰³, а его задача, в конечном счёте, сводится к задаче сообщения читателям своего духовного опыта. Сходство указанных эпизодов позволяет предположить, что, аналогичным образом, и Солон Барнс в «Оплоте» также выступает как персонаж, в финале истории приходящий к чувству иллюзорности замкнутого человеческого «эго». При этом, в определённой степени, из действующего лица повествования Солон Барнс превращается в «сострадательного зрителя» разыгравшегося перед ним сюжета, его интерпретатора, передающего свой духовный опыт окружающим.

Проведённый анализ позволил зафиксировать наличие в «Оплоте» четырёх прямых отсылок к «Дневнику» Вулмена как произведению, играющему важную роль в жизни героев, а также девяти аллюзий на вулменовский текст, реализовавшихся в сюжете романа и образе протагониста. Обобщая результаты сопоставления двух текстов, можно сделать вывод, что роман «Оплот» в значительной мере является художественным осмыслением «Дневника» Джона Вулмена, а созданная Драйзером фигура главного героя и судьба этого персонажа во многом выстроены по модели, заданной автобиографией знаменитого квакера.

При этом важно подчеркнуть, что, безусловно, образ Солона Барнса не исчерпывается аллюзиями на Вулмена. В портрете героя «Оплота», как говорилось выше, нашли свое воплощение черты другого известного квакера – друга Драйзера Руфуса Джонса, а первоначально его прототипами были отцы Энн Тэйтум и самого писателя. В некоторой степени образ Солона Барнса для Драйзера автобиографичен. Кроме того, заметны библейские и шекспировские аллюзии, а также отсылки к другим персонажам романиста⁶⁰⁴. На протяжении

⁶⁰² Higgins, E.F.D. John Woolman's Journal: Narrative as Quaker Values Transmission...

⁶⁰³ O'Reilly, M.R. John Woolman: The Unconstructed Self // The Tendering Presence... P. 146.

⁶⁰⁴ St. Jeane, Sh. Mythology, Religion, and Intertextuality...; Pizer D. The Novels of Theodore Dreiser...

двадцати пяти лет, начиная с 1914 г., портрет Солон Барнс постепенно выкристаллизовывался в творческом воображении автора, соединяя в себе черты реальных личностей и вымышленных персонажей. Однако замысел долго оставался нереализованным, главным образом потому, что помещение «святого», нравственно безупречного героя в центр повествования было непростой художественной задачей даже для такого опытного романиста, как Драйзер. Знакомство же писателя с историей жизни реального квакерского «святого», Джона Вулмена, произошедшее в 1939 г., позволило не просто дополнить образ персонажа, но и по-новому осмыслить его духовный путь. В финале романа Солон Барнс становится, подобно Вулмену, «совершенным квакером»⁶⁰⁵, подлинным оплотом своей веры.

В статье, посвящённой роману, Ю. В. Ковалёв пишет, что «художественное исследование Драйзера многопланово, многоаспектно, и результаты его не могут быть сведены к одной фразе»⁶⁰⁶. Представляется, что дальнейшее изучение «Оплота» может проиллюстрировать многоплановость и такого вопроса, как рецепция в данном произведении литературного наследия квакерских авторов, в том числе «Дневника» Джона Вулмена. Анализ этой проблемы может быть продолжен и расширен, в частности, на уровне сопоставления религиозно-философского и стилистического аспектов «Оплота» с соответствующими аспектами квакерской автобиографической литературы.

Рассмотрев образцы документальной и фикциональной прозы, вдохновлённой «Дневником», в следующем параграфе мы обратимся уже к поэтической рецепции образа Вулмена в XVIII–XXI вв.

---

⁶⁰⁵ Слово сочетание «совершенный квакер» применительно к Вулмену позаимствовано из заглавия книги Дэвида Сокса (Sox D. John Woolman: Quintessential Quaker. 1720 to 1772. – Richmond: Friends United Press, 1999. 148 p.).

⁶⁰⁶ Ковалев Ю.В. Финал... С. 667.

2.8. Поэтическая рецепция образа Джона Вулмена

Первое стихотворение, посвящённое Вулмену, было опубликовано его почитателем, подписавшимся литерой “D.”, ещё в 1772 году – в год кончины проповедника. С тех пор свет увидели ещё несколько поэтических посвящений знаменитому квакеру. Наибольшую известность получили стихи его единоверцев – поэтов XIX века Элизабет Маргарет Чендлер и Джона Гринлифа Уиттьера. Той же эпохе принадлежит анонимное стихотворение, включённое в текст «Историй сестры Руфи» (1865). Что же касается XX–XXI вв., этот период, по имеющимся у нас сведениям, оказался небогат на поэтическую рецепцию Вулмена. Единственное исключение – небольшое стихотворение поэта Блейка Джерома Эверитта, опубликованное в 2018 г. Рассмотрим последовательно рецепцию образа Вулмена и мотивов «Дневника» в перечисленных стихотворениях.

Обращаясь к стихотворению *британского поэта под псевдонимом “D.”* (1772)⁶⁰⁷, следует сразу оговориться, что его нельзя рассматривать как проявление рецепции «Дневника», поскольку оно появилось ещё до публикации вулменовского текста. Тем не менее, оно представляет большой интерес как, по-видимому, первое литературное произведение, посвящённое Вулмену, и вдохновлённое при этом не «Дневником», а прижизненной репутацией проповедника и, возможно, впечатлениями поэта от личного общения с ним.

Стихотворение написано в форме героического стиха. Ему предшествует эпиграф из «Метаморфоз» Овидия: «...не может быть назван счастливым / Раньше кончины никто, до обрядов по нём погребальных»⁶⁰⁸. Открывая стихотворение, поэт сетует на то, что Муза часто воспекает «королей и героев»

⁶⁰⁷ Стихотворение воспроизводится по следующей публикации: *Drake, Th. E. A Poetical Tribute to John Woolman // Bulletin of Friends Historical Association. Vol. 43, No. 2, 1954. P. 100-101.*

⁶⁰⁸ Овидий. Метаморфозы. Пер. С.В. Шервинского / Овидий. Собрание сочинений. Том II. – СПб.: Биографический институт; «Студия Биографика», 1994. С. 58.

(*kings and heroes*), т.е. людей, отличившихся на «поле брани» (*martial field*). Далее следует риторический вопрос к самому Вулмену (используется местоимение *thou*): неужели такой человек, как он, останется невоспетым, а его труды будут преданы забвению? К середине стихотворения – в пятой строфе – классицистическая античная образность (*Muse, Olympus, laurels, triumphant car, Cypress*) начинает сменяться образностью христианской (*hallow'd shrine, God, Redeemer, Christian toil, Christian patience*). Певцы «полей брани», прославляющие победы и блеск оружия «королей и героев», должны уступить место певцам скромных религиозных подвижников, трудящихся на благо мира. Таким подвижником был Вулмен – уроженец «прекрасной страны» (*pleasing country*), которым руководила «безграничная любовь» (*unbounded love*), обнимающая все религии и все народы (*all sects, all nations were embrac'd*). Голос поэта, первоначально называющего себя «благородным бардом» (*a Bard sublime*), в последней строфе становится «хором» голосов почитателей Вулмена: «...мы верим, что он благословлен» (*...we trust he's, blest*).

Как можно увидеть, в этом анонимном стихотворении уже присутствует несколько агиографических мотивов, наиболее заметным из которых стал мотив «прекрасной родины святого»; а тот факт, что поэт предпочёл остаться анонимным, отсылает к мотиву «самоуничужения автора» житийной литературы.

Следующее по хронологии стихотворное посвящение Вулмену было опубликовано в аболиционистской газете «Дух всемирного освобождения» в июне 1832 г., также без указания автора: оно было подписано лишь псевдонимом «Гертруда»⁶⁰⁹. Однако имя автора всё-таки стало известно – это квакерская поэтесса **Элизабет Маргарет Чендлер**. Чендлер ушла из жизни очень рано (1807–1834), однако успела оставить богатое наследие, снискав репутацию виднейшей поэтессы-аболиционистки. Вместе с братьями девушка воспитывалась родственниками-квакерами, училась в квакерской школе, и, по

⁶⁰⁹ Gertrude (pseudonym). John Woolman // Lundy, B. (ed.). *The Genius of Universal Emancipation*, June 1832. P. 182.

свидетельству друзей, уже с детских лет её волновали общественные проблемы⁶¹⁰. Названия многих стихов Чендлер говорят сами за себя: «Сновидение Африки» (*The Afric's Dream*), «Коленопреклонённый раб» (*The Kneeling Slave*), «Подумайте о невольнике» (*Think of the Slave*), «Мама, что такое раб?» (*What is a Slave, Mother?*), «Невольничий корабль» (*The Slave-Ship*), «Энтони Бенезет» (*Anthony Benezet*), «Освобождение» (*Emancipation*).

Стихотворение, посвящённое Вулмену, состоит из шести строф, по шесть стихов в каждой, с рифмовкой АВАВСС. Открывается оно обращением к самому Вулмену и уже знакомым нам образом «детскости»: «Был ты тихим, скромным, / Как дитя безгрешным» (*Meek, humble, sinless as a very child, / Such wert thou...*)⁶¹¹. Во внешнем портрете Вулмена поэтесса выделяет «мягкие черты» (*thy features mild*) и «добрые глаза, неспособные излучать что-либо, кроме любви» (*that kind eye, that knew not how to shed / A glance of aught save love, on any human head*).

Вулмен предстаёт как «слуга Христов», «христианин» (*Servant of Jesus! Christian!*), потому, что идёт по пути «Его заповедей самоотречения» (*His self-denying precepts*). Неизмеримо сострадание Вулмена ко всем людям (*all the human kind*) и «к животным неразумным» (*the unreasoning brute*), но особенно к невольникам (*the slave*). В четвёртой строфе заметна явная отсылка к видению из финальной главы «Дневника» – протянув невольникам руку помощи (библейский символ милосердия⁶¹²), Вулмен однажды понял, что его жизнь больше не может считаться отдельной (*thou [...] couldst hold no more / A separate life from them...*).

⁶¹⁰ Mason, M.J.H. Introduction // Remember the Distance that Divides Us: The Family Letters of Philadelphia Quaker Abolitionist and Michigan Pioneer Elizabeth Margaret Chandler, 1830–1842 / Ed. by M.J.H. Mason. – Michigan State University Press, 2004. P. XX.

⁶¹¹ The Poetical Works of Elizabeth Margaret Chandler: With a Memoir of Her Life and Character / Ed. by B. Lundy. – Philadelphia: Lemuel Howell, 1836. P. 51.

⁶¹² Альбедиль М.Ф. «Ты держишь мир в простёртой длани»: символика руки // Теория моды. № 27, 2013. С. 156-172. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/teoriya_mody/27_tm_1_2013/article/10352/ (Дата обращения: 15.01.2023.)

Далее, в пятой строфе можно увидеть отсылку к часто цитируемому образу «Дневника» – рабству как “*a dark gloominess hanging over the land*” – у Чендлер это «гнусное беззаконие» (*vile offence*), «недостойное нашей отчизны» (*So unbeseeming of our country's worth*), «грозовое облако» (*the threatening cloud*), нависающее над страной (*o'erhanging it*). Фигура Вулмена предстаёт как этический образец: «...мы благословляем тебя / За пример достойный, который ты нам подарил» (*...we bless thee yet, / For the example fair thou hast before us set*).

Через одиннадцать лет после строк Чендлер свет увидело стихотворение **Джона Гринлифа Уиттьера**. Один из наиболее авторитетных квакеров своей эпохи, именитый поэт-«брамин», Уиттьер принадлежал к бостонской школе поэзии⁶¹³ и сыграл важную роль в истории американского романтического нативизма⁶¹⁴. В лирике Уиттьера основополагающую роль играли темы природы (за поэтом закрепилась слава «американского Бёрнса»⁶¹⁵), квакерской веры, движения за отмену рабства. Уиттьер активно занимался редакторской деятельностью, и, как уже говорилось ранее, в 1871 г. под его руководством вышло новое издание «Дневника» Джона Вулмена. Тем не менее, поэтический интерес Уиттьера к Вулмену зародился гораздо раньше, и квакерский проповедник стал героем стихотворений и эссе поэта-брамина ещё на раннем этапе его творчества. Вулмен появляется в целом ряде крупных поэм Уиттьера, среди которых, в частности: «Пенсильвания-Холл»⁶¹⁶ (*Pennsylvania Hall*, 1838), «Панорама»⁶¹⁷ (*The Panorama*, 1856), «Пенсильванский пилигрим»⁶¹⁸ (*The Pennsylvania Pilgrim*, 1872).

⁶¹³ Венедиктова Т.Д. Бостонская школа // История литературы США. Т. III. Литература середины XIX в. (поздний романтизм). – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. С. 222-223.

⁶¹⁴ Ханжина Е.П. Джон Гринлиф Уиттьер // История литературы США. Т. 3. С. 254.

⁶¹⁵ Там же. С. 250-251.

⁶¹⁶ *The Complete Poetical Works of Whittier*. – Boston: The Riverside Press Cambridge, 1892. P. 279-281.

⁶¹⁷ *Ibid.* P. 323-330.

⁶¹⁸ *Ibid.* P. 103-112.

Однако главным героем Вулмен становится в стихотворении 1843 г., опубликованным под названием «К — , с томиком “Дневника” Джона Вулмена» (*To — , with a Copy of Woolman's Journal*). Адресат этого текста долгое время оставался неизвестным, но в 1941 г. исследователи установили, что оно было адресовано Кэролайн Нигус (1814–1867) – бостонской художнице, близкой к кругу трансценденталистов⁶¹⁹.

Это самое обширное из посвящённых Вулмену стихотворений: в нём 40 строф. Написано оно, главным образом, балладной строфой. Основной текст предваряется эпиграфом из сборника эссе британского поэта Чарльза Лэма «Очерки Элии» (*Essays of Elia*, 1823), призывающим учить тексты Джона Вулмена наизусть (*by heart*).

Адресат стихотворения – «Дева» (*Maiden*), характеризуется поэтом как думающая, самоуглублённая личность, не по годам рано (*With an early introversion*) обратившая взор от «поверхности вещей» (*outward things*) к их «неуловимой сути / И тайным источникам» (*for the subtle essence / And the hidden springs*). В своих духовных исканиях она обращается к тем же извечным вопросам, которые волновали таких великих мыслителей прошлого, как Платон, Зенон, Заратустра. Главный из этих вопросов – «Что есть Правда, и где она?» (*What and where is Truth?*). Многоголосые ответы, даваемые Природой, уступают по значению тому ответу, который проистекает изнутри (*More that Nature's many voices / May be heard within*). «Свет и мудрость, идущие с Небес» (*Light and wisdom as from Heaven*) постигаются ищущим только в глубокой тишине и превосходят знание учёного, видение поэта, мысль мудреца. Обретённый в молчании ответ ведёт человека от «бесцельного покоя» (*aimless quiet*) к «трудам любви и долга / Как смыслу нашей жизни» (*to works of love and duty / As our being's end*). Именно этим внутренним голосом, «внутренним

---

⁶¹⁹ Впоследствии Нигус стала женой историка и писателя Ричарда Хилдрета, автора романа «Белый раб Арчи Мур, или Мемуары беглеца» (*Archy Moore, the White Slave; Or, Memoirs of a Fugitive*, 1836). См. Emerson, D.E. Whittier, Woolman's Journal, and Caroline Neagus // *Bulletin of Friends Historical Association*. Vol. 30, No. 2, 1941. P. 74-79.

светом» был руководим Вулмен, и «прекрасны его следы» (...*how passing lovely / Is the track of Woolman's feet!*).

Как и во многих текстах о Вулмене, в стихотворении Уиттьера появляется целое созвездие прославленных имён – мадам Гюйон, Паскаль, Гёте, Шелли, духовные поиски которых сопоставляются с поисками Вулмена. Нельзя также не отметить целый ряд уже знакомых нам агиографических мотивов: Вулмен показан бедным человеком; явственно рисуется фигура святого с нимбом (...*Living warmth and starry brightness / Round that poor man's head*). Написанные им строки обладают целительной силой (*Take the good man's book and ponder / What its pages say to thee; / Blessed as the hand of healing / May it lesson be*). Вулмен предстаёт ангелом, освещённым солнечными лучами (...*Angel / Standing in the sun!*), а также «ангелом святым / В образе пилигрима» (...*an Angel holy / In a Pilgrim's guise*).

Примечательно, что тема паломничества, ключевая для «Дневника», оказывается востребованной и в стихотворениях о Вулмене. Образ Вулмена-пилигрима, особенно в контексте его поездки в Англию, весьма характерен, если учесть и тот факт, что «Лондонское Собрание» для квакеров имеет поистине священное значение, которое можно сравнить со значением Мекки для мусульман⁶²⁰. Именно паломничество становится основной метафорой следующего анонимного стихотворения, озаглавленного «*Строки на смерть Джона Вулмена*» и помещённого в финале «*Историй сестры Руфи*»⁶²¹.

Мотивы путешествия, одиночества, тяжёлого труда (*thy pilgrimage ... toilsome was the journey ... oft through the lonely deserts*) явно перекликаются с соответствующими мотивами самого «Дневника». Как и Джон Уиттьер, автор этого текста предпочёл балладную строфу (АВСВ). Как отмечает в своей статье об английской народной балладе В. М. Жирмунский, в балладе существенную роль играет припев (рефрен)⁶²². Это характерно и для данной баллады:

⁶²⁰ Hedges, W.L. John Woolman and the Quaker Utopian Vision... P. 93.

⁶²¹ R. P. A. Sister Ruth's Stories for the Young... P. 120-121.

⁶²² Жирмунский В.М. Английская народная баллада // Английские и шотландские баллады. – М.: Наука, 1973. С. 98.

открывающие её строки (*His pilgrim-staff is broken / His sandals laid aside: / And full of joy and triumph, / He's crossed the swelling tide*) повторяются и в 9-й, предпоследней, строфе. Таким образом, рефрен создаёт в балладе своего рода кольцевую композицию; за пределы этого «кольца», обрамляющего тему паломничества и трудностей пути, выходит лишь последняя, 10-я строфа, рисующая образ дарованной пилигриму небесной награды.

Следует отметить и примечательные строки этого стихотворения, где Вулмен предстаёт говорящим от имени «немых» (*his mission [...] for the dumb to speak*); этот мотив отсылает к известной в американистике проблеме замалчивания афро-американского голоса⁶²³.

Переходя к пятому стихотворению, мы совершаем резкий прыжок во времени, поскольку оно было опубликовано в 2018 г. Его автором является **Блейк Джером Эверитт** (род. в 1989 г.) – квакерский поэт, драматург, филолог родом из Англии. Стихотворения Эверитта изданы в нескольких сборниках, а кроме того, часть из них опубликована в блоге, который автор ведёт под псевдонимом «Квакерский исихаст»⁶²⁴. Тематика стихотворений поэта – христианство, история, личности известных философов и богословов, а также проблемы современной цивилизации.

Стихотворение «К Джону Вулмену» опубликовано в сборнике под названием «Разьедаемый Светом» (*Lightgnawn*, 2018)⁶²⁵. Написано оно верлибром. В этом небольшом стихотворении есть целый ряд авторских

⁶²³ Панова О.Ю. Негритянская литература США 18 – начала 20 века... С. 140.

⁶²⁴ Исихазм – это древняя духовная практика, «образ христианского подвижничества, имеющего целью победу над своими страстями и достижение – путём “умного делания” – покоя в душе, позволяющего беспрепятственно с любовью устремляться к Богу» (Прохоров Г.М. Исихазм // Большая российская энциклопедия. Эл. ресурс: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/2022047 (Дата обращения: 25.01.2023)).

⁶²⁵ Everitt, B.J. *Lightgnawn*. – CreateSpace Independent Publishing Platform, 2018. 92 p. Название этого сборника примечательно, поскольку, действительно, процесс воздействия «Внутреннего Света» зачастую трактуется квакерами как весьма болезненный. Осознание своей души «обнаженной перед Господом» (выражение одной из основательниц квакерства, Маргарет Фелл) дается нелегко, но, если человеку все же хватит храбрости позволить Свету указать ему на его грехи, «это будет означать рождение нового, более правдивого себя» (Эмблер Р. Свет, которым жить. URL: <http://quakers.ru/свет-которым-жить-рекс-эмблер/> (Дата обращения: 25.01.2023)).

оказионализмов (*tranquillicide, Christspawned, Truth-baptised, greyen, griefsnake*). Созданные Эвериттом образы – тревожные, загадочные, апокалиптические: «расщеплённая история» (*cloven history*), «переполненная глиной» (*aswarm with clay*), «сереет по направлению к Богу» (*greyens Godward*). Подобно тому, как Джон Кёршнер в своих научных исследованиях, по словам Майкла Биркеля (см. п. 2.1), представил альтернативное «либеральным» прочтением «апокалиптическое» прочтение «Дневника», Блейк Эверитт в стихотворении о Вулмене также обратился к напряжённой драматической образности, эсхатологическим мотивам.

«Благодаря этим стихотворениям», – пишет в своей рецензии на сборник Эверитта известный знаток религии Друзей, профессор Бен Данделаен, – «...мы начинаем скорее чувствовать веру, нежели размышлять о ней»⁶²⁶. В свою очередь, поэт-квакер Филип Гросс отмечает, что «Читать эти стихи – значит погружаться в почти что физически ранящий парадокс: язык, сжатый и обработанный до предела – в попытке выйти за пределы языка [...]. Для читателя, ассоциирующего квакерство с миром, тишиной и спокойствием, это вызов. Эти тексты погружают нас в лексику и мировидение ранних квакеров, заставляют чувствовать их борьбу и рвение, переданные в образах напряжения, граничащего с ожесточением, которыми была окрашена их, казавшаяся апокалиптической, эпоха»⁶²⁷.

Обобщая наблюдения над рассмотренными стихотворениями, выделим в них сходные черты. Вероятно, все они были написаны квакерами (оговорка необходима в отношении двух анонимных текстов, о религиозной принадлежности авторов которых можно лишь сделать предположение). Заметную роль в них играют квакерские и, шире, христианские религиозные образы («Внутренний Свет», «Внутренний Учитель», «Истина», Иисус Христос, паломничество). Существенной оказывается и всемирно-историческая тематика, при которой История рассматривается и в сугубо

⁶²⁶ Dandelion, B. Review / Everitt, B.J. Lightgnawn... (The book's cover).

⁶²⁷ Gross, Ph. Review / Everitt, B.J. Lightgnawn... (The book's cover).

христианской перспективе (Блейк Эверитт), и в перспективе, включающей дохристианскую эпоху (античные мотивы у анонимного автора 1772 г. и Джона Уиттьера). Вулмен предстаёт в стихотворениях как этический образец, и в его портрете встречаются агиографические мотивы.

Поэтическая рецепция Вулмена, безусловно, заслуживает углублённого изучения, однако даже при таком кратком обзоре выявленные особенности рассмотренных стихотворных текстов позволяют дополнить общую многожанровую картину рецепции образа Вулмена и текста его «Дневника».

2.9. Читательские отзывы о «Дневнике» (2000-е– 2020-е гг.)

Рассмотрев вехи рецепции Вулмена т.н. «профессиональными читателями» – критиками, писателями, публицистами – в данном параграфе мы обратимся к восприятию «Дневника» современной широкой читательской аудиторией. Для анализа этой темы филологу доступен обширный материал: это, в первую очередь, читательские рецензии, опубликованные на сайтах книжных клубов и книжных магазинов (GoodReads.com, Amazon.com, Renovaré.com) и в различных блогах. Всего в поле нашего зрения попало 129 читательских отзывов. Следует оговориться, что, как и в предыдущих параграфах, здесь мы обращаемся, главным образом, к рецепции, происходящей внутри англоязычной культуры; вопрос об инокультурной читательской рецепции Вулмена пока остаётся в стороне в силу недостаточности опубликованного материала.

Одна из современных исследовательниц, изучающих читательскую рецепцию классической литературы на материале интернет-отзывов, А.Герасимова, предлагает, по аналогии с термином «наивный читатель» (В.Шмид, У. Эко), термин «наивный рецензент». Наивный рецензент – это читатель, «который так или иначе в публичном пространстве высказывается о прочитанном им тексте, если это высказывание не инспирировано чем-то извне,

т.е. производится по собственной воле»⁶²⁸. Большинство собранных в ходе данной работы читательских рецензий соответствует этому определению; несколько отличаются лишь рецензии, опубликованные на сайте клуба Renovaré, поскольку они были опубликованы читателями в рамках онлайн-курса, посвящённого духовной литературе⁶²⁹.

Отзывы о «Дневнике» необычайно разнообразны. 13 отзывов скорее негативны; 83 отзыва отчётливо позитивны; 33 отзыва можно условно назвать «нейтральными», или же смешанными. Рассматривая содержание отзывов, выделим несколько ключевых пунктов, к которым обращаются в своих рецензиях большинство читателей: 1) язык и жанр «Дневника»; 2) познавательная ценность текста; 3) сопоставление Вулмена с Франклином и другими авторами; 4) оценка актуальности идей Вулмена; 5) ответы на вопросы «Почему я люблю “Дневник”?» «Зачем читать Вулмена?»; 6) размышления о Вулмене как герое «Дневника» и как об исторической личности. В отдельную категорию нами выделена сделанная одним из читателей интересная попытка преобразования дидактического смысла «Дневника» в форму кратких тезисов.

Язык «Дневника» является причиной наиболее частых нареканий со стороны читателей. Именно на стилистических особенностях текста делают акцент все авторы негативных отзывов, и о них же пишут те читатели, оценившие «Дневник» неоднозначно (33 нейтральных отзыва). В большинстве случаев язык «Дневника» характеризуется как архаичный, трудный для чтения, громоздкий в грамматическом плане. Многие читатели сетуют на то, что «Дневник» изобилует длинными предложениями⁶³⁰; некоторые отзывы

⁶²⁸ Герасимова А. «Гоголю советов не давал»: к методологии изучения наивного рецензента // Русская филология. Сборник научных работ молодых филологов. № 28. Тарту, 2017. С. 242.

⁶²⁹ «Дневник» Джона Вулмена вошёл в программу курса, прочитанного в 2021–2022 гг. в книжном онлайн-клубе Renovaré группой исследователей. На курс записалось около 6 тысяч человек. Занятия, посвящённые Вулмену, проводил Джон Кёршнер. В рамках курса состоялось несколько онлайн-семинаров; участники периодически обсуждали прочитанные главы «Дневника», а по завершении цикла слушателям было предложено написать отзывы о книге в форме «писем» Джону Вулмену.

⁶³⁰ Эл. ресурс: https://www.goodreads.com/book/show/1426266.The_Journal_Of_John_Woolman (Дата обращения: 25.01.2023). Поскольку ссылка на электронный ресурс является общей для

отличаются резкой интонацией: *«Если Вам нравится читать длинные, скучные, с бесконечными повторами проповеди, обращённые к христианам, вам понравится эта книга»*⁶³¹ (Brian). Не все читатели «Дневника» оказались готовы к столь значительной религиозности текста. Много нареканий вызывает большой объём не совсем релевантных для дальнейшего повествования фактологических сведений. Один из читателей отмечает, что в книге слишком много места занимают перечисления *«какое Ежедневное, Еженедельное, Ежемесячное или Ежегодное собрание он посетил. Мне абсолютно ни о чём не говорит тот факт, что он посетил, например, Sasquanna Weekly»* (Earl Grey Tea). В отзывах встречаются и пародии на стиль Вулмена⁶³² (Eric), и это весьма показательно, если вспомнить, что, как отмечает американский литературовед А. Миллар-мл., «Дневник» со времени своего появления вызывает не только почтение критиков, но и насмешки⁶³³.

Вместе с тем, авторы ряда отзывов, отмечая непривычную для современного восприятия специфику вулменовского слога, тем не менее, считают, что не стоит придавать этому излишнего значения. Так, Шерон Уилфонг (Sharon B. Wilfong) соглашается, что язык Вулмена звучит «старомодно» и легко поддаётся пародированию, но подчёркивает, что следует *«сосредоточиться на сути, смысле текста Вулмена, а не на его забавно-старомодной форме...»*⁶³⁴. *«Его бесконечные “уехал – приехал” немного утомительны, но вот сам Вулмен личность, безусловно, интересная»*⁶³⁵, – замечает читательница по имени Даниэлла (Danielle), а Нола Тиллман (Nola Tillman) добавляет: *«Вулмен не слишком красноречив, но его слова исходят из сердца»*⁶³⁶.

многих из цитируемых отзывов, для более точного указания на конкретные отзывы здесь и далее в скобках будут приводиться имена/псевдонимы их авторов.

⁶³¹ Эл. ресурс: <https://www.goodreads.com/book/show/12762547-john-woolman-s-journal> (Дата обращения: 25.01.2023.)

⁶³² Эл. ресурс: <https://www.goodreads.com/book/show/12762547-john-woolman-s-journal>

⁶³³ Millar, A.E., Jr. *Spiritual Autobiography in Selected Writings...* P. 172.

⁶³⁴ Эл. ресурс: https://www.goodreads.com/book/show/1426266.The_Journal_Of_John_Woolman (Дата обращения: 25.01.2023).

⁶³⁵ Ibidem.

⁶³⁶ Ibidem.

В целом ряде отзывов отмечается, что «Дневник» выиграл бы от сокращения, издания в виде избранных цитат (Weathervane, Earl Grey Tea). Многие читатели считают, что издателям следует сократить элементы травелога (Tom)⁶³⁷, акцентируя, таким образом, внимание на философской составляющей и выразительных афоризмах. Примечательно, что такая идея отнюдь не нова – «Дневник» и его переводы неоднократно публиковались в сокращённом виде, особенно в XIX в.; в частности, это касается французских переводов. В какой-то мере, вариантами таких адаптированных изданий можно считать и рассмотренные нами ранее «Истории сестры Руфи», книги Джэнет Уитни и Кэтрин Пир: каждый из этих текстов построен вокруг ярких цитат из «Дневника», вся же «рутинная» документальная составляющая вулменовского текста обретает яркие краски за счёт романизации.

В связи с этим интересно также отметить, что, рассуждая о проблеме читательского восприятия жанра дневника, С. Кейгл отмечает трудоёмкость чтения дневников: по мнению исследователя, дневник можно сравнить с пьесой, с той разницей, что в дневнике «драматург» не разграничивает основное действие и ремарки – соответственно, читателю приходится «мысленно разделять текст на первостепенный и второстепенный материал», и это требует определённого навыка⁶³⁸.

Между тем, готовность читателей к **специфике жанра** дневника примиряет их с высокой долей «рутинной», фактологической составляющей текста: *«Это дневник, и понятное дело, что не каждый день отмечен чем-то интересным»*⁶³⁹ (Jennifer Griffith). Предварительное понимание своеобразия жанра оказывается явно выигрышным для восприятия: *«Читаю с удовольствием. [...] Это, конечно, дневник, и читается именно как дневник, но*

⁶³⁷ Эл. ресурс: https://www.goodreads.com/book/show/1426266.The_Journal_Of_John_Woolman (Дата обращения: 25.01.2023)..

⁶³⁸ Kagle, S.E. American Diary Literature... P. 18.

⁶³⁹ Эл. ресурс: https://www.goodreads.com/book/show/1426266.The_Journal_Of_John_Woolman (Дата обращения: 25.01.2023).

данное обстоятельство лишь добавляет книге шарма. Это окно в другой мир»⁶⁴⁰ (Mumma Flashroy).

Многие читатели отмечают **познавательную ценность** «Дневника»: прежде всего, общеисторическую. Шерон Уилфонг считает, что чтение Вулмена позволит людям «не забывать истинную историю и быть достаточно просвещёнными, чтобы отвергать столь модные сегодня ревизионистские трактовки истории»⁶⁴¹ (Sharon B. Wilfong). Brent Уинслоу характеризует «Дневник» как «очень интересный рассказ от первого лица о колониальной эпохе и факторах, приведших к Войне за независимость, в том числе о квартировании британских солдат»⁶⁴² (Brent Winslow). «Простая и красивая книга», – добавляет Деннис Кляйн. – «Обязательна к прочтению для всех, кто изучает историю. Благодаря Вулмену можно увидеть, как квакерские идеалы Свободы и Вольности помогли формированию новой страны»⁶⁴³ (Dennis R. Klein). Об этом же пишет читатель по имени Джозайя (Josiah): «Вообразите, что вы нашли капсулу времени, открывшую вам прошлое. И прошлое это показано глазами не случайного прохожего, а прекрасного автора, и к тому же замечательного человека»⁶⁴⁴.

Для ряда читателей «Дневник» представляет краеведческую ценность: «...отмечу, что для тех, кто, подобно мне, решил поселиться в Нью-Джерси – а на сегодняшний день это супер-развитый штат – очень интересно читать о Нью-Джерси времён Вулмена, когда здесь были лишь фермы да

⁶⁴⁰ Эл. ресурс: https://www.amazon.com/-/es/John-Woolman-ebook/product-reviews/B002G1YVIS/ref=cm_cr_dp_d_show_all_btm?ie=UTF8&reviewerType=all_reviews (Дата обращения: 25.01.2023.)

⁶⁴¹ Эл. ресурс: https://www.goodreads.com/book/show/1426266.The_Journal_Of_John_Woolman (Дата обращения: 25.01.2023.)

⁶⁴² Эл. ресурс: <https://www.goodreads.com/book/show/21264884-the-journal-of-john-woolman> (Дата обращения: 25.01.2023.)

⁶⁴³ Эл. ресурс: https://www.amazon.com/-/es/John-Woolman/product-reviews/1434496473/ref=cm_cr_dp_d_show_all_btm?ie=UTF8&reviewerType=all_reviews (Дата обращения: 25.01.2023.)

⁶⁴⁴ Эл. ресурс: https://www.goodreads.com/book/show/1426266.The_Journal_Of_John_Woolman (Дата обращения: 25.01.2023.)

*бездорожье»*⁶⁴⁵ (Theresa Leone Davidson). Некоторые читатели ищут в тексте генеалогические сведения⁶⁴⁶ (Barbara).

Сравнения Вулмена с Франклином – пожалуй, одна из самых популярных тем, затрагиваемых в читательских отзывах. Это легко объяснимо, ведь «Автобиография» и другие произведения Бенджамина Франклина издавна входят в классический пантеон литературы Нового Света; Франклин – одно из первых имён, ассоциирующихся с американской культурой XVIII века. Желанию сопоставить двух авторов способствует и то, что тексты Вулмена и Франклина расположены под одной обложкой в серии «Гарвардское собрание классики»⁶⁴⁷.

Многими читателями Франклин воспринимается как гораздо более современный автор. Так, один из читателей, критикуя язык и религиозный пафос «Дневника», отмечает: *«Чтобы не думать, что это свойство той эпохи, просто сравните с Франклином: вы увидите контраст»*⁶⁴⁸ (Eric). Другие указывают на большую сюжетную увлекательность «Автобиографии»: *«После прочтения Франклина “Дневник” кажется не таким ярким. Прости, Джон!»* (Molly)⁶⁴⁹.

Читатель по имени Брайан Миллер считает, что герою «Дневника» присуща болезненная нерешительность в открытом высказывании своих взглядов, невыгодно отличающая его от Франклина, *«у которого тоже были нравственные убеждения, но он знал, чего хочет, ставил цели, и делал*

⁶⁴⁵ Эл. ресурс: https://www.goodreads.com/book/show/1426266.The_Journal_Of_John_Woolman (Дата обращения: 25.01.2023)..

⁶⁴⁶ Эл. ресурс: https://www.amazon.com/-/es/John-Woolman/product-reviews/1434496473/ref=cm_cr_dp_d_show_all_btm?ie=UTF8&reviewerType=all_reviews (Дата обращения: 25.01.2023.)

⁶⁴⁷ Reviews by Josiah, Matt, Sharon Barrow Wilfong, Justin Murphy (https://www.goodreads.com/book/show/1426266.The_Journal_Of_John_Woolman), Brent Winslow (<https://www.goodreads.com/book/show/21264884-the-journal-of-john-woolman>), Jeff (<https://www.goodreads.com/book/show/6616777-the-journal-of-john-woolman-quaker>). (Дата обращения: 25.01.2023.)

⁶⁴⁸ Эл. ресурс: https://www.goodreads.com/book/show/1426266.The_Journal_Of_John_Woolman (Дата обращения: 25.01.2023).

⁶⁴⁹ Ibidem.

конкретные дела, приносящие человечеству пользу. Он действовал как победитель...» (Brian Miller). Ему во многом вторит Дональд Лютер, отмечающий, что Франклин – человек своего времени, Просвещения, а Вулмену «было бы гораздо комфортнее в XVII веке»⁶⁵⁰.

Некоторые читатели, напротив, при сравнении Вулмена с Франклином, именно Вулмена называют человеком более прогрессивных взглядов, в частности, в отношении к коренным жителям Америки⁶⁵¹ (Eline). Таким образом, зачастую сравнения приводят к превознесению одного автора в противовес другому.

В то же время, в целом ряде отзывов можно найти и достаточно беспристрастные попытки сравнить двух авторов. Так, читатель по имени Мэтт пишет: «Джон Вулмен был современником Бена Франклина, однако в то время как Франклин культивировал (говоря упрощённо) трудолюбие/усердие в работе и личный мирской успех, Вулмен верит, что личный успех неотделим от определённого Богом баланса в жизни. [...] Явно контрастирует с Франклином» (Matt)⁶⁵². Аналогичные сопоставления приводятся и в некоторых других отзывах. Читатели воздают должное обоим авторам как людям исключительной веротерпимости («правда, у Вулмен она была результатом, скорее, духовного [нежели интеллектуального] развития» (Nymith))⁶⁵³.

Вулмен нередко сравнивается и с **другими авторами**. Один из них – знаменитый афроамериканский просветитель и автобиограф XIX в. Фредерик Дуглас. Сопоставляя «Дневник» с текстами Дугласа, читатель по имени Фил отмечает, что, хотя Вулмен, несомненно, уникальная личность, он «не оправдает ожиданий тех, кто ожидает размышлений об институте рабства в стиле Фредерика Дугласа» – в «Дневнике» аболиционистские рассуждения

⁶⁵⁰ Эл. ресурс: https://www.goodreads.com/book/show/1426266.The_Journal_Of_John_Woolman (Дата обращения: 25.01.2023)..

⁶⁵¹ Ibidem.

⁶⁵² Ibidem.

⁶⁵³ Эл. ресурс: <https://pseudointellectualreviews.wordpress.com/2013/04/> (Дата обращения: 25.01.2023.)

слишком привязаны к религии, чтобы представлять *«интерес для широкого читателя»*⁶⁵⁴ (Phil). В другом отзыве Вулмен сравнивается с Торо, также в пользу последнего: *«очередная “классика”, читать которую до невозможности скучно [...] Лучшие почитайте гораздо более короткое эссе Торо “О гражданском неповиновении”»* (Jason)⁶⁵⁵. Наконец, четвёртый автор, сопоставляемый с Вулменом – это Джонатан Эдвардс: читатель по имени Кевин Уольц пишет, что, несмотря на громоздкую грамматику, *«Дневник»* – это книга, *«которую должно прочесть больше американских христиан. [...] Если бы Вулмен был более плодовитым автором, я думаю, именно он, а не Эдвардс, стал бы самым влиятельным американским богословом XVIII века»*⁶⁵⁶ (Kevin Wolz).

Сама **личность Вулмена** вызывает у читателей весьма противоречивые отклики. Отчётливо негативные обусловлены тем, что многие воспринимают Вулмена как моралиста. Так, один из читателей пишет о своём неприятном впечатлении от эпизода, где Вулмен описывает посещение таверны: *«Представьте, однажды вечером он пришёл в таверну и, заручившись согласием хозяина, стал обращаться ко всем посетителям, говоря им о предосудительности выступления жонглёра. Это напомнило мне наших проповедников, которые объявляют всем идущим мимо них по своим делам прохожим, что они, оказывается, великие грешники и осуждены на вечные муки»*⁶⁵⁷ (Donald Luther). Сходными впечатлениями делится автор другого отзыва: *«Помните этих проповедников Библии, которые часто мелькают в фильмах – раздражающе степенные, с каменными лицами? [...] С грустью предположу, что Вулмен был из таких»*⁶⁵⁸. Возможно, подобная негативная реакция читателей на некоторые эпизоды вызвана влиянием распространённых в культуре стереотипов; рисуя в своём воображении фигуру Вулмена, читатели

⁶⁵⁴ Эл. ресурс: https://www.goodreads.com/book/show/1426266.The_Journal_Of_John_Woolman (Дата обращения: 25.01.2023).

⁶⁵⁵ Ibidem.

⁶⁵⁶ Ibidem.

⁶⁵⁷ Ibidem.

⁶⁵⁸ Эл. ресурс: <https://pseudointellectualreviews.wordpress.com/2013/04/> (Дата обращения: 25.01.2023.)

склонны «накладывать» на неё знакомый по многим литературным и кинематографическим произведениям трафарет «нестерпимо добропорядочного квакера» (или же пуританина) – примерно тот «карикатурный» образ, о котором шла речь в первых редакциях «Оплота» Драйзера. Шаржированность, преувеличенность дорисованного читателями образа становится очевидной, если учесть, например, что в квакерстве уже со времён формирования этой конфессии вопрос о загробной судьбе и спасении души не ставился так остро, чтобы говорить о вечных наказаниях⁶⁵⁹; то же самое касается и прозелитизма: квакеры, как уже упоминалось ранее, редко проповедуют вне «Общества Друзей».

Интересно указать на полярность читательской оценки в следующем вопросе. Жанры автобиографии и дневника могут внушать читателю обманчивое ожидание «знакомства» с автором, близкого узнавания его личности. В случае Вулмена многие читатели пишут о духовном родстве, которое они почувствовали с ним. Регулярно (особенно в отзывах на сайте Renovaré), встречаются обращения к Вулмену во втором лице (*Dear John...*). (Похожими впечатлениями делятся некоторые исследователи Вулмена. Так, Ливсэй пишет: «Читатель [...] остаётся с чувством, что он реально знает Вулмена»⁶⁶⁰, а Биркель называет Вулмена своим другом⁶⁶¹.)

В то же время, ряд читателей, напротив, отмечает, что Вулмен для них остался загадкой. Автор одного из интереснейших отзывов рассуждает так: *«На первый взгляд, фигура Вулмена кажется чем-то вроде карикатуры, но, если присмотреться, начинаешь осознавать, что этот человек, на самом деле, очень загадочен. Мягкосердечный мистик или же нестерпимо респектабельный квакер – кем он был? Его собственный “Дневник” предлагает лишь едва уловимые отблески его характера, и поэтому я чувствую, что не*

⁶⁵⁹ Barclay, R. An Apology for the True Christian Divinity, being an Explanation and Vindication of the Principles and Doctrines of the People Called Quakers. – Providence: Knowles and Vose, 1840. P. 125.

⁶⁶⁰ Livesay, E.K. John Woolman: Persona and Person... P. 3.

⁶⁶¹ Birkel, M.L. A Near Sympathy... P. XIII.

знаю, кем был этот человек на самом деле – знаю лишь, что, заслуживает ли он на самом деле канонизации (как святой или литературный герой) или нет, личность он, безусловно, нестандартная»⁶⁶² (Nymith).

Главное, что ценят в «Дневнике» читатели – это **актуальность идей Вулмена**, неустаревающее значение его социальной философии. Читатель по имени Джошуа (отнёсший «Дневник», что любопытно, к тематике «литература хиппи»), пишет: «Вулмен поражает меня, как человек, опередивший своё время»⁶⁶³ (Joshua). Именно опережение Вулменом своего времени – черта, отмечаемая в большинстве рецензий; примечательно, что в этом отношении проповеднику отдают должное даже авторы отрицательных отзывов. В глазах многих читателей Вулмен – «пионер в Движении за гражданские права, предвосхитивший их за два столетия»⁶⁶⁴ (Mark Valentine), который опередил даже возникновение соответствующих понятий: он «...был человеком необычайным – антирасистом, когда ещё и слова-то такого не было. Его “Дневник” и эссе – это не только важные исторические источники, но ещё и морально укрепляющая литература, весьма актуальная для нашего современного общества с его проблемами расизма и консьюмеризма»⁶⁶⁵ (S. Garrett). Автор другого отзыва отмечает, что «никогда не читал книги, которая была бы настолько актуальна для сегодняшней культурной ситуации – история Джона Вулмена оживает для нас, с нашей неспособностью взглянуть прямо в лицо вопросам расизма, и разрешить их честно»⁶⁶⁶ (Joshua). Высокую оценку «Дневник» вызывает и как текст, воспевающий «простую жизнь» –

⁶⁶² Эл. ресурс: <https://pseudointellectualreviews.wordpress.com/2013/04/> (Дата обращения: 25.01.2023.)

⁶⁶³ Эл. ресурс:

https://www.goodreads.com/book/show/1426266.The_Journal_Of_John_Woolman (Дата обращения: 25.01.2023.)

⁶⁶⁴ Ibidem.

⁶⁶⁵ Эл. ресурс: https://www.amazon.com/-/es/John-Woolman-ebook/product-reviews/B002G1YVIS/ref=cm_cr_dp_d_show_all_btm?ie=UTF8&reviewerType=all_reviews (Дата обращения: 25.01.2023.)

⁶⁶⁶ Эл. ресурс: https://www.amazon.com/-/es/John-Woolman-ebook/product-reviews/B018PLANOI/ref=cm_cr_dp_d_show_all_btm?ie=UTF8&reviewerType=all_reviews (Дата обращения: 25.01.2023.)

альтернативу «рекламируемой рядом современных американских книг гедонизму»⁶⁶⁷ (Weathervane).

Ответы читателей на вопросы: «Зачем читать Вулмена?», «Почему я люблю “Дневник”?». Авторы отрицательных и нейтральных отзывов, как правило, отмечают, что взялись за чтение «Дневника», потому что это классика американской литературы, входящая в I том «Гарвардского собрания классики»; разочаровавшись же в книге, они ставят под вопрос устоявшийся канон. В свою очередь, авторы положительных отзывов чаще объясняют своё желание читать «Дневник» не критерием литературного престижа, но стремлением извлечь из него жизненные уроки: «*Читайте его, чтобы понять, как жить смело*»⁶⁶⁸ (Mark Valentine), «*Джон Вулмен описывает своё путешествие в Свете, как квакер, ищущий Истину. Для меня это очень вдохновляющее чтение, поскольку я тоже искатель знания*»⁶⁶⁹ (Kindle Customer), «*Книга достойна прочтения, потому что в ней сочетаются тема личного духовного самосовершенствования со страстным устремлением к общественной справедливости*»⁶⁷⁰ (Sam Berg), «*Я очень рад выпавшему мне шансу заглянуть в сердце этого человека, чья жизнь столь талантливо запечатлена его собственным пером. Надеюсь, я смог чему-то научиться у него*»⁶⁷¹ (Kirt).

Отвечая на вопрос «Почему я люблю “Дневник”?», верные поклонники Вулмена также указывают на духовную пользу, приносимую текстом: «*Я впервые прочитал Вулмена более тридцати лет назад. С тех пор его тексты*

⁶⁶⁷ Эл. ресурс: https://www.goodreads.com/book/show/1426266.The_Journal_Of_John_Woolman (Дата обращения: 25.01.2023.)

⁶⁶⁸ Ibidem.

⁶⁶⁹ Эл. ресурс: https://www.amazon.com/-/es/John-Woolman-ebook/product-reviews/B002G1YVIS/ref=cm_cr_dp_d_show_all_btm?ie=UTF8&reviewerType=all_reviews (Дата обращения: 25.01.2023.)

⁶⁷⁰ Эл. ресурс: https://www.amazon.com/-/es/John-Woolman/product-reviews/1434496473/ref=cm_cr_dp_d_show_all_btm?ie=UTF8&reviewerType=all_reviews (Дата обращения: 25.01.2023.)

⁶⁷¹ Эл. ресурс: <https://www.goodreads.com/book/show/9168192-the-journal-of-john-woolman> (Дата обращения: 25.01.2023.)

неизменно вдохновляют меня как христианина»⁶⁷² (Tkgates), «Это одна из моих любимых книг. Я много раз дарила её друзьям. Она о квакере XVIII века, который прошёл пешком все восточные штаты, уговаривая квакеров-рабовладельцев освободить своих невольников. И к концу того века у квакеров не было рабов»⁶⁷³ (Annette Hill), «Книга Вулмена – классика для квакеров, а ещё нечто вроде путеводителя по жизни. [...] У меня есть бумажное издание “Дневника” уже много лет, но я приобрела и электронное издание – чтобы всегда было с собой. Люблю его»⁶⁷⁴ (Lynn J. Magnuson).

Отдельного внимания в рамках данной темы заслуживает случай **читательского преобразования** текста «Дневника», вновь отсылающий к проблеме жанровых ожиданий. Читатель по имени Шон (Shawn) составил по тексту «Дневника» список тематических «заповедей», адаптировав его, таким образом, к традиции Джонатана Эдвардса и Бенджамина Франклина – в своё время сочинивших, соответственно, списки под названиями «Семьдесят решений» и «Тринадцать добродетелей». По словам М.М. Кореневой, «формировавшиеся на основе протестантства, [такие своды правил] отражали потребность в формальном закреплении *внутренних* позывов личности, испытывающей настоятельную потребность в объективации, *внешнем* оформлении своих духовных устремлений как норм личного поведения»⁶⁷⁵.

Процитируем некоторые пункты из списка-«компендиума» «Дневника», предложенного читателем. «О ЖИЗНИ. Любите Господа во всех его проявлениях в видимом мире. [...] Действуйте не по людским стандартам, но показывайте Стандарт, диктуемый Истиной, другим людям. О

⁶⁷² Эл. ресурс: https://www.amazon.com/-/es/John-Woolman-ebook/product-reviews/B002G1YVIS/ref=cm_cr_dp_d_show_all_btm?ie=UTF8&reviewerType=all_reviews (Дата обращения: 25.01.2023.)

⁶⁷³ Эл. ресурс: https://www.goodreads.com/book/show/1225611.The_Journal_of_John_Woolman (Дата обращения: 25.01.2023.)

⁶⁷⁴ Эл. ресурс: Эл. ресурс: https://www.amazon.com/-/es/John-Woolman-ebook/product-reviews/B002G1YVIS/ref=cm_cr_dp_d_show_all_btm?ie=UTF8&reviewerType=all_reviews (Дата обращения: 25.01.2023.)

⁶⁷⁵ Коренева М.М. Джонатан Эдвардс // История литературы США. Том I. Литература колониального периода и эпохи Войны за независимость. XVII–XVIII вв. – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 1997. С. 368.

СОСТРАДАНИИ. [...] Желайте постоянного благополучия своим собратям по творению. Заботьтесь о нуждающихся, как о них может заботиться любящий брат. ОБ ЭКСПЛУАТАЦИИ ДРУГИХ. Не эксплуатируйте тех, кто трудится для вас. [...] Работайте в соответствии с талантами, дарованными вам Богом»⁶⁷⁶.

У Вулмена такого списка не было, однако читатель сумел его для себя «экстрагировать», извлечь из текста «Дневника», и облечь в форму, характерную для современников Вулмена. Таким образом, он «дописал» за Вулмена «недостающую» часть текста, ожидаемую им по аналогии с текстами той эпохи.

Подытоживая сделанные нами наблюдения, обратимся к вопросу о принципах оценки произведений искусства массовым читателем. Согласно одному из подходов, в число этих принципов входят 1) принцип доступности, «понятности»; 2) принцип развлекательности; 3) принцип стабильности (консерватизма) формы; 4) принцип «красивости» искусства; 5) принцип «современности» произведения⁶⁷⁷. Можно заметить, что негативные оценки «Дневник» чаще всего получает по первым четырём принципам; однако читательская оценка с точки зрения пятого принципа – принципа «современности» произведения – как правило, оказывается очень высокой. В «Дневнике» читатели находят сочетание «старомодной» формы и насущного, актуального содержания.

Добавим, что читательское восприятие «Дневника» в немалой степени зависит от подготовленности читателей и к особенностям английского языка XVIII века, и, что наиболее важно в случае Вулмена, к фоновым знаниям о своеобразии квакерской религии и жанровых особенностях духовной автобиографии-дневника. Отсутствие предварительных знаний по этим

⁶⁷⁶ Эл. ресурс: https://www.goodreads.com/book/show/1426266.The_Journal_Of_John_Woolman (Дата обращения: 25.01.2023.)

⁶⁷⁷ Салеев В.А. Искусство и его оценка. – Минск: Издательство БГУ, 1977. С. 77. Цит. по: Добренко Е.А. Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. – СПб.: Академический проект, 1994. С. 100.

вопросам нередко становится причиной разочарования читателей в тексте, а соответственно, их сомнения в правомерности сложившегося канона классики. В то же время, те читатели, которые к моменту первого знакомства с «Дневником» обладают знаниями о соответствующем жанре, а также о специфике квакерской культуры, чаще склонны высоко оценивать книгу Вулмена. Подтверждением этому может послужить тот факт, что все отзывы о «Дневнике», опубликованные на сайте книжного клуба Renovaré, исключительно позитивны: они написаны участниками онлайн-курса, прослушавшими в ходе чтения «Дневника» ряд лекций профессора Джона Кёршнера. Можно предположить, что лекции одного из виднейших специалистов по Вулмену оказались в данном случае «мостом», облегчающим приближение современного читателя к исповедальной классике XVIII века.

2.10. Тенденции в рецепции творчества Джона Вулмена: междисциплинарные аспекты

В предыдущих параграфах мы рассмотрели особенности *продуктивной* и *репродуктивной* рецепции «Дневника» Джона Вулмена в публицистической, художественной, художественно-документальной литературе, а также в читательских рецензиях. Данный параграф несколько выходит за рамки сугубо литературоведческой перспективы и затрагивает ряд иных проявлений рецепции Вулмена, а именно, иллюстрации к изданиям «Дневника», его переводы на другие языки, различные формы коммеморации истории жизни Вулмена и, в добавление к этому, пример воздействия идей Вулмена на гуманитарные исследования. Безусловно, каждое из этих направлений заслуживает отдельного анализа, который предполагает более широкие рамки, нежели рамки настоящей работы. Объединение же этих вопросов в данном параграфе является попыткой предложить, по крайней мере, краткий очерк данных аспектов как возможных тем дальнейших междисциплинарных работ,

а также внести с их помощью дополнительные штрихи к пониманию особенностей рецепции «Дневника».

Иллюстрации к «Дневнику»; вопрос о портрете Вулмена. Как уже отмечалось ранее, «Дневник» является одним из рекорсменов американской литературы по продолжительности и регулярности переизданий. При этом можно заметить, что разные издательства соблюдают определённую традицию: в «Дневнике» крайне редко можно встретить внутритекстовые иллюстрации; иллюстрации, как правило, есть только на обложках «Дневника». Традиционными элементами этих иллюстраций являются предполагаемый портрет Вулмена, а также письменные принадлежности – перо, бумага и т.д. Эти элементы есть также в оформлении форзацев русского издания, и в них замечательно отражена идея «самой безличной автобиографии» (А.М. Гуммер): если на переднем форзаце изображён Вулмен, сидящий за пустым письменным столом и задумчиво смотрящий в окно, то на заднем форзаце повторён тот же антураж, однако фигура автобиографа уже отсутствует: взгляд зрителя теперь привлекают лишь оставшиеся на столе перо и записи (см. Приложение 3).

Между тем, обложка русского издания воспроизводит мотив путешествия (Приложение 3). Другой интересный пример – это оформление итальянского издания, где использована картина квакерского художника Эдварда Хикса (двоюродного брата основателя «хикситской ветви» квакерства Элиаса Хикса; см. п. 2.3) «Мирное царство» (*The Peaceable Kingdom*, 1834 г.) (Приложение 3). Среди наиболее оригинальных вариантов оформления можно отметить одно из американских изданий, на котором помещена фотография, запечатлевшая невольников на плантации (Приложение 3). Само использование такой современной (по сравнению с годом выхода «Дневника») формы медиа, как фотография, служит эффекту «осовременивания» Вулмена.

Интересным материалом для интермедиального исследования может послужить также оформление книги Джэнет Уитни, в котором вновь сказывается её документально-романная стилистика. В книге содержится несколько фотографий домов, так или иначе связанных с Вулменом, а также ряд

графических иллюстраций, выполненных супругом писательницы, американским художником Джорджем Джиллеттом Уитни (Приложение 3). Особенно интересна иллюстрация к последней главе («Йорк»). Громадное ослепительное солнце, восходящее над далёким городом – всё это и метафора «Небесного Иерусалима», о котором пишет Уитни, и, возможно, метафора «Внутреннего Света».

Конечно, наиболее интересная для читателя (авто)биографии иллюстрация – это **портрет самого героя повествования**. Многие издания «Дневника» сопровождаются широко известным портретом Вулмена (Приложение 3). Рассмотрение обстоятельств появления этого портрета в печати, однако, навеивает сомнения в его аутентичности. Уитни обращает внимание, что человек на портрете выглядит пожилым; Вулмен же, как известно, ушёл из жизни в ещё относительно молодом возрасте. Писательница предполагает, что это может быть портрет Энтони Бенезета, и не использует его в книге⁶⁷⁸. Вместо него иллюстратор Джордж Уитни в своей работе опирался на подтверждённый силуэт брата Джона Вулмена Юрайи.

Символично, что единственное свидетельство в пользу того, что известный по многим изданиям профиль изображает именно Вулмена – это надпись на обороте: “John Woolman?”. Даже в своём единственном портрете Вулмен остаётся, если использовать выражение одной из читательниц, «энигмой», оставляющей зрителя в раздумьях: может быть, это тот самый Джон Вулмен, а может, это Энтони Бенезет, или же простой, никому не известный квакер тех времён. Здесь кстати приходится наблюдение Т. Каузера (автора книги «Американская автобиография: модус пророчества»), что Вулмен неслучайно закончил «Дневник», говоря не о себе, а об одном из своих друзей – тем самым в очередной раз отказавшись от автобиографического «эгоцентризма», сместив

---

⁶⁷⁸ Whitney, J. John Woolman: American Quaker... P. 420.

фокус внимания с себя на другого человека⁶⁷⁹. Похожее смещение фокуса происходит и с визуальным образом Вулмена⁶⁸⁰.

Включение «Дневника» в антологии и хрестоматии. О стабильном интересе к Вулмену говорят регулярные переиздания полного текста «Дневника», а также выдержек из него. Начиная с первого издания 1774 года и по сей день, «Дневник» переиздается регулярно. В 1909 г. «Дневник», наряду с «Автобиографией» Бенджамина Франклина и «Плодами уединения» Уильяма Пенна, вошёл в I том «Гарвардского собрания классики». Кроме того, Вулмен – автор, непременно включаемый в разнообразные квакерские антологии, такие, например, как «Дух квакерства»⁶⁸¹ (2010 г.).

В то же время, «Дневник» востребован и составителями антологий другого рода. Избранные цитаты из него входят в следующие книги: «Литературы колониальной Америки: антология»⁶⁸²; «Они наблюдали это своими глазами: антология рассказов о событиях британской истории из уст их свидетелей, 1689–1897 гг.»⁶⁸³; «Идея ненасилия в Америке: документальная история»⁶⁸⁴. Большой популярностью Вулмен пользуется у составителей антологий, представляющих духовный опыт представителей разных религий: «Религиозное обращение в Америке: хрестоматия автобиографической

⁶⁷⁹ Couser, Th. G. *American Autobiography: The Prophetic Mode...* P. 40.

⁶⁸⁰ В книге Стерлинга Олмстеда приводится интересный факт: Вулмен изображён также на двух витражах – в часовне (Muelder Chapel) Школы теологии Бостонского университета, а также в Соборе Благодати (Grace Cathedral) г. Сан-Франциско. В часовне портрет Вулмена соседствует с портретами мистиков Иоанна Дамаскина, Екатерины Сиенской, Терезы Авильской и Уильяма Ло. В соборе Вулмен изображён в одном ряду с «реформаторами и пророками» (С. Олмстед): Амосом, Иеремией, апостолом Павлом, Уильямом Уилберфорсом, Вальтером Раушенбушем (см. Olmsted, S. *Motions of Love: Woolman as Mystic and Activist.* – Philadelphia: Pendle Hill Publications, 1993. P. 5).

⁶⁸¹ *The Spirit of the Quakers / Selected and introduced by G. Durham.* – New Haven, L.: Yale University Press, 2010. 244 p.

⁶⁸² *The Literatures of Colonial America: An Anthology // Ed. by S. Castillo and I. Schweitzer.* – California, 2001. 602 p.

⁶⁸³ *They Saw It Happen: An Anthology of Eyewitness's Accounts of Events in British History, 1689–1897 // Compiled by T. Charles-Edwards and B. Richardson.* – Oxford: Basil Blackwell, 1958. 312 p.

⁶⁸⁴ *Nonviolence in America: A Documentary History / Ed. by S. Lynd.* – Indianapolis, N.Y.: The Bobbs-Merrill Company, 1966. 540 p.

литературы с сюжетом религиозного обращения»⁶⁸⁵, «Американские религиозные повествования от первого лица (1600–1980): Внутренняя история веры в Америке»⁶⁸⁶, «Духовное пробуждение: классические тексты XVIII века, способные вдохновить читателя века XX»⁶⁸⁷. Особо стоит остановиться на антологии под названием «Духовная классика: путеводитель думающего человека по миру великой духовной литературы»⁶⁸⁸ (2009). Она интересна тем, что включает историю Вулмена, наряду с историями таких личностей, как Джордж Фокс, Лев Николаевич Толстой, Дитрих Бонхёффер и Томас Мёртон, в раздел «Жизни, которые вдохновляют» (“*Lives of Inspiration*”).

Различные формы коммеморации наследия Вулмена. Сюжет «Дневника» регулярно оживает в театрализованных постановках. Так, в рамках празднования Всемирного дня квакеров, одна из квакерских организаций США разыграла сценки с «некоторыми Друзьями прошлого, которые совершили путешествие во времени», чтобы поделиться с потомками своими идеями⁶⁸⁹. Этими Друзьями стали выдающиеся квакеры трёх веков: семнадцатого – Джордж Фокс (1624–1691), восемнадцатого – Джон Вулмен, и девятнадцатого – Лукреция Мотт (1793–1880). При этом, если «Джордж Фокс» и «Лукреция Мотт» во время этого действия были одеты в наряды традиционной расцветки, «Вулмен» предстал перед зрителями в чисто белом – «неокрашенном» – костюме (Приложение 3).

Другой пример театрализованной адаптации текста «Дневника» можно найти в письме единоверцам, направленным из квакерского центра в городе Рамалла (Палестина): «...Нас очень тронуло, когда на одном из молитвенных собраний юные Друзья разыграли сценку из жизни Джона Вулмена, в которой

⁶⁸⁵ Holte, J.C. *The Conversion Experience in America: A Sourcebook on Religious Conversion Autobiography*. – N.Y.: Greenwood Press, 1992. 230 p.

⁶⁸⁶ *American Personal Religious Accounts: 1600–1980: Toward an Inner History of America's Faiths* / Jon Alexander, O.P. – New York and Toronto: The Edwin Mellen Press, 1983. 506 p.

⁶⁸⁷ *Spiritual Awakening: Classic Writings of the 18th Century to Inspire the 20th Century Reader* // Ed. by Sherwood Eliot Wirt. – Westchester: Crossway Books, 1986. 264 p.

⁶⁸⁸ *Spiritual Classics: The Thinking Person's Guide to Great Spiritual Books* // Ed. by James M. Russell. – L.: Magpie Books, 2009. 244 p.

⁶⁸⁹ Эл. ресурс: <http://worldquakerday.org/2015/americas.html> (Дата обращения: 14.02.2023.)

Вулмен, уставший, к тому же страдающий от голода и жажды, тем не менее, отказался от питья, еды и постели, приготовленных невольником»⁶⁹⁰. В свою очередь, создатели фильма об истории квакерского движения (*Quakers: The Quiet Revolutionaries*, 2018, реж. Дженнет П. Гарднер⁶⁹¹) воспроизводят в своей документальной картине сцены общения Вулмена с рабовладельцами (Приложение 3).

Коммеморация творчества Вулмена затрагивает не только социальные, но и экологические аспекты проблематики «Дневника». Так, в октябре 2022 г. в Лондоне состоялось квакерское собрание, приуроченное к 250-летию со дня кончины Вулмена, задачу которого организаторы объяснили так: *«На этом собрании мы хотели вместе вспомнить, как Вулмен, основываясь на духовном откровении, призывал защищать нашу планету от последствий людской алчности и агрессии; его идеи как никогда актуальны на фоне сегодняшнего экологического кризиса»*⁶⁹².

Мемориальным центром Вулмена регулярно проводятся «Вулменовские походы», совершаемые в память о его поездке в индейский городок (Приложение 3) и повторяющие маршрут проповедника. Организаторы походов пишут: *«Чтобы отдать дань памяти этому путешествию, трое выступающих расскажут о жизни индейцев здесь и в Виапусинге – какой она была тогда, какова она сейчас. Задача нашего путешествия в 2013 году – это приобщиться к этому месту и его людям на духовном уровне»*⁶⁹³.

Таким образом, современная коммеморация наследия Джона Вулмена представлена целым рядом разнообразных культурных проектов.

⁶⁹⁰ Epistle from the Friends International Center in Ramallah. 2010. Эл. ресурс: <https://thefriend.org/article/epistle-from-the-friends-international-center-in-ramallah> (Дата обращения: 14.02.2023.)

⁶⁹¹ Эл. ресурс: <https://www.imdb.com/title/tt7488388/> (Дата обращения: 31.01.2023)

⁶⁹² Эл. ресурс: <https://www.quaker.org.uk/our-work/our-stories/remembering-john-woolman-outside-vanguard> (Дата обращения: 25.01.2023.)

⁶⁹³ Walz, C. John Woolman's Journey to Wyalusing. Эл. ресурс: <http://woolmancentral.com/wyalusingwalk.html> (Дата обращения: 14.02.2023.)

Обратимся теперь к иному аспекту рецепции этого наследия. Темой отдельного исследования в области истории гуманитарной науки могло бы стать **влияние идей Вулмена на исследования Маршалла Ходжсона**. Маршалл Гудвин Симмс Ходжсон (1922–1968) – востоковед из Чикагского университета, квакер по вероисповеданию, автор масштабного трёхтомника *The Venture of Islam: Conscience and History in a World Civilization* (опубл. в 1974 г.; в русском переводе: «История ислама: исламская цивилизация от рождения до наших дней») ⁶⁹⁴. Коллеги ставят имя Ходжсона в один ряд с именами крупнейших историков, и одной из главных его заслуг считают то, что он опередил своё время, отказавшись от европоцентристского взгляда на мировую историю, ещё до возникновения постколониализма ⁶⁹⁵.

Корни уникального для 1960-х гг. подхода Ходжсона к мировой истории исследователи находят во влиянии, оказанном на него целым рядом учёных и философов; среди них, как отмечает марокканский учёный Абдессалам Чеддади, были основатель духовно-исторической школы Вильгельм Дильтей с его принципом понимания (*verstehen*) и Карл Густав Юнг ⁶⁹⁶. Между тем, одно из наиболее значительных идейных влияний на Ходжсона, по мнению знатока его наследия Эдмунда Бёрка, оказал Джон Вулмен ⁶⁹⁷. Эпиграфом к своей самой масштабной работе Ходжсон избрал именно вулменовскую цитату: «*Считать человечество чем-либо иным, нежели братством, полагать, что какому-либо народу дарованы преимущества, коих лишены остальные – значит, очевидно, проявлять неведение*» ⁶⁹⁸.

⁶⁹⁴ Hodgson, M.G.S. *The Venture of Islam: Conscience and History in a World Civilization*. Vol. 1: *The Classical Age of Islam*. – Chicago & London: The University of Chicago Press, 1974. P. ii.

⁶⁹⁵ Tamari, S. *The Venture of Marshall Hodgson: Visionary Historian of Islam and the World* // *New Global Studies*. No. 9 (1), 2015. P. 74.

⁶⁹⁶ Cheddadi, A. Cheddadi, A. *Islamic History and World History: The Double Enterprise of Marshall G.S. Hodgson* // *Islam and World History* / Ed. by E. Burke and R. H. Mankin. – Chicago: University of Chicago Press, 2019. P. 16-24.

⁶⁹⁷ Burke, III, E. *Islamic History as World History: Marshall Hodgson, 'The Venture of Islam'* // *International Journal of Middle Eastern Studies*. Vol. 10, No. 2, 1979. P. 243.

⁶⁹⁸ Перевод наш. – Д.А. В оригинале: “*To consider mankind otherwise than brethren, to think favors are peculiar to one nation and exclude others, plainly supposes a darkness in the understanding.*” (См. эссе *Some Considerations on the Keeping of Negroes.*)

Эпиграф – часть т.н. рамы произведения, и, по словам А.В. Ламзиной, «как правило, строки, взятые “на эпиграф” (выражение Б.Л. Пастернака), выполняют прогнозирующую функцию. Они ещё до знакомства читателя с текстом сообщают о главной теме или идее произведения...»⁶⁹⁹. Именно такую роль играет эпиграф из Вулмена в книге Ходжсона, предвосхищая подход учёного к исследованию религиозной истории. Присущее Вулмену чувство эгалитаризма и всеобщей взаимосвязанности было очень близко Ходжсону⁷⁰⁰, и эти же аспекты он глубоко ценил в мусульманской традиции⁷⁰¹. Российские коллеги Ходжсона пишут о нём, как об учёном, заложившем основу «того равноправного отношения к неевропейской вообще и исламской истории в частности, которое всё более становится характерным для подлинно научных исследований»⁷⁰².

Продолжателем этой традиции можно назвать современного квакерского учёного-историка Майкла Биркеля, который, наряду с цитируемой в данной работе книгой «Горячее сочувствие: вечная квакерская мудрость Джона Вулмена» (2003)⁷⁰³, является также автором книги «Беседы о Коране» (2014)⁷⁰⁴. Прямых отсылок к «Дневнику» или другим вулменовским текстам в данной книге нет, однако, учитывая то, что Биркель признаёт сильнейшее влияние, оказанное на него Вулменом⁷⁰⁵, нельзя не обратить внимание на авторскую презентацию книги «Беседы о Коране». В посвящённом ей видео-выступлении Биркель говорит: «...Когда люди, исповедующие разные религии, по-настоящему узнают друг друга – они таким образом выполняют священную

⁶⁹⁹ Ламзина А.В. Рама произведения // Литературная энциклопедия терминов и понятий... С. 850.

⁷⁰⁰ Tamari, S. The Venture of Marshall Hodgson... P. 86.

⁷⁰¹ Schubel, V.J. Islam and World History: The Ventures of Marshall Hodgson, by E. Burke III and R.J. Mankin (eds.) (Review) // American Journal of Islamic Social Sciences. No. 36 (4), 2019. P. 101.

⁷⁰² Гордиенко А.Н., Ибрагим Т.К. Предисловие к русскому переводу // Ходжсон М. История ислама: Исламская цивилизация от рождения до наших дней. Пер. с англ. А.Н. Гордиенко, И.В. Матвеева, Н.В. Шевченко. – М.: Эксмо, 2013.

⁷⁰³ Birkel, M.L. A Near Sympathy...

⁷⁰⁴ Birkel, M.L. Quran in Conversation. – Baylor University Press, 2014. 282 p.

⁷⁰⁵ Birkel, M.L. A Near Sympathy... P. XIII.

задачу [...]. Поэтому я отправился в путешествие, чтобы записать беседы с мусульманами»⁷⁰⁶. Слова, предпосланные Биркелем его книге, перекликаются и со знаменитым эпизодом путешествия в Виалусинг, и с одной часто цитируемой фразой из эссе Вулмена: *«Существует чистый дух, запечатлённый в человеческом сознании, который в различных странах и в разные времена именовался по-разному. Однако он чист и исходит от Бога. Он глубок и сокровенен, он не сводится к какой-либо одной форме религии, но и не исключается ни одной из них, если сердце пребывает в совершенной искренности. В ком бы он ни укоренился и ни возрос, в каком бы народе ни возник, все станут братьями в лучшем смысле этого слова»*⁷⁰⁷.

Идеи Вулмена и педагогика. Идею влияние Джона Вулмена прослеживается и в целом ряде образовательных проектов. Так, с 1963 г. в Калифорнии существует «Школа Джона Вулмена» (Приложение 3), проводящая программы для подростков и взрослых по таким предметам как, например, «Глобальные проблемы», «Исследования миротворчества», «Наука об окружающей среде», «Коммуникация без насилия», а также по ряду творческих дисциплин⁷⁰⁸. Существует также «Вулменовский колледж активного миротворчества»⁷⁰⁹; на базе Университета Джорджа Фокса с 1986 г. действует «Миротворческий форум имени Вулмена»⁷¹⁰.

Инокультурная рецепция Вулмена. Отдельный вопрос – это история переводов Вулмена. Уже в XIX столетии вышло пять его французских переводов (в ряде которых наблюдается «доместикация» – имя Джон превратилось в Жан⁷¹¹). Впоследствии появились издания и на немецком,

⁷⁰⁶ Эл. ресурс: <https://quakerspeak.com/video/reading-the-quran-as-a-quaker/> (Дата обращения: 15.01.2023.)

⁷⁰⁷ Пер. Т.А. Павловой (Вулман Дж. Дневник... С. 2.).

⁷⁰⁸ Эл. ресурс: <https://woolman.org/> (Дата обращения: 25.01.2023.)

⁷⁰⁹ Khasandi-Telewa, V., Wakoko, M., Mugo, J., Mahero, E., Ndegwa, F. “What an Old Man Sees While Sitting a Young Man Cannot See While Standing”: Utilizing Senior Citizens to Achieve Peace // International Journal of Research in Social Sciences. 2013. Vol. 2, No. 2. P. 44-49.

⁷¹⁰ Эл. ресурс: https://www.georgefox.edu/offices/peace_justice/woolman-forum.html (Дата обращения: 25.01.2023.)

⁷¹¹ Mémoires de Jean Woolman: Extraits Principalement d'un Journal de Sa Vie et de Ses Voyages. – Paris: Typographie de Firmin Didot Frères, 1838. 36 p.

итальянском, русском языках. Итальянским переводчиком «Дневника» стала Лаура Колтелли – американист, специалист по индейской литературе⁷¹². Русское издание 1995 г. было подготовлено известным учёным, специалистом по истории Британии, профессором РАН, в своё время принявшей квакерство⁷¹³, Татьяной Александровной Павловой (1937–2002). В предисловии к «Дневнику» Т.А.Павлова рассказывает о специфике вулменовского слога и трудностях, с которыми ей пришлось столкнуться при переводе⁷¹⁴. Специфика переводческой рецепции «Дневника» могла бы стать предметом отдельного исследования на стыке литературоведения и лингвистики.

В целом инокультурную рецепцию Вулмена, увы, нельзя назвать слишком богатой; тем ценнее случаи появления его имени в неанглоязычных медиа-источниках. Приведём два примера. Так, в Швеции в 2014 г. вышла небольшая радиопередача, подготовленная «Экуменическим сообществом», в которой о Вулмене говорится⁷¹⁵: «Жить просто, следовать зову совести и служить своему ближнему – вот главные ориентиры его жизни. Прежде всего, он делился своим опытом любви Божьей и Его великой доброты»⁷¹⁶. Как автора, обязательного к прочтению, рекомендует Вулмена своим слушателям популярный блогер персидского происхождения Хошан Нурмохамади, проводящий онлайн-курсы по основам английского языка и англоязычной культуры⁷¹⁷.

Подытоживая наблюдения, сделанные в этом параграфе, вернёмся к современной внутрикультурной рецепции Джона Вулмена. Среди новейших статей о Вулмене, публикуемых на квакерских сайтах, выделяются две статьи.

⁷¹² Woolman, J. *Giornale: Vita di un quacchero / Introduzione, traduzione e note a cura di Laura Coltelli*. – Pisa: Nistri-Lischi, 1978. 261 p.

⁷¹³ Шалимов О.А. В поисках внутреннего света: Татьяна Александровна Павлова (1937–2002) // Постигание идеала: из истории миротворчества и интеллигенции. Сборник памяти Т.А. Павловой. – М.: ИВИ РАН, 2005. С. 24.

⁷¹⁴ Павлова Т.А. К русскому читателю // Вулман Дж. Дневник. Ходатайство о бедных. – М.: Астрея, 1995. С. 24-27.

⁷¹⁵ Эл. ресурс: <https://www.sondaghelaveckan.se/?m=11325> (Дата обращения: 25.01.2023.)

⁷¹⁶ Перевод со шведского М.А. Моркиной.

⁷¹⁷ Эл. ресурс: <https://roqemedia.com/speaker/houshang-noormohamadi/> (Дата обращения: 25.01.2023.)

Одна из них называется «Мы не Джон Вулмен»⁷¹⁸; её автор, Гэбриэл Джеймс, пишет о том, что современные квакеры не проявляют той смелости в отстаивании своих идеалов, которую проявлял Вулмен и другие выдающиеся квакеры. Имя Вулмена используется Джеймсом практически как нарицательное, символ лучших квакерских качеств. Автор второй статьи, называющейся «Три урока лидерства от Джона Вулмена», отмечает, что именно Вулмен может стать «вдохновляющим и поучительным примером для сегодняшнего кризисного времени»⁷¹⁹. Вулмен также является одним из героев видео-цикла «Против расизма»; интересен комментарий одного из его слушателей этого цикла, который пишет: «Джон Вулмен – мой предок в девятом колене. Очень надеюсь, что у меня получается следовать по его стопам»⁷²⁰.

Эти новейшие примеры вновь подтверждают, что Джон Вулмен по-прежнему воспринимается аудиторией – прежде всего, квакерской, но также и неквакерской – как некий нравственный эталон, этический образец.

Выводы по Главе 2

Академическое изучение творчества Джона Вулмена наиболее активно развивается с 1950-х гг., прежде всего, в англоязычных странах, и в настоящее время представлено целым рядом направлений. Литературную же рецепцию «Дневника» в хронологическом отношении можно разделить на три основных периода: 1) предыстория активной рецепции; 2) агиографический период; 3) период усиления научного интереса к Вулмену и переосмысления сложившегося агиографического канона. В жанровом отношении литературная

⁷¹⁸ James, G. We Are Not John Woolman // Friends Journal. 2019. Эл. ресурс: <https://www.friendsjournal.org/john-woolman-colin-kaepernick/> (Дата обращения: 14.02.2023.)

⁷¹⁹ Benefiel, M. Three Leadership Lessons from John Woolman. 2022. Эл. ресурс: <https://executivesoulblog.wordpress.com/2022/07/28/3-leadership-lessons-from-john-woolman-2/> (Дата обращения: 25.01.2023.)

⁷²⁰ Kaniyon, M. Against Racism: Lessons from John Woolman. Эл. ресурс: <https://www.youtube.com/watch?v=YeCPnh9VjEY> (Дата обращения: 14.02.2023.)

рецепция «Дневника» отличается значительным разнообразием; она представлена документальными и фикциональными произведениями.

В XIX–XX вв. формировался агиографический образ Джона Вулмена. Мощный импульс этой традиции, зачатки которой проявлялись уже на рубеже XVIII–XIX вв., был дан творчеством Дж. Г. Уиттьера. Фигура Джона Вулмена стала центральной для таких произведений, как «Истории сестры Руфи, рассказанные ею детям, или Вечера с Джоном Вулменом», рассказ Чака Фэйгера «Джон Вулмен и девочка-рабыня», «Джон Вулмен, американский квакер» Джэнет Уитни и «Джон Вулмен: дитя света» Кэтрин Оуэнс Пир. Кроме того, Вулмен явился одним из прототипов главного героя романа Теодора Драйзера «Оплот». Вулмену посвящён ряд поэтических произведений (два анонимных, а также созданные Э. М. Чендлер, Дж. Г. Уиттьером и Б. Дж. Эвериттом). По своей форме эти тексты весьма разнообразны, однако на содержательном уровне в них можно выявить ряд общих исторических и религиозных мотивов.

Многочисленность читательских отзывов о «Дневнике» указывает на то, что это произведение и по сей день не оставляет равнодушной широкую англоязычную аудиторию. В свою очередь, особенности коммеморации наследия Вулмена подтверждают, что за «Дневником» закрепился статус классики квакерской прозы, а издательская и переводческая практика, между тем, свидетельствуют о том, что «Дневник» вызывает интерес и за пределами конфессиональной культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволило нам обозначить ключевые особенности поэтики и проблематики «Дневника» Джона Вулмена, а также пролить свет на такую малоисследованную проблему, как специфика его литературной рецепции. В работе предложена хронологическая и жанровая классификация разнообразных текстов-реципиентов «Дневника». Показано, что «Дневником» вдохновлены многочисленные публицистические очерки, поэтические тексты, детское произведение т.н. «домашнего аболиционизма», романизованная биография, биографический роман, биографический рассказ, а также сугубо фикциональный роман. Кроме того, проанализированы ключевые особенности агиографического образа Вулмена, сформировавшегося в публицистике середины XIX–XX вв. Среди качеств, ассоциирующихся с житийными канонами, в посвящённых Вулмену текстах можно выделить: 1) (полу-)анонимность ряда сочинений; 2) частотное использование по отношению к Вулмену эпитета “saint”; 3) гиперболизацию роли проповедника в истории и сопоставление его с известными святыми; 4) мотивы «рождения в благочестивой семье» и «восхваления родины святого»; 5) создание идущего вразрез с биографическими фактами портрета Вулмена как человека малоимущего и неграмотного; 6) акцентирование внимания на таких качествах его характера, как «детскость» и «абсолютная правдивость». Сделан вывод, что агиографизации фигуры Вулмена способствовала историческая ситуация в США XIX – первой половины XX в., а также особенности самого «Дневника», определённая доля «пластичности», заложенная в созданном Вулменом автобиографическом образе.

Обобщая наблюдения над рецепцией «Дневника», можно заметить, что одним из её характерных свойств является то, что значительная часть текстов-реципиентов написана единоверцами Вулмена – квакерами; однако примечательно и то, что среди их авторов встречаются также представители иных религиозных и философских традиций. Кроме того, обращает на себя

внимание тот факт, что целый ряд текстов-реципиентов «Дневника» («Истории сестры Руфи, рассказанные ею детям, или Вечера с Джоном Вулменом»; «Джон Вулмен: этюд для юношества» Т. Грина, «Джон Вулмен: дитя света» К. Пир, «Джон Вулмен и девочка-рабыня» Ч. Фэйгера) адресован юному поколению и содержит отчётливый педагогический пафос. Между тем, изучение современных читательских отзывов о «Дневнике», а также коммеморации наследия Вулмена, позволяет заключить, что исповедальный текст проповедника, во многом благодаря актуальности этической и социальной проблематики, и по сей день вызывает устойчивый интерес читателей: и квакеров, и приверженцев иных мировоззрений.

Читатели русского перевода «Дневника» могут увидеть на обороте издания 1995 г. следующую фразу: «Если вы не прочтаете этой книги, ваше представление об Америке будет неполным»⁷²¹. Безусловно, подобной рекламы заслуживает не только произведение Джона Вулмена; и тем не менее, в его случае она представляется особенно точно сформулированной. Созданный Вулменом автобиографический образ может побудить читателя к пересмотру некоторых стереотипных представлений об американской культуре. Неслучайно Майкл Хеллер отнёс «Дневник» к произведениям, созданным тем «квакерским идеалистическим складом ума [...], который является подводным течением американской мысли»⁷²².

О самом Вулмене часто говорят как о фигуре парадоксальной. Мечтатель-пилигрим – и деятельный бизнесмен, «совершенный квакер» – и нарушитель квакерского этикета, углублённый в себя мистик – и человек с редким даром общения, старомодный автор – и мыслитель, опередивший своё время, «неграмотный портной» – и дитя просветительской эпохи; наконец, «тишайший бунтарь в истории»⁷²³, – все эти противоречивые характеристики вполне

⁷²¹ Вулман Дж. Дневник...

⁷²² Heller, M.A. *Soft Persuasion...* P. 224.

⁷²³ Tolles, F.B. *Introduction // The Journal of John Woolman and A Plea for the Poor.* – N.Y.: A Citadel Press Book, 1961. P. vii.

уживаются в сложившемся за два с половиной века многогранном культурном портрете Вулмена.

За эти же годы автора «Дневника» сравнили с десятками прославленных личностей разных времён и народов; и здесь нельзя не отметить, что само обилие таких сопоставлений создаёт двойное впечатление. С одной стороны, они «приближают» к широкой читательской аудитории не всем знакомого автора, по принципу: «Вулмен – это квакерский Сократ», или же «Вулмен – это американский Франциск», «Генри Дэвид Торо XVIII века» и т.п. С другой стороны, они же Вулмена от читателя и «отдаляют»: за калейдоскопом столь ярких, известных имён образ проповедника словно отчасти уходит в тень. Как и в случае с живописным портретом, литературный портрет Вулмена оказывается, во многом, сконструированным из образов других людей. И это, в свою очередь, не может не напомнить сюжет его знаменитого видения (Глава XII), иногда называемого кульминацией «Дневника»: видения, в котором автобиографический Вулмен осознаёт, что перестал воспринимать себя «отдельным или обособленным существом»⁷²⁴.

Как и в случае со знаменитым современником Вулмена Франклином, портрет отдельной исторической личности в культурной памяти оказался отчасти заслонённым: на его место пришёл, если использовать выражение Т.Д.Венедиктовой в отношении Франклина, «олицетворённый социальный символ»⁷²⁵. Имя Вулмена используется почти как нарицательное, а его авторский голос стал своего рода коллективным голосом квакерства. Между тем, первоисточник этого голоса, «Дневник», подобно многим автобиографическим произведениям (даже самым, на первый взгляд, откровенным), вряд ли может подтвердить, является ли читательское впечатление «*Теперь я знаю этого человека*» обоснованным или же иллюзорным: Вулмен как историческая личность по-прежнему остаётся во

⁷²⁴ Вулман Дж. Дневник... С. 243-244.

⁷²⁵ Венедиктова Т.Д. «Разговор по-американски»: дискурс торга в литературной традиции США. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 84.

многом загадкой, «энигмой», вдохновляющей читателей, критиков и писателей на всё новые прочтения его главного текста.

В связи с этим следует добавить, что, наряду с уже упомянутыми ранее темами, способными углубить понимание рецепции «Дневника», есть основания предположить наличие пока не вошедших в академический обиход текстов, героем которых является Вулмен. Особенно это вероятно в случае прозы, затрагивающей тему квакерства. Неоценимую роль в разработке такого направления могла бы сыграть составленная квакершей Анной Брейнер Коулфилд библиография «Квакеры в художественной литературе», включающая 625 наименований⁷²⁶. Плодотворной темой дальнейших исследований также может стать сопоставление рецепции «Дневника» Вулмена с рецепцией исповедальной прозы его современников – прежде всего это касается, конечно, знаменитой «Автобиографии» Бенджамина Франклина.

---

⁷²⁶ Caulfield, A.B. Quakers in Fiction: An Annotated Bibliography. – Northampton: Pittenbruach Press, 1993. 170 p.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Тексты Джона Вулмена; хрестоматии, включающие его тексты

1. Woolman, J. The Journal and Major Essays / Ed. by Ph. P. Moulton. – Richmond: Friends United Press, 2007. 336 p.
2. Woolman, J. On Loving Our Neighbours as Ourselves // The Journal and Essays of John Woolman / Ed. by A.M. Gummere. – N.Y.: The Macmillan Company, 1922. P. 489-496.
3. Proud, J. (Ed.). John Woolman and the Affairs of Truth. The Journalists Essays, Epistles, and Ephemera. – San Francisco: Inner Light Books, 2010. 316 p.
4. American Personal Religious Accounts: 1600–1980: Toward an Inner History of America's Faiths / Jon Alexander, O.P. (ed.). – N.Y. and Toronto: The Edwin Mellen Press, 1983. 506 p.
5. Holte, J.C. The Conversion Experience in America: A Sourcebook on Religious Conversion Autobiography. – N.Y.: Greenwood Press, 1992. 230 p.
6. The Literatures of Colonial America: An Anthology // Ed. by S. Castillo and I. Schweitzer. – California, 2001. 602 p.
7. Nonviolence in America: A Documentary History / Ed. by S. Lynd. – Indianapolis, N.Y.: The Bobbs-Merrill Company, 1966. 540 p.
8. The Spirit of the Quakers / Selected and introduced by G. Durham. – New Haven, L.: Yale University Press, 2010. 244 p.
9. Spiritual Awakening: Classic Writings of the 18th Century to Inspire the 20th Century Reader // Ed. by Sherwood Eliot Wirt. – Westchester: Crossway Books, 1986. 264 p.
10. Spiritual Classics: The Thinking Person's Guide to Great Spiritual Books // Ed. by James M. Russell. – L.: Magpie Books, 2009. 244 p.
11. They Saw It Happen: An Anthology of Eyewitness's Accounts of Events in British History, 1689–1897 // Compiled by T. Charles-Edwards and B. Richardson. – Oxford: Basil Blackwell, 1958. 312 p.

Упомянутые в работе переводы текстов Вулмена

12. Вулман Дж. Дневник. Ходатайство о бедных / Пер. с англ. Т.А. Павловой. – М.: Астрея, 1995. 336 с.
13. Mémoires de Jean Woolman: Extraits Principalement d'un Journal de Sa Vie et de Ses Voyages. – Paris: Typographie de Firmin Didot Frères, 1838. 36 p.
14. Woolman, J. Giornale: Vita di un quacchero / Introduzione, traduzione e note a cura di Laura Coltelli. – Pisa: Nistri-Lischi, 1978. 261 p.

Художественные и публицистические произведения

15. Драйзер Т. Оплот / Пер. с англ. Е.Д. Калашниковой. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 384 с.
16. Гюго В. Отверженные / Пер. с франц. Д.Г. Лившиц, Н.А. Коган, Н.Д. Эфрос, К.Г. Локса, М.В. Вахтеровой, В.В. Левика. – М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. 1246 с.
17. Искандер Ф.А. Рассказы. Повесть. Сказка. Диалог. Эссе. Стихи. – Екатеринбург: У-Фактория, 1999. 704 с.
18. Овидий. Метаморфозы / Пер. с лат. С.В. Шервинского // Публий Овидий Назон. Собрание сочинений. Том II. – СПб.: Биографический институт; «Студия Биографика», 1994. 528 с.
19. Элиот Т.С. Полые люди / Пер. с англ. В.Л. Топорова, А.Я. Сергеева, Я.Э. Пробштейна, С.А. Степанова, О.А. Седаковой, Н.Н. Берберовой и др. – СПб.: Издательский дом «Кристалл», 2000. 464 с.
20. Abel, Th. C. The Gospel of Slavery: A Primer of Freedom. – N.Y.: T.W. Strong, 1864. 36 p.
21. [Anonymous.] Saint John Woolman // The Eclectic Review. 1861, Vol. 5. P. 559-578.
22. Barclay, R. An Apology for the True Christian Divinity, being an Explanation and Vindication of the Principles and Doctrines of the People Called Quakers. – Providence: Knowles and Vose, 1840. 588 p.

23. Beecher Stowe, H.E. *Uncle Tom's Cabin, or, Life Among the Lowly*. – N.Y.: Penguin Books, 1998. 490 p.
24. *The Complete Poetical Works of Whittier*. – Boston: The Riverside Press Cambridge, 1892. 542 p.
25. DeCou, G. *Woolman-Land: Historical Sketches of Rancocas and Neighborhood*. – Mount Holly, 1937. 23 p.
26. Everitt, B.J. *Lightgnawn*. – CreateSpace Independent Publishing Platform, 2018. 92 p.
27. Chandler, E.M. *John Woolman // Essays, Philanthropic and Moral, by Elizabeth Margaret Chandler, Principally Relating to the Abolition of Slavery in America*. – Philadelphia: Lemuel Howell, 1836. P. 25-26.
28. *Collected Letters of S. T. Coleridge. Vol. I: 1785–1800 / Ed. by E. L. Griggs*. – Oxford: Oxford University Press, 1956. 372 p.
29. Dalglish D. *An American Saint // Dalglish D. People Called Quakers*. – N.Y.: Books for Libraries Press, 1938. P. 57-83.
30. Dreiser, T. *The Bulwark*. – N.Y.: Doubleday & Company Inc., 1946. 338 p.
31. Fager, Ch. *John Woolman and the Slave Girl*. – Kimopress, 1977. 28 p.
32. Gertrude (pseudonym of E.M. Chandler). *John Woolman // Lundy, B. (ed.). The Genius of Universal Emancipation, June 1832*. P. 182.
33. Green, Th. *John Woolman: A Study for Young Men*. – Manchester, London, 1885. 132 p.
34. Greenwell, D. *John Woolman*. – L.: F.B. Kitto, 1871. 62 p.
35. Jones, R. *The Trail of Life in the Middle Years*. – N.Y.: The Macmillan Company, 1934. 250 p.
36. L. "John Woolman" // *Friends Review: A Religious, Literary and Miscellaneous Journal*. 1852, Vol. 5, Iss. 31. P. 485.
37. Lask, J.S. *John Woolman: Crusader for Freedom // Phylon*. 1944, Vol. 5, No.1. P. 30-40.
38. Newton, J.F. *Wesley and Woolman: An Appraisal and Comparison*. – N.Y., Cincinnati: The Abingdon Press, 1915. 80 p.

39. Peare, C.O. John Woolman: Child of Light; The Story of John Woolman and the Friends. – New York: The Vanguard Press, 1954. 256 p.
40. Peare, C.O. The Lost Lakes: A Story of the Texas Rangers. – Philadelphia, Toronto: The John C. Winston Company, 1953. 178 p.
41. The Poetical Works of Elizabeth Margaret Chandler: With a Memoir of Her Life and Character / Ed. by B. Lundy. – Philadelphia: Lemuel Howell, 1836. 180 p.
42. R. P. A. Sister Ruth's Stories for the Young: or, Evenings with John Woolman. – Philadelphia: J.B. Lippincott & Co, 1865. 124 p.
43. Robinson, H.C. Diary, Reminiscences and Correspondence. Vol. II / Ed. by T. Sadler. – N.Y., 1877. 556 p.
44. Scudder, V.D. Introduction // The Journal with Other Writings of John Woolman. – L.: Dent & Sons, 1910. P. vii-xix.
45. Smellie A. Introduction / The Journal of John Woolman. – L., 1902. P. vii-xviii.
46. Teignmouth Shore, W. John Woolman: his Life and our Times: Being a Study in Applied Christianity. – L.: Macmillan and Co, Ltd., 1913. 278 p.
47. Thoreau, H.D. On the Duty of Civil Disobedience / Thoreau, H.D. Walden & Civil Disobedience. – L.: Collins Classics, 2018. P. 313-341.
48. Townsend, H., Townsend, M. The Anti-Slavery Alphabet. – Philadelphia: Merrihew and Thompson, 1847. 16 p.
49. Trevelyan, G.M. Clio, a Muse, and Other Essays Literary and Pedestrian. – N.Y.: Longman, Green & Co., 1913. 196 p.
50. Whitney, J. Abigail Adams. – Boston: Little, Brown and Co., 1947. 358 p.
51. Whitney, J. John Woolman: American Quaker. – London: George G. Harrap & Co. ltd., 1942. 432 p.
52. Whittier, J.G. Introduction // The Journal of John Woolman. – Boston: James R. Osgood & Co., 1871. P. 1-49.

Исследования жизни и творчества Джона Вулмена

53. Апенко Е.М. Американские квакеры и литература // Вестник Удмуртского университета. 1994. № 4. С. 18-26.

54. Altman, W.F. John Woolman's Reading. – A diss. subm. to Florida State University, 1957. 293 p.
55. Anderson, P. The Spiritual Formation of Young John Woolman // The Tendering Presence: Essays on John Woolman / Ed. by M.A. Heller. – Philadelphia: Pendle Hill Publications, 2003. P. 17-44.
56. Banes, R. A. The Exemplary Self: Autobiography in Eighteenth-Century America // University of Hawai'i Press: Biography, Vol. 5, No. 3, 1982. P. 226-239.
57. Birkel, M.L. A Near Sympathy: The Timeless Quaker Wisdom of John Woolman. – Richmond: Friends United Press, 2010. 126 p.
58. Birkel, M.L. Not Your Grandmother's Apocalypse: The De-Liberalization of John Woolman // Quaker Religious Thought. 2019. Vol. 132. P. 26-30.
59. Birkel, M.L. Preparing the Heart for Sympathy: John Woolman Reading Scripture // The Tendering Presence: Essays on John Woolman / Ed. by M.A. Heller. – Philadelphia: Pendle Hill Publications, 2003. P. 88-104.
60. Boroughs, Ph. L. S. J. John Woolman's Spirituality // The Tendering Presence: Essays on John Woolman / Ed. by M.A. Heller. – Philadelphia: Pendle Hill Publications, 2003. P. 1-16.
61. Boroughs, Ph. L., S.J. Social Spirituality in John Woolman and Gustavo Gutierrez // Quaker Religious Thought. 1986. Vol. 63. P. 37-59.
62. Brown, E.M. The Writings of John Woolman: With Especial Emphasis on Their Social Philosophy. – A thesis subm. to the University of Southern California, 1929. 92 p.
63. Cadbury, H.J. Another Woolman Manuscript // Quaker History. 1972. Vol. 61, No. 1. P. 16-23.
64. Cadbury, H.J. Did Woolman Wear a Beard? // Quaker History. 1965. Vol. 54, No. 2. P. 111-114.
65. Cadbury, H.J. John Woolman: American Quaker, by J. Whitney // Pennsylvania Magazine of History and Biography; Book Reviews. October 1942. P. 485-486.

66. Cadbury, H.J. Sailing to England with John Woolman // *Quaker History*. 1966. Vol. 55, No. 2. P. 88-103.
67. Cady, E.H. *John Woolman: The Mind of the Quaker Saint*. – N.Y.: Washington Square Press, 1966. 182 p.
68. Condia-Williams, Ch. The Names of God in George Fox and John Woolman // *Quaker Religious Thought*, Vol. 80, 1992. P. 33-40.
69. Dalke, A. “Fully Attending to the Spirit”: John Woolman and the Practice of Quaker Pedagogy // *The Tendering Presence: Essays on John Woolman* / Ed. by M.A. Heller. – Philadelphia: Pendle Hill Publications, 2003. P. 281-294.
70. Davis, M.W. The Connatural Ground of John Woolman’s Triangle // *College Language Association Journal*. 1965. Vol. 9, No. 2. P. 132-139.
71. Davis, V. John Woolman and Structural Violence: Model for Analysis and Social Change // *The Tendering Presence: Essays on John Woolman* / Ed. by M.A. Heller. – Philadelphia: Pendle Hill Publications, 2003. P. 243-260.
72. Dean, S. The Figure of John Woolman in American Multicultural Studies // *The Tendering Presence: Essays on John Woolman* / Ed. by M.A. Heller. – Philadelphia: Pendle Hill Publications, 2003. P. 261-280.
73. Drake, Th. E. A Poetical Tribute to John Woolman // *Bulletin of Friends Historical Association*. Vol. 43, No. 2, 1954. P. 100-101.
74. Dyson, A.O., the Rev. The Ethics of Social Protest: John Woolman // *Bulletin of the John Rylands Library*, 1985, Vol. 68 (1). 115-134 pp.
75. Emerson, D.E. Whittier, Woolman’s Journal, and Caroline Neagus // *Bulletin of Friends Historical Association*. Vol. 30, No. 2, 1941. P. 74-79.
76. Friedrich, G. Theodore Dreiser’s Debt to Woolman’s Journal // *American Quarterly*. 1955, 7 (4). P. 385-392.
77. Frost, J.W. John Woolman and the Enlightenment // *The Tendering Presence: Essays on John Woolman* / Ed. by M. A. Heller. – Philadelphia: Pendle Hill Publications, 2003. P. 167-179.
78. Gillespie, G. John Woolman’s light in the night: An Analysis // *Dreaming*. 2000. Vol. 10, No. 3. P. 149-160.

79. Gordis, L.M. Spirit and Substance: John Woolman and “The Language of the Holy One” // *The Tendering Presence: Essays on John Woolman* / Ed. by M.A. Heller. – Philadelphia: Pendle Hill Publications, 2003. P. 67-87.
80. Graves, M.P. “A Perfect Redemption from this Spirit of Oppression”: John Woolman’s Hopeful World View in “A Plea for the Poor” // *The Tendering Presence: Essays on John Woolman* / Ed. by M.A. Heller. – Philadelphia: Pendle Hill Publications, 2003. P. 219-242.
81. Gummere, A.M. *The Journal of John Woolman: Biographical Sketch* // *The Journal of John Woolman*. – N.Y.: The Macmillan Company, 1922. P. 1-150.
82. Hedges, W.L. John Woolman and the Quaker Utopian Vision // *Utopias: The American Experience* / Ed. by G.B. Moment and O.F. Kraushaar. – Meruchen, N.J. & L.: The Scarecrow Press, 1980. P. 87-102.
83. Heller, M.A. John Woolman and Good and Evil // *Good and Evil: Quaker Perspectives* / Ed. by J.L. Scully and P. Dandelion. – L., N.Y.: Routledge, 2016. P. 71-80.
84. Heller, M.A. *Soft Persuasion: A Rhetorical Analysis of John Woolman’s Essays and “Journal”*. – A diss. subm. to Arizona State University, 1989. 274 p.
85. Higgins, E.F.D. John Woolman’s Journal: Narrative as Quaker Values Transmission // *Quaker Religious Thought*. 1993. Vol. 81. P. 25-37.
86. Higgins, E.F. *Narrative and Values in the Quaker Journals of Thomas Chalkley, Elizabeth Ashbridge and John Woolman*. – A diss. subm. to The Union Institute, 1992. 263 p.
87. Holcomb, J. *Moral Commerce: Quakers and the Transatlantic Boycott of the Slave Labor Economy*. – Ithaca and London: Cornell Univ. Press, 2020. 272 p.
88. Jolliff, W. The Economy of the Inward Life: John Woolman and Henry Thoreau // *The Concord Saunterer*. 2007, No. 15. P. 91-111.
89. Kershner, J.R. ‘A More Lively Feeling’: The Correspondence and Integration of Mystical and Spatial Dynamics in John Woolman’s Travels // *Quaker Studies*, No. 20/1, 2015. P. 103-116.

90. Kershner, J.R. *Mysticism and Revelation in John Woolman's Theology* // *Quaker Religious Thought*. 2015. Vol. 125. P. 34-42.
91. Kershner, J.R. "The Government of Christ": John Woolman's (1720–1772) *Apocalyptic Theology*. – A diss. subm. to the Univ. of Birmingham. 2013. 390 p.
92. Kershner, J.R. *The York Manuscript: John Woolman's Final Writings* // *Quaker History*. 2013. Vol. 102, No. 2. P. 28-51.
93. Lacey, P.A. *Answerable to the Design of Our Creation: Teaching "A Plea for the Poor"* // *The Tendering Presence: Essays on John Woolman* / Ed. by M.A. Heller. – Philadelphia: Pendle Hill Publications, 2003. P. 295-310.
94. Livesay, E.K. *John Woolman: Persona and Person*. – A diss. subm. to the University of Delaware, 1976. 315 p.
95. Lutz, B.A. *John Woolman: More Than Just a Journal. The Capacity of One Individual to Make a Difference* // *Univ. of Wisconsin. History* 489. 2009. 29 p.
96. McElroy, F.L. *Prophets of Universal Redemption: Evangelical Antislavery Literature from John Woolman to Ottobah Cugoano*. – A diss. submitted to Indiana University, 1987. 403 p.
97. Meranze, M. *Materializing Conscience: Embodiment, Speech, and the Experience of Sympathetic Identification* // *Early American Literature*. Vol. 37, No. 1, *Interiority in Early American Literature*, 2002. P. 71-88.
98. Millar, A.E., Jr. *Spiritual Autobiography in Selected Writings of Sewall, Edwards, Byrd, Woolman, and Franklin: A Comparison of Technique and Content*. – A diss. subm. to the University of Delaware, 1968. 357 p.
99. Miller, J.D. "Nature Hath a Voice": John Woolman's Wilderness "Habitus" // *Religion and Literature*, Vol. 45, No. 2, 2013. P. 27-54.
100. Moulton, Ph. P. *John Woolman's Approach to Social Action: As Exemplified in Relation to Slavery* // *Church History*. Vol. 35, No. 4, 1966. P. 399-410.
101. Moulton, Ph. P. *John Woolman: Exemplar of Ethics* // *Quaker History*. 1965. Vol. 54, No. 2. P. 81-93.
102. Moulton, Ph. P. *The Influence of the Writings of John Woolman* // *Quaker History*. Vol. 60, No. 1, 1971. P. 3-13.

103. Moulton, Ph. P. Preface // *The Journal and Major Essays of John Woolman* / Ed. by Ph. P. Moulton. – Richmond: Friends United Press, 1971. P. ix-xv.
104. Myles, A.G. “Stranger Friend”: John Woolman and Quaker Dissent // *The Tendering Presence: Essays on John Woolman* / Ed. by M.A. Heller. – Philadelphia: Pendle Hill Publications, 2003. P. 45-66.
105. Olmsted, S. *Motions of Love: Woolman as Mystic and Activist*. – Philadelphia: Pendle Hill Publications, 1993. 47 p.
106. Olmsted, S. Woolman and Gandhi and Human Betterment or the Yoga of Peacemaking // *The Tendering Presence: Essays on John Woolman* / Ed. by M.A. Heller. – Philadelphia: Pendle Hill Publications, 2003. P. 325-334.
107. O’Reilly, M.R. John Woolman: The Unconstructed Self // *The Tendering Presence: Essays on John Woolman* / Ed. by M.A. Heller. – Philadelphia: Pendle Hill Publications, 2003. P. 133-147.
108. Osmond, W.S. *The Influence of John Woolman on the Quakers’ Antislavery Position*. – A diss. subm. to the Acadia Divinity College, 1998. 153 p.
109. Perkins, J. The European Reception of John Woolman’s Journal // *Quaker History*, Vol. 69, No. 2, 1980. P. 91-101.
110. Perry, J.F. John Woolman and his Ultimate Reality and Meaning // *Ultimate Reality and Meaning*. 2009. Vol. 32, No. 1. P. 90-102.
111. Pickett, R.H. A Religious Encounter: John Woolman and David Zeisberger // *Quaker History*, Vol. 79, No. 2, 1990. P. 77-92.
112. Plank, G. *John Woolman’s Path to the Peaceable Kingdom: A Quaker in the British Empire*. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012. 296 p.
113. Plank, G. The First Person in Antislavery Literature: John Woolman, his Clothes and his Journal // *Slavery and Abolition*, Vol. 30, No. 1, March 2009, pp. 67-91.
114. Proud, J. A Note on John Woolman’s Paternal Ancestors: The Gloucestershire Roots; The West New Jersey Plantation // *Quaker History*. Vol. 96, No. 2, 2007. P. 28-53.

115. Qualls, Y. "Successors of Woolman and Benezet": The Beginnings of the Philadelphia Friends Freedmen's Association // *Bulletin of Friends Historical Association*. 1956. Vol. 45, No. 2. P. 82-104.
116. Rosenblatt P. John Woolman. – N.Y.: Twayne Publishers Inc., 1969. 164 p.
117. Sackmary, R. *Horizons of the Self: Autobiography and First-Person Narrative in Early American Literature*. – A diss. subm. to The City Univ. of New York, 1978. 259 p.
118. Sazama, G.W. On Woolman's "Conversations", Ethics, and Economics // *The Tendering Presence: Essays on John Woolman* / Ed. by M.A. Heller. – Philadelphia: Pendle Hill Publications, 2003. P. 190-206.
119. Soderlund, J.R. African Americans and Native Americans in John Woolman's World // *The Tendering Presence: Essays on John Woolman* / Ed. by M. Heller. – Philadelphia: Pendle Hill Publications, 2003. P. 148-166.
120. Slaughter, Th. P. *The Beautiful Soul of John Woolman, Apostle of Abolition*. – N.Y.: Hill and Wang, 2008. 452 p.
121. Sox, D. *John Woolman: Quintessential Quaker. 1720 to 1772*. – Richmond: Friends United Press, 1999. 148 p.
122. Stewart M.E. John Woolman's "Kindness beyond Expression": Collective Identity vs. Individualism and White Supremacy // *Early American Literature*, Vol. 26, No. 3, 1991. P. 251-275.
123. Stewart, M.E. Thinking about Death: The Companionship of John Woolman's Journal // *The Tendering Presence: Essays on John Woolman; In Honour of Sterling Olmsted and Phillips P. Moulton* / Ed. by Mike Heller. – Philadelphia: Pendle Hill Publications, 2003. P. 105-132.
124. Terrell, Th. E. Jr. John Woolman: The Theology of a Public Order // *Quaker History*. 1982. Vol. 71, No. 1. P. 16-30.
125. Tolles, F.B. Introduction // *The Journal of John Woolman and A Plea for the Poor*. – N.Y.: A Citadel Press Book, 1961. P. v-xii.
126. Tolles, F.B. John Woolman: American Quaker, by J. Whitney // *American Literature*. Vol. 15, No. 1. 1943. P. 73-75.

127. Tolles, F.B. John Woolman's List of "Books Lent" // Bulletin of Friends Historical Association. 1942. Vol. 31, No. 2. P. 72-81.
128. Varga, Ch. "Be Ye Therefore Perfect": Integral Christianity in "Some Considerations on the Keeping of Negroes" // The Tendering Presence: Essays on John Woolman / Ed. by M.A. Heller. – Philadelphia: Pendle Hill Publications, 2003. P. 207-218.
129. White, A. A "Consuming" Oppression: Sugar, Cannibalism and John Woolman's 1770 Slave Dream // Quaker History. 2007. Vol. 96, No. 2. P. 1-27.
130. Whitney, J. John Woolman, Child of Light. By C.O. Peare; The Prisoner's Friend: The Story of Elizabeth Fry. By P. Pringle (Review) // Bulletin of Friends Historical Association. Vol. 43, No. 2. 1954. P. 120.

Публикации автора данной работы

131. Абдурахманова-Павлова Д.В. «Дневник» Джона Вулмена: американский квакер XVIII века и проблема «гражданского неповиновения» // XVIII век: интимное и публичное в литературе и культуре эпохи: коллективная монография / Под ред. Н.Т. Пахсарьян. – СПб.: Алетейя, 2021. С. 79-89.
132. Абдурахманова-Павлова Д.В. «Документальное» и «художественное» в «Дневнике» Джона Вулмена // Филология и культура. 2021. № 3 (65). С. 46-55.
133. Абдурахманова-Павлова Д.В. Идеал «простой жизни» в творчестве Джона Вулмена // Тенденции развития науки и образования. 2019, № 50, ч. 10. С. 5-8.
134. Абдурахманова-Павлова Д.В. «Истории сестры Руфи, рассказанные ею детям, или Вечера с Джоном Вулменом»: к вопросу о детской литературе «домашнего аболиционизма» // Литература двух Америк. 2022. № 13. С. 367-382.
135. Абдурахманова-Павлова Д.В. Образ Джона Вулмена в англоязычной публицистике 1850–1940-х гг.: агиографические мотивы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 177-185.

136. Абдурахманова-Павлова Д.В. Рецепция «Дневника» Джона Вулмена в романе Теодора Драйзера «Оплот» // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 5-13.

Научные, литературно-критические работы и справочные издания

137. Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском пространстве: Люди, тексты, практики: Коллективная монография // Под ред. Ю.П. Зарецкого, Е.К. Карпенко, З.В. Шушпановой. – М.: Библио-Глобус, 2017. 560 с.

138. Алташина В.Д. Поэзия и правда мемуаров (Франция, XVII–XVIII вв.): Монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2005. 176 с.

139. Апенко Е.М. Литература средних колоний // История литературы США. Т. I: Литература колониального периода и эпохи Войны за независимость. – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 1997. XVII – XVIII вв. С. 280-304.

140. Бобкова Ю.З. О характере субъектно-объектного взаимодействия в художественной биографии // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. Вып. 2. С. 45-49.

141. Венедиктова Т.Д. Бостонская школа // История литературы США. Т. III. Литература середины XIX в. (поздний романтизм). – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. С. 222-229.

142. Венедиктова Т.Д. «Разговор по-американски»: дискурс торга в литературной традиции США. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. 328 с.

143. Герасимова А. «Гоголю советов не давал»: к методологии изучения наивного рецензента // Русская филология. 28. Тарту, 2017. С. 242-257.

144. Гордиенко А.Н., Ибрагим Т.К. Предисловие к русскому переводу // Ходжсон М. История ислама: Исламская цивилизация от рождения до наших дней. Пер. с англ. А.Н. Гордиенко, И.В. Матвеева, Н.В. Шевченко. – М.: Эксмо, 2013.

145. Гусейнов А.А. Вместо заключения. Этика ненасилия // История этических учений: Учебник для вузов / Под ред. А.А. Гусейнова. – М.: Академический проект; Трикста, 2015. С. 861-871.
146. Добренко Е.А. Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. – СПб.: Академический проект, 1994. 321 с.
147. Егоров О.Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра. – М.: Флинта, Наука, 2003. 279 с.
148. Есенина Е.А. Автобиографическая проза А.И. Цветаевой: проблема жанра. Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2021. 224 с.
149. Жирмунский В.М. Английская народная баллада // Английские и шотландские баллады. – М.: Наука, 1973. С. 87-103.
150. Загидуллина М.В. Пушкинский миф в конце XX века. – Челябинск, 2001. 245 с.
151. Зарецкий Ю.П. Автобиографические «я» от Августина до Аввакума (Очерки истории самосознания европейского индивида). – М.: РАН, 2002. 324 с.
152. Златопольская А.А. “Intus et in cute”. Восприятие образа и автобиографии Жан-Жака Руссо в русской философско-антропологической мысли XVIII–XIX вв. // Философский век: альманах. Вып. 22. Под ред. М.И. Микешина, Т.В. Артемьевой. – СПб.: СПб. Центр истории идей, 2002. С. 20-32.
153. Караева Л.Б. Английская литературная автобиография: трансформация жанра в XX веке. Дисс. ... доктора филол. наук. – М., 2010. 329 с.
154. Кобахидзе Т.Д. Миф и мелос в «Четырёх квартетах» Т.С. Элиота // Литература двух Америк. № 13, 2022. С. 177-206.
155. Ковалев Ю.В. Финал / Драйзер Т. Стоик. Оплот. – Л.: Лениздат, 1989. С. 652-670.
156. Компаньон А. Демон теории: литература и здравый смысл / Пер. с франц. С.Н. Зенкина. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001. 336 с.

157. Коренева М.М. Введение // История литературы США. Т. I. Литература колониального периода и эпохи Войны за независимость. XVII–XVIII вв. – М.: «Наследие», 1997. С. 90-109.
158. Коренева М.М. Джонатан Эдвардс // История литературы США. Том I. Литература колониального периода и эпохи Войны за независимость. XVII–XVIII вв. – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 1997. С. 350-384.
159. Кравченко Э.Я. Несобственно-прямая речь // Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 144-145.
160. Краснова Н.А., Краснов А.Г. Мотивы жития и агиологических жанровых вариантов // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 14, № 2 (3), 2012. С. 740-747.
161. Кудряшова А.А. Теоретические основы жанра в русской автобиографической прозе. Дисс. ... доктора филол. наук. – М., 2013. 405 с.
162. Кузина Д.Д. Трансформация жанрового канона путешествия в американской литературе первой трети XX века. – Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2022. 387 с.
163. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой / Пер. с англ. О.Ю. Чекчуриной. – СПб.: «Питер», 2018. 352 с.
164. Ламзина А.В. Рама произведения // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 848-853.
165. Ларина Т.В. 'Privacy', или автономия личности, как важнейший концепт английской культуры // Вестник Российского Университета Дружбы Народов; серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2003, № 1. С. 128-134.
166. Локерд Б. Т.С. Элиот и чувство истории // Литература двух Америк. 2022. № 13. (Пер. с англ. Т.А. Пирусской.) С. 134-147.
167. Лопарев Х.М. Византийские жития святых VIII–IX веков // Византийский временник. 1910, т. 17. С. 1-124.

168. Мишина Л.А. Дневник как жанр и как форма в американской литературе XVII века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Литературоведение. 2015. № 2 (2). С. 148-152.
169. Никитин С.А. Как квакеры спасали Россию. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. 408 с.
170. Новикова С.Ю. Автобиографическая проза Томаса Бернхарда: проблематика и поэтика. Дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2018. 211 с.
171. Павлова Т.А. Джордж Фокс, ранние квакеры и проблемы пацифизма // Пацифизм в истории. Идеи и движения мира. – М., 1998. С. 28-48.
172. Павлова Т.А. Дух Просвещения и ранние квакеры // Человек XVII столетия. Часть 1. – М.: ИВИ РАН, 2005. С. 149-159.
173. Павлова Т.А. К русскому читателю // Вулман Дж. Дневник. Ходатайство о бедных. – М.: Астрейя, 1995. С. 7-28.
174. Павлова Т.А. Принцип ненасилия в учении ранних квакеров: документальное оформление доктрины // Ненасилие как мировоззрение и образ жизни (исторический ракурс). – М.: ИВИ РАН, 2000. С. 60-78.
175. Панова О.Ю. Негритянская литература США 18 – начала 20 века: проблемы истории и интерпретации. – Дисс. ... доктора филол. наук. – М., 2014. 787 с.
176. Попова А.В. Концепция биографического жанра в творчестве А. Моруа // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006, № 11. С. 227-233.
177. Руди Т.Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика / Под ред. С.А. Семячко и Т.Р. Руди. – СПб., 2005. С. 59-101.
178. Салеев В.А. Искусство и его оценка. – Минск: Издательство БГУ, 1977. 160 с.
179. Словарь религий: Иудаизм, Христианство, Ислам / Под ред. В. Зюбера, Ж. Потэна. Пер. с франц. Е.А. Терюковой. – СПб.: «Питер», 2009. 656 с.

180. Соболевская О.В. Биография // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 90-92.
181. Стеценко Е.А. История, написанная в пути... (Записки и книги путешествий в американской литературе XVII–XIX вв.) – М.: ИМЛИ РАН, 1999. 312 с.
182. Тамарченко Н.Д. Интроспекция психологическая // Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий. – М.: Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. С. 83-84.
183. Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. 400 с.
184. Толмачев В.М. Томас Стернз Элиот // История литературы США. Том VI. Книга 2. Литература между двумя мировыми войнами. Том VI. Книга 2. – М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 5-77.
185. Тресиддер, Дж. Словарь символов. – М.: Фаир-пресс, 2001. 448 с.
186. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л.Ф. Ильичева, П.Н. Федосеева, С.М. Ковалева, В.Г. Панова. – М.: «Советская энциклопедия», 1983. 840 с.
187. Ханжина Е.П. Джон Гринлиф Уиттгер // История литературы США. Т. III. Литература середины XIX в. (поздний романтизм). – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. С. 250-273.
188. Цветкова М.В. Возможности рецептивного подхода в рамках компаративистского исследования // Вестник Вятского государственного университета. 2010, № 3-2. С. 8-12.
189. Шалимов О.А. В поисках внутреннего света: Татьяна Александровна Павлова (1937–2002) // Постигание идеала: из истории миротворчества и интеллигенции. Сборник памяти Т.А. Павловой. – М.: ИВИ РАН, 2005. С. 22-25.
190. Щедрина И.О. Самосознание и автобиографический нарратив: эпистемологический анализ. Дисс. ... канд. филос. наук. – М., 2018. 133 с.

191. Acosta, A.M. *Pregnant Silence and Mystical Birth: Quaker Worship in the Seventeenth Century and the Subversive Practices of Silence // Restoration: Studies of English Literary Culture, 1660–1700*. Vol. 43, No. 1, 2019. P. 51-72.
192. *Am I Not a Man and a Brother: The Antislavery Crusade of Revolutionary America. 1688–1788 / Ed. by R. Bruns.* – N.Y.: Chelsea House Publishers, 1977. 551 p.
193. Bauman, R. *Let Your Words Be Few: Symbolism of Speaking and Silence among Seventeenth-Century Quakers.* – N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1983. 168 p.
194. Bicknell, K. *Brooks and Ditches: A Transcendental Look at Education // Independent School Magazine*. 2008. No. 6 (1).
195. Birkel, M.L. *Quran in Conversation.* – Baylor University Press, 2014. 282 p.
196. Brinton, H.H. *Friends for 350 years: The history and beliefs of the Society of Friends since George Fox started the Quaker Movement.* – Wallingford: Pendle Hill Publications, 2002. 240 p.
197. Brinton, H. *Quaker Journals: Varieties of Religious Experience Among Friends.* – Pennsylvania: Pendle Hill Publications, 1972. 130 p.
198. Brown C.T. *Dreiser's Bulwark and Philadelphia Quakerism // Bulletin of Friends Historical Association*. 1946, 35 (2). P. 52-61.
199. Burke, III, E. *Islamic History as World History: Marshall Hodgson, 'The Venture of Islam' // International Journal of Middle Eastern Studies*. Vol. 10, No. 2, 1979. P. 241-264.
200. *The Cambridge History of American Literature / Ed. by S. Bercovitch, C. R. K. Patell*. Vol. 2: 1820–1865. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994. 830 p.
201. *The Continuum Encyclopedia of Children's Literature / Ed. by B. E. Cullinan, D. G. Person.* – N.Y., L.: Continuum, 2005. 864 p.
202. Connolly, P.T. *Slavery in American Children's Literature, 1790–2010.* – Iowa City: University of Iowa Press, 2013. 288 p.
203. Cox, J. M. *Recovering Literature's Lost Ground: Essays in American Autobiography.* – Baton Rouge and London: Louisiana State University Press, 1989. 224 p.

204. Caulfield, A.B. *Quakers in Fiction: An Annotated Bibliography*. – Northampton: Pittenbruach Press, 1993. 170 p.
205. Cheddadi, A. *Islamic History and World History: The Double Enterprise of Marshall G.S. Hodgson // Islam and World History / Ed. by E. Burke and R. H. Mankin*. – Chicago: University of Chicago Press, 2019. P. 16-24.
206. Couser, G. Th. *American Autobiography: The Prophetic Mode*. – Amherst: University of Massachusetts Press, 1979. 226 p.
207. Dandelion, P. *Making Our Connections: A Spirituality of Travel*. – L.: SCM Press, 2013.
208. De Rosa, D.C. *Domestic Abolitionism and Juvenile Literature, 1830–1865*. – N.Y.: State University of New York Press, 2003. 200 p.
209. De Rosa, D.C. *Into the Mouths of Babes: An Anthology of Children's Abolitionist Literature*. – Westport, Connecticut; London: Praeger, 2005. 392 p.
210. Dreiser, Th. *The Living Thoughts of Thoreau*. – N.Y.: David McKay Co., Inc. 1963. 176 p.
211. Dreiser, V. *My Uncle Theodore*. – N.Y.: Nash Publishing, 1976. 240 p.
212. Dunkling, L., Gosling, W. *The Facts on File: Dictionary of First Names*. – N. Y., 1983. 306 p.
213. Eliot, Ch. W. *Introductory note // The Autobiography of Benjamin Franklin; The Journal of John Woolman; Fruits of Solitude by William Penn / Ed. by Ch. W. Eliot*. – N.Y.: P.F. Collier and Son, 1909. P. 176.
214. Fish, S.E. *Self-consuming Artifacts. The Experience of Seventeenth-Century Literature*. – Los Angeles: University of California Press, 1972. 432 p.
215. Friedrich G. *A Major Influence on Theodore Dreiser's The Bulwark // American Literature*. 1957, 29 (2). P. 180-193.
216. Frost, J.W. *How the Quakers Invented America, by D. Yount (review) // Quaker History*. 2008, Vol. 97, No. 1. P. 67-69.
217. Frye, N. *Anatomy of Criticism: Four Essays*. – Princeton: Princeton University Press, 1957. 384 p.

218. Geist, Ch. D. The "Slave's Friend": An Abolitionist Magazine for Children // *American Periodicals*. No. 9, 1999. P. 27-35.
219. Hodgson, M.G.S. *The Venture of Islam: Conscience and History in a World Civilization*. Vol. 1: *The Classical Age of Islam*. – Chicago & London: The University of Chicago Press, 1974. 532 p.
220. Hoffheimer, M.H. Jean Valjean's Nightmare: Rehabilitation and Redemption in *Les Misérables* // *McGeorge Law Review*, 2011, No. 46. P. 168-198.
221. Hogan, R., Bogart, H. *The Plain Style: A Rhetoric and Reader*. – N.Y.: American Book Company, 1967. 344 p.
222. Hussman, L.E., Jr. *Dreiser and His Fiction: A Twentieth-Century Quest*. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1983. 224 p.
223. Kagle, S.E. *American Diary Literature: 1620–1799*. – Boston: Twayne Publishers, 1979. 206 p.
224. Kerber, L.K. *The Republican Mother: Women and the Enlightenment – An American Perspective* // *American Quarterly* 28, no. 2, 1976. P. 187-205.
225. Khasandi-Telewa, V., Wakoko, M., Mugo, J., Mahero, E., Ndegwa, F. "What an Old Man Sees While Sitting a Young Man Cannot See While Standing": Utilizing Senior Citizens to Achieve Peace // *International Journal of Research in Social Sciences*. 2013, Vol. 2, No. 2. P. 44-49.
226. Kolatch, A.J. *The Jonathan David Dictionary of First Names*. – N.Y.: Jonathan David Publishers, 1980. 506 p.
227. Lackey, M. *The American Biographical Novel*. – N.Y.: Bloomsbury, 2016. 278 p.
228. Lackey, M. (Ed.). *Truthful Fictions: Conversations with American Biographical Novelists*. – N.Y.: Bloomsbury, 2014. 265 p.
229. Lejeune, Ph. *On Diary* / Ed. by J.D. Popkin and J. Rak; transl. by K. Durnin. – Honolulu: University of Hawai'i Press, 2009. 362 p.
230. Lingeman, R. *Theodore Dreiser: An American Journey. 1908–1945*. – N.Y.: G. P. Putnam's Sons, 1990. 546 p.

231. Lucas, E.V. *The Life of Charles Lamb*. Vols. I-II. – N.Y.: University of Michigan Library, 1905. 430 p.
232. Lukács, G. *The Historical Novel*. – Lincoln: University of Nebraska Press, 1983. 365 p.
233. Lydon, M. *Theodore Dreiser, Anna Tatum, and The Bulwark: The Making of a Masterpiece*. – N.Y.: Franklin Street Press, 2017. 70 p.
234. Mason, M.J.H. *Introduction // Remember the Distance that Divides Us: The Family Letters of Philadelphia Quaker Abolitionist and Michigan Pioneer Elizabeth Margaret Chandler, 1830–1842 / Ed. by M. J. H. Mason*. – Michigan: Michigan State University Press, 2004. P. xv-lviii.
235. Matthiessen, F.O. *God, Mammon, and Mr. Dreiser; A Posthumous Novel of Man's Search for Meaning in a World without Faith // The New York Times Book Review*. 1946, March 24. P. 42-44.
236. Matthiessen, F.O. *Theodore Dreiser*. – N.Y.: William Sloane Associates, 1951. 268 p.
237. McKeogh, C. *Quaker Peace Testimony and Pacifism // Presented at the 67th Political Studies Association Annual Conference, 10-12 April 2017, Glasgow, United Kingdom*. P. 1-13.
238. Pizer, D. *Dreiser and his Fiction: A Twentieth-Century Quest* by Lawrence E. Hussman Jr. (review) // *Studies in American Fiction*. 1984, 12 (2). P. 235.
239. Pizer, D. *The Novels of Theodore Dreiser: A Critical Study*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1976. 382 p.
240. Plugh, M.H. *Meaning in Silence and the Quaker Tradition // ETC: A Review of General Semantics*. Vol. 69, No. 2, 2012. P. 204-215.
241. *The Rhetorical Tradition: Readings from Classical Times to the Present / Ed. by P. Bizzell, B. Herzberg*. – Boston: Bedford Books, 1990. 1282 p.
242. Richman, S. *Theodore Dreiser's The Bulwark: A Final Resolution // American Literature*. 1962, 34 (2). P. 229-245.
243. Roads, J. *The Distinctiveness of Quaker Prose, 1650–1699: A Corpus-Based Enquiry*. – A diss. subm. to the University of Birmingham, 2015. 349 p.

244. Salzman, J. The Curious History of Dreiser's *The Bulwark* // *Proof: The Yearbook of American Bibliographical and Textual Studies*. 1973, 3. P. 21-61.
245. Sayre, R. F. *Autobiography and the Making of America* // *The Iowa Review*. Vol. 9. Issue 2, 1978. P. 1-19.
246. Schertz, M. *The Temple School: Transcendentalist Pedagogy and Moral Regulation in Antebellum America* // *Childhood and Philosophy*. 2012. Vol. 8, No. 15. P. 179-194.
247. Schubel, V.J. *Islam and World History: The Ventures of Marshall Hodgson*, by E. Burke III and R.J. Mankin (eds.) (Review) // *American Journal of Islamic Social Sciences*. No. 36 (4), 2019. P. 100-103.
248. Shea, D. *Spiritual Autobiography in Early America*. – Princeton: Princeton University Press, 1968. 280 p.
249. Soderlund, J.R. *Quakers and Slavery: A Divided Spirit*. – Princeton: Princeton University Press, 1985. 223 p.
250. St. Jeane, Sh. *Mythology, Religion, and Intertextuality in Theodore Dreiser's The Bulwark* // *Christianity and Literature*. 1999, 48 (3). P. 275-293.
251. Stiles, C.A. *Windows into Antebellum Charleston: Gloria Gilman and The Southern Rose Magazine*. – A diss. subm. to the University of South Carolina, 1994. 357 p.
252. Tamari, S. *The Venture of Marshall Hodgson: Visionary Historian of Islam and the World* // *New Global Studies*. No. 9 (1), 2015. P. 73-87.
253. Thayer, W. R. *Biography / Lectures on The Harvard Classics* // Ed. by W.A. Neilson. – N.Y.: P.F. Collier & Son Corporation, 1914. P. 170-187.
254. Thompson, K.E.R. *Inconsistent Friends: Philadelphia Quakers and the Development of Native American Missions in the Long Eighteenth Century*. – Diss. subm. to the University of Iowa, 2013. 204 p.
255. Tolles, F.B. "Of the Best Sort but Plain": The Quaker Esthetic // *American Quarterly*, Vol. 11, No. 4, 1959. P. 484-502.
256. Tsuchiya, Y. *Urban Pastoralism in Theodore Dreiser's Works*. – A diss. subm. to Nagoya University, 2014. 203 p.

257. Vaux, R. *Memoirs of the Life of Anthony Benezet*. – Philadelphia: James P. Parke, 1817. 136 p.
258. Walcutt, Ch. Ch. *American Literary Naturalism: A Divided Stream*. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1956. 344 p.
259. Woolf, V. *The Death of the Moth and Other Essays*. – L.: The Hogarth Press, 1942. 150 p.
260. Wright, L.M. *The Literary Life of the Early Friends: 1650–1725*. – N.Y.: Columbia University Press, 1932. 312 p.

Электронные ресурсы

261. Альбедиль М.Ф. «Ты держишь мир в простёртой длани»: символика руки // Теория моды. № 27, 2013. С. 156-172. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/teoriya_mody/27_tm_1_2013/article/10352/ [Дата обращения: 15.01.2023].
262. Лаку П. Бог есть молчание / Пер. Н. Журавенковой [Эл. ресурс] // Библиотека сайта Quakers.ru. URL: <http://quakers.ru/бог-есть-молчание-лаку/> [Дата обращения: 25.01.2023].
263. Прохоров Г.М. Исихазм // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/2022047 [Дата обращения: 25.01.2023].
264. Эмблер Р. Свет, которым жить. Исследование в рамках квакерской духовности. URL: <http://quakers.ru/свет-которым-жить-рекс-эмблер/> [Дата обращения: 25.01.2023].
265. Benefiel, M. *Three Leadership Lessons from John Woolman*. 2022. URL: <https://executivesoulblog.wordpress.com/2022/07/28/3-leadership-lessons-from-john-woolman-2/> [Дата обращения: 25.01.2023].
266. *Epistle from the Friends International Center in Ramallah*. 2010. URL: <https://thefriend.org/article/epistle-from-the-friends-international-center-in-ramallah> [Дата обращения: 14.02.2023].

267. Fager, Ch. A Quaker Declaration of war. URL: <https://web.archive.org/web/20061230223453/http://quakerhouse.org/declaration-01.htm> [Дата обращения: 25.01.2023].
268. James, G. We Are Not John Woolman // Friends Journal. 2019. URL: <https://www.friendsjournal.org/john-woolman-colin-kaepernick/> [Дата обращения: 14.02.2023].
269. Kaniyon, M. Against Racism: Lessons from John Woolman. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YeCPnh9VjEY> [Дата обращения: 14.02.2023].
270. Letter from Catherine Owens Peare to W. E. B. Du Bois, August 12, 1950. URL: <https://credo.library.umass.edu/view/full/mums312-b129-i256> [Дата обращения: 15.01.2023].
271. Walz, C. John Woolman's Journey to Wyalusing. URL: <http://woolmancentral.com/wyalusingwalk.html> [Дата обращения: 14.02.2023].
272. Merriam Webster Dictionary Online [Дата обращения: 15.01.2023].
273. https://www.goodreads.com/book/show/1426266.The_Journal_Of_John_Woolman [Дата обращения: 25.01.2023].
274. <https://www.goodreads.com/book/show/12762547-john-woolman-s-journal> [Дата обращения: 25.01.2023].
275. <https://www.goodreads.com/book/show/6616777-the-journal-of-john-woolman-quaker> [Дата обращения: 25.01.2023].
276. <https://www.goodreads.com/book/show/21264884-the-journal-of-john-woolman> [Дата обращения: 25.01.2023].
277. https://www.goodreads.com/book/show/1225611.The_Journal_of_John_Woolman [Дата обращения: 25.01.2023].
278. https://www.amazon.com/-/es/John-Woolman-ebook/product-reviews/B002G1YVIS/ref=cm_cr_dp_d_show_all_btm?ie=UTF8&reviewerType=all_reviews [Дата обращения: 25.01.2023].

279. https://www.amazon.com/-/es/John-Woolman/product-reviews/1434496473/ref=cm_cr_dp_d_show_all_btm?ie=UTF8&reviewerType=all_reviews [Дата обращения: 25.01.2023].
280. https://www.amazon.com/-/es/John-Woolman-ebook/product-reviews/B018PLANOI/ref=cm_cr_dp_d_show_all_btm?ie=UTF8&reviewerType=all_reviews [Дата обращения: 25.01.2023].
281. <https://bookclub.renovare.org/c/john-woolman-s-journal/> [Дата обращения: 14.02.2023].
282. <https://pseudointellectualreviews.wordpress.com/2013/04/> [Дата обращения: 25.01.2023].
283. <https://www.imdb.com/title/tt7488388/> [Дата обращения: 31.01.2023].
284. <https://roqemedia.com/speaker/houshang-noormohamadi/> [Дата обращения: 25.01.2023].
285. <https://afriendlyletter.com/chuck-fager/> [Дата обращения: 14.02.2023].
286. <http://www.americanabolitionists.com/abolitionists-and-anti-slavery-activists.html> [Дата обращения: 31.05.2022].
287. <https://woolman.org/> [Дата обращения: 25.01.2023].
288. <https://quakerspeak.com/video/reading-the-quran-as-a-quaker/> [Дата обращения: 31.05.2022].
289. <https://quakerspeak.com/video/were-quakers-puritans/> [Дата обращения: 15.01.2023].
290. <https://www.quaker.org.uk/our-work/our-stories/remembering-john-woolman-outside-vanguard> [Дата обращения: 25.01.2023].
291. https://www.georgefox.edu/offices/peace_justice/woolman-forum.html [Дата обращения: 25.01.2023].
292. <https://www.sondaghelaveckan.se/?m=11325> [Дата обращения: 25.01.2023].
293. <http://worldquakerday.org/2015/americas.html> [Дата обращения: 14.02.2023].

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Хронология литературного творчества Джона Вулмена⁷²⁷

1746 (опубл. в 1754)	«Некоторые соображения по поводу содержания негров» (Some Considerations on the Keeping of Negroes)		
1755	«Послание нежной любви и предостережения» (An Epistle of Tender Love and Caution)		
1761 (опубл. в 1762)	«Некоторые соображения по поводу содержания негров. Часть вторая» (Some Considerations on the Keeping of Negroes, Part Second)		
1763-64 (опубл. в 1793)	«Ходатайство о бедных» (A Plea for the Poor)		
1768	«Соображения о чистой мудрости и людском рассуждении; о школах; и о правильном использовании внешних даров Господа» (Considerations on Pure Wisdom, and Human Policy; on Schools; and on the Right Use of the Lord's Outward Gifts)	1755/56	«Дневник жизни, евангельских трудов и христианского опыта верного слуги Иисуса Христа, Джона Вулмена» (A Journal of the Life, Gospel Labours and Christian Experiences, of that Faithful Minister of Jesus Christ, John Woolman)
1769 (опубл. в 1922)	«Серьёзные размышления о торговле» (Serious Considerations on Trade)	–	
1769	«Первая книга для детей» (A First Book for Children)	1772	
1770	«Соображения об истинной гармонии человечества и о том, как её следует поддерживать» (Considerations on the True Harmony of Mankind & How It is to Be Maintained)	(опубл. в 1774)	
1772 (опубл. в 1837)	«Беседы об истинной гармонии человечества и о том, как ей можно способствовать» (Conversations on the True Harmony of Mankind & How It May Be Promoted)		
1772	«О любви к ближним как к самим себе» (On Loving Our Neighbors as Ourselves) «О работорговле» (On the Slave Trade) «О торговле излишествами» (On Trading in Superfluities) «О жизни матроса» (On a Sailor's Life) «О молчаливом поклонении» (On Silent Worship)		

⁷²⁷ Хронология составлена по следующему изданию: John Woolman and the Affairs of Truth: The Journalist's Essays, Epistles, and Ephemera / Ed. by J. Proud. – San Francisco, California: Inner Light Books, 2010. 312 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Стихотворения, посвящённые Джону Вулмену

*Анонимное стихотворение на смерть Джона Вулмена (1772 г.)*⁷²⁸*dicique beatus**Ante obitum nemo, supremaque funera debet*

Ovid

How oft the Muse, smit by Ambition's blaze,
 Loads kings and heroes with unworthy praise;
 Who, while victorious in the martial field,
 To sordid vice and lawless passions yield!

How oft the soars above Olympus far,
 And crowns with laurels their triumphant car,
 Which should in sable ever be array'd,
 And solemn roll beneath the Cypress shade!

Then, shalt thou, Woolman, want a Bard sublime,
 To snatch thy labours from devouring time?
 Shalt thou, inurn'd, lie on Brittain's plains,
 Unwept and inregarded for thy pains?

Shalt thou, remote from wife, from children dear,
 Thy pleasing country,* and thy friends sincere,
 Die in oblivion, on a foreign shore,
 And be remembered when thou art no more?

Forbid it, Muse! And let some pen divine
 Be the protectress of his hallow'd shrine.
 While here below, to virtue he adher'd,
 And naught but God and his Redeemer fear'd.

Unbounded love his humble actions grac'd,
 Whereby all sects, all nations were embrac'd.
 His doctrine flow'd pure as the morning dew,
 Free to the whole, and not confin'd to few;

Thousands can witness, when they judge it meet,
 His words were powerful, and divinely sweet.
 In boundless love he left his native plain

⁷²⁸ Воспроизведено по источнику: *Drake, Th. E. A Poetical Tribute to John Woolman // Bulletin of Friends Historical Association. Vol. 43, No. 2, 1954. P. 100-101.*

To stem the billows of th' Atlantic main,

And landed here**, begirt with Christian toil,
To probe the heart, or pour the healing oil.
But, ah! that God, who sleeps not night or day,
Who careful watch'd him o'er the rolling sea,

Thought fit to intercept his safe return,
And leave his consort and his friends to mourn.
Yet hopeless weep not, when our tragic lays
Echo from hence into your distant*** place;

The shocking news with Christian patience bear,
And kiss the hand that seems to be severe:
So may you on a sure foundation rest,
And be hereafter, as we trust he's, blest.

*America

**England

***America

*Elizabeth Margaret Chandler. John Woolman*⁷²⁹ (1832)

Meek, humble, sinless as a very child,
 Such wert thou, — and, though unbeheld, I seem
 Oft-times to gaze upon thy features mild,
 Thy grave, yet gentle lip, and the soft beam
 Of that kind eye, that knew not how to shed
 A glance of aught save love, on any human head.

Servant of Jesus! Christian! not alone
 In name and creed, with practice differing wide,
 Thou didst not in thy conduct fear to own
 His self-denying precepts for thy guide.
 Stern only to thyself, all others felt
 Thy strong rebuke was love, not meant to crush, but melt.

Thou, who didst pour o'er all the human kind
 The gushing fervour of thy sympathy!
 E'en the unreasoning brute, fail'd not to find
 A pleader for his happiness in thee.
 Thy heart was moved for every breathing thing,
 By careless man exposed to needless suffering.

But most the wrongs and sufferings of the slave,
 Stirr'd the deep fountain of thy pitying heart;
 And still thy hand was stretch'd to aid and save,
 Until it seem'd that thou hadst taken a part
 In their existence, and couldst hold no more
 A separate life from them, as thou hadst done before.

How the sweet pathos of thy eloquence,
 Beautiful in its simplicity, went forth
 Entreating for them! that this vile offence,
 So unbeseeming of our country's worth,
 Might be removed before the threatening cloud,
 Thou saw'st o'erhanging it, should burst in storm and blood.

So may thy name be revered, — thou wert one
 Of those whose virtues link us to our kind,
 By our best sympathies; thy day is done,
 But its twilight lingers still behind,
 In thy pure memory; and we bless thee yet,
 For the example fair thou hast before us set.

---

⁷²⁹ Воспроизведено по изданию *The Poetical Works of Elizabeth Margaret Chandler: With a Memoir of Her Life and Character* / Ed. by B. Lundy. – Philadelphia: Lemuel Howell, 1836. P. 51.

*John Greeleaf Whittier. To — [Caroline Neagus]
With a Copy of Woolman's Journal⁷³⁰ (1843)*

“Get the writings of John Woolman by heart.” – Essays of Elia.

MAIDEN! with the fair brown tresses
Shading o'er thy dreamy eye,
Floating on thy thoughtful forehead
Cloud wreaths of its sky.

Youthful years and maiden beauty,
Joy with them should still abide, –
Instinct take the place of Duty,
Love, not Reason, guide.

Even in the New rejoicing,
Kindly beckoning back the Old,
Turning, with the gift of Midas,
All things into gold.

And the passing shades of sadness
Wearing even a welcome guise,
As, when some bright lake lies open
To the sunny skies,

Every wing of bird above it,
Every light cloud floating on,
Glitters like that flashing mirror
In the self-same sun.

But upon thy youthful forehead
Something like a shadow lies;
And a serious soul is looking
From thy earnest eyes.

With an early introversion,
Through the forms of outward things,
Seeking for the subtle essence,
And the hidden springs.

Deeper than the gilded surface
Hath thy wakeful vision seen,

---

⁷³⁰ Воспроизведено по изданию: *The Complete Poetical Works of John Greenleaf Whittier.* – Boston and New York: Houghton, Mifflin and Company, 1904. P. 213-215.

Farther than the narrow present
Have thy journeyings been.

Thou hast midst Life's empty noises
Heard the solemn steps of Time,
And the low mysterious voices
Of another clime.

All the mystery of Being
Hath upon thy spirit pressed, –
Thoughts which, like the Deluge wanderer,
Find no place of rest:

That which mystic Plato pondered,
That which Zeno heard with awe,
And the star-rapt Zoroaster
In his night watch saw.

From the doubt and darkness springing
Of the dim, uncertain Past,
Moving to the dark still shadows
O'er the Future cast,

Early hath Life's mighty question
Thrilled within thy heart of youth,
With a deep and strong beseeching;
What and where is Truth?

Hollow creed and ceremonial,
Whence the ancient life hath fled,
Idle faith unknown to action,
Dull and cold and dead,

Oracles, whose wire-worked meanings
Only wake a quiet scorn, –
Not from these thy seeking spirit
Hath its answer drawn.

But, like some tired child at even,
On thy mother Nature's breast,
Thou, methinks, art vainly seeking
Truth, and peace, and rest.

O'er that mother's rugged features

Thou art throwing Fancy's veil,
 Light and soft as woven moonbeams,
 Beautiful and frail!

O'er the rough chart of Existence,
 Rocks of sin and wastes of woe,
 Soft airs breathe, and green leaves tremble,
 And cool fountains flow.

And to thee an answer cometh
 From the earth and from the sky,
 And to thee the hills and waters
 And the stars reply.

But a soul-sufficing answer
 Hath no outward origin;
 More that Nature's many voices
 May be heard within.

Even as the great Augustine
 Questioned earth and sea and sky,
 And the dusty tomes of learning
 And old poesy.

But the earnest spirit needed
 More than outward Nature taught;
 More than blest the poet's vision
 Or the sage's thought.

Only in the gathered silence
 Of a calm and waiting frame,
 Light and wisdom as from Heaven
 To the seeker came.

Not to ease and aimless quiet
 Doth that inward answer tend,
 But to works of love and duty
 As our being's end;

Not to idle frames and trances
 Length of face, and solemn tone,
 But to Faith, in daily striving
 And performance shown.

Earnest toil, and strong endeavor
 Of a spirit which within
 Wrestles with familiar evil
 And besetting sin.

And without, with tireless vigor,
 Steady heart, and weapon strong,
 In the power of truth assailing
 Every form of wrong.

Guided thus, how passing lovely
 Is the track of Woolman's feet!
 And his brief and simple record
 How serenely sweet!

O'er Life's humblest duties throwing
 Light the earthling never knew,
 Freshening all its dark waste places
 As with Hermon's dew.

All which glows in Pascal's pages –
 All which sainted Guion sought,
 And the blue-eyed German Rahel
 Half-unconscious taught:

Beauty, such as Goethe pictured –
 Such as Shelley dreamed of, shed
 Living warmth and starry brightness
 Round that poor man's head.

Not a vain and cold Ideal –
 Not a Poet's dream alone,
 But a presence warm and real,
 Seen and felt and known.

When the red right-hand of slaughter
 Moulders with the steel it swung,
 When the name of seer and poet
 Dies on Memory's tongue,

All bright thoughts and pure shall gather
 Round that meek and suffering one –
 Glorious – like the Seer-seen Angel
 Standing in the sun!

Take the good man's book and ponder
What its pages say to thee;
Blessed as the hand of healing
May its lesson be.

If it only serves to strengthen
Yearnings for a higher good –
For the fount of living waters
And diviner food,

If the pride of Human Reason
Feels its meek and still rebuke,
Quailing like the eye of Peter
From the Just One's look,

If with readier ear thou heedest
What the Inward Teacher saith,
Listening with a willing spirit,
And a child-like faith, –

Thou mayst live to thank the giver
Who, himself but frail and weak,
Would at least the highest welfare
Of all others seek;

And his gift, though poor and lowly
It may seem to other eyes,
It may prove an Angel holy
In a Pilgrim's guise.

Стихотворение из «Историй сестры Руфи» (1865 г.)⁷³¹

LINES ON THE DEATH OF JOHN WOOLMAN

His pilgrim-staff is broken,
 His sandals laid aside:
 And full of joy and triumph,
 He's crossed the swelling tide.

For though to him, the summons
 Came ere the evening time –
 Before his head was covered
 With Autumn's hoary rime;

Yet glad, he heard the message,
 "Come to the Blessed Shore,
 Thy work is now accomplished,
 Thy pilgrimage is o'er."

For toilsome was the journey –
 A rough and devious way;
 Oft through the lonely deserts.
 And o'er the hills, it lay.

And onward he went weeping,
 With others' griefs bowed low;
 From morn till even, pleading,
 "Oh! let the captive go!"

For in his ears was ringing,
 The cry from Afric's land;
 And sounds of bitter wailing
 Were heard on every hand.

To plead for these, his mission,
 The suffering and the weak;
 To visit those in prison –
 And for the dumb to speak.

And in the field appointed,
 He labored long and well –
 The conflict ne'er gave o'er,

---

⁷³¹ Воспроизведено по изданию: R. P. A. Sister Ruth's Stories for the Young: or, Evenings with John Woolman. – Philadelphia: J.B. Lippincott & Co, 1865. P. 120-121.

Till at his post he fell.

His pilgrim-staff is broken,
 His sandals laid aside –
 And full of joy and triumph,
 He's crossed the swelling tide

And done with toil forever,
 He's entered on his rest, –
 The heavenly "rest" remaining,
 For those the Lord hath blest!

*Blake Jerome Everitt (The Quaker Hesychast)
 For John Woolman⁷³² (2018)*

Dark liturgies
 of tranquilicide reign

as red the Christspawned Mother
 deepens the flow of absence

until One enters
 Truth-baptised

to tell

as cloven history, aswarm with clay,
 greyens Godward

and griefsnakes rattle in mercy.

---

⁷³² Воспроизведено по веб-публикации: <https://quakerhesychast.wordpress.com/page/2/>

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Иллюстрации

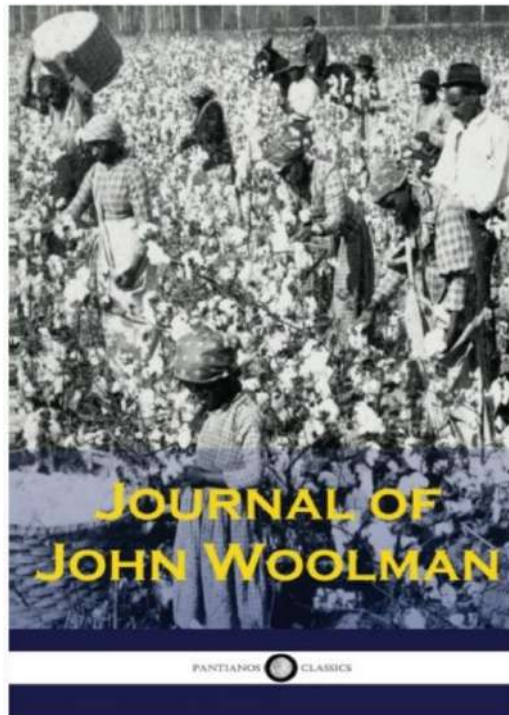
Примеры оформления изданий «Дневника»

Рис. 1. CreateSpace Independent Publishing Platform, 2016.

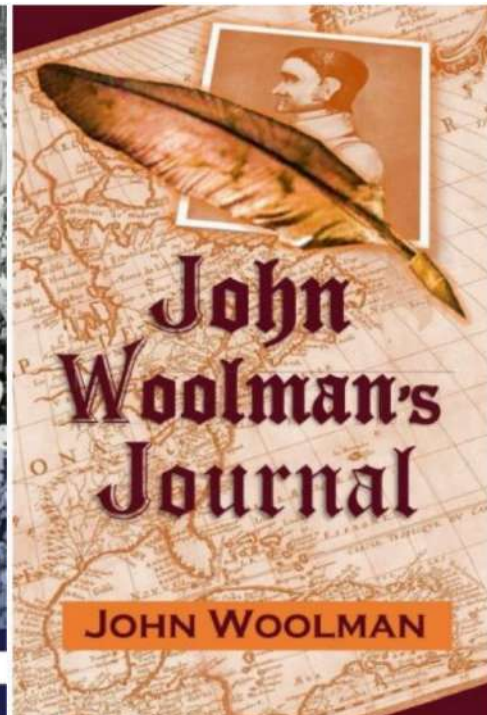

Рис. 2. Adventure Journeys Publishing, 2022.

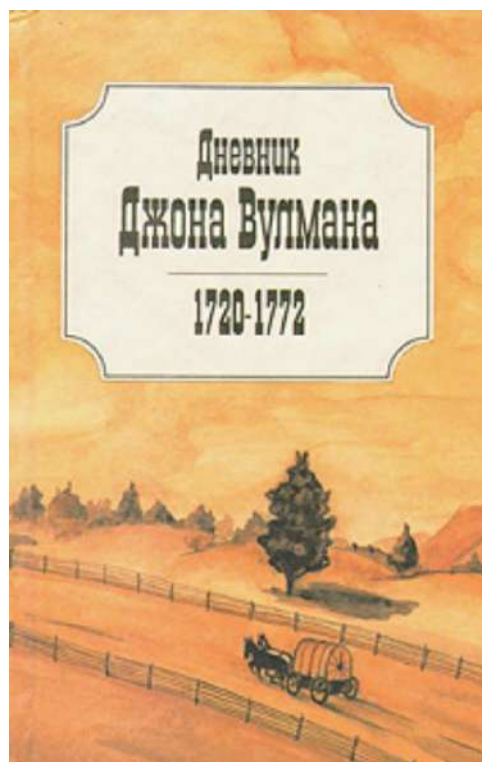

Рис. 3. Изд-во «Астрейя», 1995.

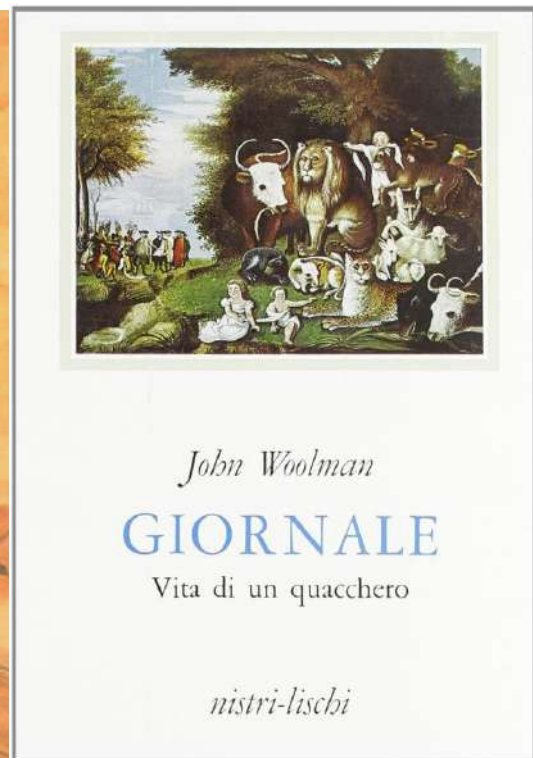

Рис. 4. Nistri-Lischi, 1978.

Портреты Вулмена

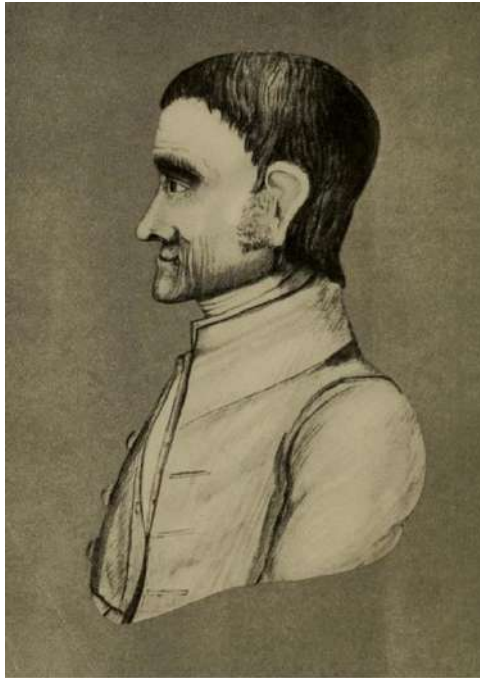

Рис. 5. Часто публикуемый предполагаемый портрет (автор неизвестен).

Рис. 6. Портрет из книги Уитни (художник Дж. Дж. Уитни).

Рис. 7. Портрет⁷³³, основанный на рисунке, выполненном по памяти Робертом Смитом III (художник Леонард Баскин).

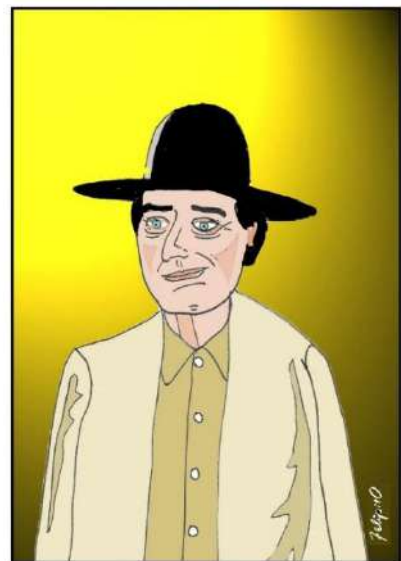

Рис. 8. Один из современных портретов (автор неизвестен)⁷³⁴.

⁷³³ Опубликовано в издании: Woolman, J. Some Considerations on the Keeping of Negroes (1754). Considerations on Keeping Negroes (1762). – N.Y.: The Viking Press, 1976. 96 p.

⁷³⁴ Эл. ресурс: <https://cakesandale.org/2020/10/08/peaceful-john-woolman/> (Дата обращения: 18.09.2023 г.).

Оформление форзацев в издании «Дневника» на русском языке (Астрея, 1995 г.)

Рис. 9. Форзац 1.

Рис. 10. Форзац 2.

Примеры иллюстраций к книге Джэнет Пейн Уитни «Джон Вулмен, американский квакер» (1942 г.). Художник Джордж Джиллетт Уитни

Рис. 11. Иллюстрация к главе XII «Портной».

Рис. 12. Иллюстрация к главе XLIII «Йорк».

Различные формы коммеморации наследия Вулмена

Рис. 13. «Школа Джона Вулмена» в Калифорнии.

Рис. 14. Подпись к фотографии с сайта: «Празднуя Всемирный день квакерства, мы послушали некоторых Друзей из прошлого, которые совершили путешествие во времени, чтобы быть с нами здесь сегодня. Слева направо: Джон Вулмен, Джордж Фокс и Лукреция Мотт»⁷³⁵.

⁷³⁵ Эл. ресурс: <http://worldquakerday.org/2015/americas.html>. (Дата обращения: 14.02.2023.)

Рис. 15. Акция «Иди, Друг: Пеший поход в честь 250-летия поездки Вулмена в Виалусинг» (Пенсильвания, 2013 г.).

Рис. 16. Актёры Даг Томас в роли рабовладельца и Рич Суингл в роли Джона Вулмена. (На обеих иллюстрациях – кадры из документального фильма *Quakers: The Quiet Revolutionaries*, реж. Джэнет П. Гарднер (2018 г.).)